

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал №12 (75)
декабрь, 2022

*Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!*
А. С. Пушкин

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами декабрьский номер литературно-исторического журнала «Александръ», подводящий итог грозному 2022 году. Несмотря на тяжёлое военное время, именно в такие годы наступает час Истины, когда люди проявляют себя, показывая своё настоящее лицо. Это время объединения, проявления патриотизма, реализации творчества, направленного на созидание. Наверное, это и является одной из причин того, что публикуемые в «Александре» произведения были особенно искренними и доходили до самого сердца читателей, о чём свидетельствовали добрые отзывы и слова благодарности, получаемые редакцией.

И, наверное, само Время способствовало тому, что нам удалось издать три замечательных сборника – «Ахматовский парк», «Пора в космос» и «Форосские тетради», – объединивших литераторов со всей России и получивших высокую оценку профессионального литературного сообщества.

На Новый год принято говорить добрые слова. Сегодня все мечты сводятся к пожеланию Мира на Русской земле! Пусть Новый год откроет путь к миру и доброте. Пусть в минувшем году остаются все беды, невзгоды и разочарования. А грядущий год даст силы и веру в лучшее, подарит здоровье, доброту и тепло окружающих людей! С наступающим Новым годом!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ЧТО ОСТАВИМ ПОТОМКАМ?

Приезжая на малую родину, первым делом иду на кладбище нашей бывшей деревни Шушпан-Ольшанка, что на Тамбовщине, всегда останавливаюсь у могилы, где на камне выбита эпитафия: «Деревни ваши опустели, оставив потомкам погост». Надпись необычная. Трогает и наводит на размышления. Да, опустели: вокруг этого кладбища на большой территории когда-то располагалось около двадцати деревень, сёл и хуторов. И такое повсюду.

С середины 70-х годов прошлого столетия с карты России исчезли тысячи сельских поселений. Их территория напоминает последствия природной или техногенной катастрофы. Развалившиеся дома, разрушенные фермы с торчащими бетонными перекрытиями, одиноко стоящие столбы с обрывками проводов и заросшие репейником дороги. У некоторых брошенных сёл видны поклонные кресты. В нашей деревне остался лишь жестяной памятник сельчанам, погибшим во время Великой Отечественной войны.

Иной скажет – урбанизация. Да, конечно, этот процесс объективный, но к нему примешались человеческая тупость и бездушие, превратив в трагедию.

Про деревню перестали говорить, писать. Лишь изредка слышим ностальгические песни под гармонь типа «деревенька моя». Либеральная часть чиновников придумала теоретическое обоснование скорбному явлению: мол, деревня перестала производить материальный продукт, потому и не вписывается в рынок. Разумеется, о скрепах нации и прочих мерах безопасности никто не подумал. Чего уж тут, хотели пять городов-миллионников построить.

Забывать село невозможно. Оно всегда было оплотом государства, кормило его, формировало характер человека, его культуру, необъяснимое терпение к невзгодам, а когда было нужно, становилось в ополчение и гнало врага со своей земли. Государство в неоплатном долгу перед деревней. Вспомните лишения 20-х и 40-х годов прошлого столетия, которые выпали на крестьян. Вспомните 50-е, когда пятьдесят процентов продуктов давали личные подворья.

И вот какой парадокс: я ещё застал время, когда не было электричества, газа, водопровода, дорог и даже радио на деревне (50–60-е гг. того же столетия). Но народ не бежал. Правда, и бежать было некуда, и возможностей не было. Теперь же всё есть, или почти всё, а крестьянин по-прежнему говорит своему чаду: «Учись, оболтус, а то будешь прозябать, как я».

Раньше все работали от зари до зари. Убирали по 10–20 центнеров с гектара и радовались. Труд был ручной по большей части. Во времена Б. Ельцина развалили, вернее, уничтожили колхозы и совхозы. Фермерство не привилось, потому что никто ничего не понимал. Взятые огромные кредиты приказали долго жить. Систему разрушили в угоду западной сельхозэкономике.

Однако со временем фермерство оформилось по новой схеме, земли запахали и стали намолачивать по 40–80 центнеров. Не везде, конечно. В магазинах, как в городе, всё есть и более качественное, а народ всё равно бежит. Почему?

Отвечу примером из жизни. Фермер Ю. Зубарев в Староюрьевском районе Тамбовской области

полностью заменил обанкротившийся совхоз. Это у него такие урожаи. Современные машины и высокие технологии обработки земли заменили сотни рабочих на несколько десятков механизаторов. А куда деваться оставшимся? Они не могут даже вырастить и продать свой урожай. Некому. Вот и вырисовывается одна из главных причин исхода людей со своей земли. Раньше на условия быта ссылались, теперь – на отсутствие работы, иными словами, средств существования.

Нельзя сказать, что в этом направлении ничего власть не делала. Делала фрагментарно. Вопрос быстро не решить. Очевидно, нужна государственная программа воссоздания и развития российского села. Не фермерства, а села. Эти понятия часто путают умышленно: принимают, например, закон о фермерах, а говорят о селе.

Уже сегодня стоило бы заняться перераспределением бизнеса. Направлять его на периферию, ведь вокруг крупных городов уже не протолкнуться. Экология страдает, нечем дышать из-за загазованности. Нужно оказать помощь людям, создать стимулы.

Также неплохо бы, а по сути, необходимо возродить или обновить систему потребкооперации, и тогда 25 млн сельских жителей (пусть не все) могли бы, как это было раньше, выращивать и продавать свой урожай, мясо, шерсть, шкуры животных (изделия покупаем за рубежом). Опыт есть. Тем более что это важно в нынешних непростых для нас условиях, которые завтра вряд ли изменятся в лучшую сторону.

Нашим поколениям, на которых лежат большие грехи за последние тридцать лет, нельзя допустить, чтобы потомкам остались проржавевшие памятники и заросшие погосты. Это будет лучший вклад в воспитание любви к Отечеству.

Александр Иванович ГУРОВ,
почётный гражданин Тамбовской области,
генерал-майор ФСК России, доктор юридических наук,
профессор

ГОСТЬ НОМЕРА

- 7 Александр Гуров.**
Хотя бы одним глазом...

ПАМЯТЬ

- 11 Василий Киляков.**
Русский лес Михаила Лобанова
- 13 Михаил Лобанов**

ПОЭЗИЯ

- 15 Николай Полотнянко**
- 17 Олег Селедцов**
- 21 Валерий Румянцев**

НОВОГОДНИЙ КАЛЕЙДОСКОП

- 23 Александр Балтин.**
Новогодние гирлянды русской поэзии
- 27** Рождественская поэзия
- 29** Поэтический русский Христос

СОЧЕЛЬНИК

- 31 Анатолий Труба.**
Что Господь ни делает –
всё к лучшему

СКАЗАНИЯ

- 34 Сергей Шилкин.**
Стенька
- 38 Сергей Шелковников.**
Байкал

КРАЕВЕДЕНИЕ

- 41 Валентина Черемисина.**
Двое на постаменте раскрывают тайны
- 42** Резец ведёт через века

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 44 Александр Боев**

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

- 47 Вадим Кулинченко.**
Из прошлого о настоящем

ЖИТЕЙСКОЕ

- 51 Виталий Богомолов.**
Жизнь мимо жизни

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 55 Вячеслав Колесов.**
Время пришло!
- 61 Валерий Мазманян.**
Следя за сменами времён...

ВОСПОМИНАНИЯ

- 65 Евгений Татарников.**
Грибной жульен в «стекляшке»
посреди Кремля

ДЕБЮТ

- 70 Алексей Шихалёв**
- 73 Арина Беззубцева**
- 74 Леонид Донсков**

ПРОЗА

- 77 Яков Шафран.**
Твёрдое слово

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 95 Александр Сергеев.**
Награда для журнала «Александр»

На вклейке: работы художника
Никаса Сафронова

САЛОННЫЙ ФОРМ ИЗОБРЕТ
ЗОЛОТОЙ ПУШКА

Журнал издан за счёт благотворительной помощи, оказанной Фондом
«Рассказовский» и директором ФГБНУ «ФНЦ садоводства»
Иваном Михайловичем Куликовым

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при
содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель
науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник
культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филар-
монии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественно-
стью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего
профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслужен-
ный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора
«Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения
«Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского
отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист,
общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драма-
тического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профес-
сор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза
писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ
РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут
ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с
почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную
версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 12 (75), декабрь 2022 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728
от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.12.2022 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13,
Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом
в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии,
находящиеся в интернете в свободном доступе.

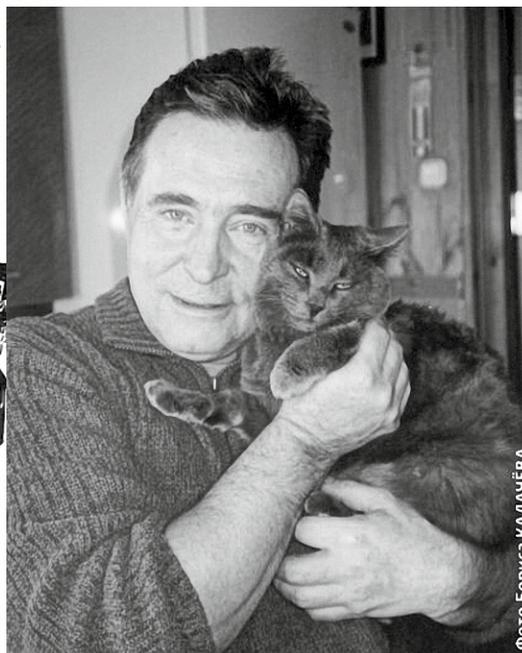

Фото Бориса КАЛЧЕВА

ИЗ ЗАПИСОК ПОКИНУВШЕГО РОДИНУ

Александр Гуров

Котья бы одним глазком...

Как-то на одном мероприятии встречаю своего односельчанина. Спрашиваю:

– На родине давно не был?

– А чего там делать? – отвечает. – Деревни нет, разве что на могилке родственников побывать, да времени всё не хватает.

– И что, совсем не тянет?

– Да как сказать, – отвечает. – Конечно, тянет. А потом... Дорог там нет, народ спивается, землю и ту, говорят, уже не пашут, – как бы оправдываясь, подытоживает земляк.

– Так-так, – говорю, – а ты давно по этим дорогам ходил-то?

– Так... когда же это?.. Да, пожалуй, лет уж тридцать как уехал. Ты же сам помнишь, когда люди в города побежали.

Как не помнить. Сам уехал после армии. Психоз переселения пришёлся на конец 1960-х – начало 1970-х годов прошлого столетия. Сказались последствия «хрущёвской оттепели», растопившей вековые устои кре-

стьянского быта. С карты Тамбовской области (впрочем, как и других) быстро стали исчезать деревеньки и сёла.

Много сегодня спорят о причинах опустения русской деревни. Причина, конечно, не одна. Но главная, по мнению либеральных теоретиков, связана с раскрепощением крестьян: мол, получили паспорта и айда от могил предков искать лучшую жизнь. А почему искали? Вот в чём основная причина, с моей точки зрения.

Поколение постарше хорошо помнит, как партия объявила бесперспективными небольшие деревни и хутора, как скучивали крестьян на совхозных усадьбах в двухэтажных бараках с полоской земли у окон. Как из небольших компактных колхозов искусственно создавали огромные совхозы, как запрещали иметь живность – не больше одной коровы и поросёнка (дескать, зачем рабочему человеку копаться в навозе), как отрезали вместе с садом часть

огорода, оставляя 20 соток, как взрывали купола храмов, не разрушенных даже первыми безбожниками в затёртых кожаных тужурках. Как... Да что там! Можно перечислять и перечислять эксперименты над крестьянами.

А дорог тогда действительно не было. Были большаки с лугом по обе стороны метров на сто, а то и больше, чтобы легче на телеге в распутицу ехать. До района из села Шушпан-Ольшанка (это 22 км) весной или осенью можно было добираться дольше суток. Упаси бог заболеть – не довезут. Выручал трактор. А всё потому, что и луг распахали во время целинной и кукурузной эпидемии. Ни пройти, ни проехать.

Радио к нам в деревню провели, кажется, году в 1961-м, а электричество – пятью годами позже. Так что радиоприёмники и телевизоры мы не знали, а если и слышали о них, то не воспринимали за реальность.

Жизнь на селе была тяжёлой. Крестьянский труд властью не ценился. За трудодни (была такая единица измерения труда) денег не платили, а порой и натурой тоже не давали. Выгребали всё в сверхплановые поставки из колхозных закровов. У нас в колхозе «Передовой» (домов 25–30) все председатели (посменно), заместители, учётчики и сторожа имели судимости за самоуправство и халатность: осмеливались после сдачи зерна по плану оставшееся раздать колхозникам без разрешения райкома партии.

Раздавали, конечно, осознанно. А иначе не выживешь, иначе голод. Кормились больше с 40 соток земли, на которых сеяли пшеницу и рожь, свёклу и морковь, подсолнух и коноплю для верёвок (тогда это был дефицит). Кормились сами, и государство кормило: 52 процента продуктов в стране приходилось не на импорт, а на крестьянские хозяйства.

Конечно, чего греха таить, и приворовывали тоже. А по справедливости – возвращали недодаденное властью. Бывало, в дни великих битв за урожай зерно ссыпали фурами и бункерами. Зазорным это не считалось, хотя с юридической стороны было совершением тяжкого преступления.

Живых денег на деревне не имелось, разве что от продаж в городе семечек, мёда или ещё чего.

Стыдно сказать, но белый хлеб по 13 копеек за батон, который привозили из Москвы полунцие лимитчики-односельчане, нам раздавали ломтями торжественно. Так, как если бы сегодня угощали тортом «Наполеон». Но больше мне запомнился другой хлеб: чёрный, мягкий, душистый каравай домашней выпечки. Тогда пекарен не было. Кстати, сами делали колбасу, рулеты, сыр и многое другое, о чём сегодня знают не везде.

...В те годы крестьяне работали много. Не были исключением и мы – ребятишки старше десяти лет. Дед Степан научил меня косить траву уже в тринадцать лет. Я до сих пор кошу её литовкой на даче, хотя есть всякие газонокосилки.

Сегодня русло реки Шушпани не разглядишь – лес стоит. А в годы моего детства и юности там были лишь маленькие кустики. Мы не давали разрастись ольхе, осокору, иве и тальнику. Всё это шло на дрова (топить, кроме соломы, кизяка и торфа, было нечем) и плетни.

Научил меня дед и с садом обращаться (у меня теперь, наверное, лучший в Красногорском районе Московской области сад), и крыши крыть, и пахоту бороновать, и многому другому.

Нам, ребятишкам, часто приходилось помогать родителям. Да и как иначе, мы же видели, как трудятся взрослые. Делали это порой через силу. Ну скажите, кому хочется в жару, когда все на речке, вместе с матерью мотыжить или полоть три гектара свёклы? Столько давали для ручной обработки женщинам-совхозницам. А что им перепадало после сбора урожая? Почти ничего: мешка два сахарного песка и рублей 60–80.

Повзрослев, уже в девятом классе, я стал работать на тракторе, сначала прицепщиком, подменным трактористом, а потом доверили Т-38 с культиватором КРН-2. Умышленно привожу эти названия. Я их не забыл, да и как забудешь! Приходилось работать и на комбайне «Сталинец». Его таскал гусеничный трактор.

Экипаж наш состоял из пяти человек. Это было крайне непродуктивно, затратно. Но нам доверили, и мы, мальчишки лет по 16–17, это доверие оправдывали. Мы были заняты делом, и это было основой нашего воспитания. Поэтому, когда мне задают вопрос «Как вас воспитывали?» – я не знаю, как ответить. Сказать: «Никак» – несолидно. И говорю в таких случаях: «Трудом». Думаю, не ошибаюсь.

Сегодня ребят возят в школу на автобусах, и они, вероятно, думают, что автобус – это атрибут учёбы, как линейка, пенал или учебник.

А нам приходилось покрывать расстояния от дома до средней Новиковской школы в 22 км, а если через районный центр, то и все 30. Жили в интернате, питались там же: бутылка постного масла в месяц, картошка, макароны на три рубля. Вот это был пост! Не 40 дней, а все четыре года учёбы. На лыжных тренировках, бывало, кружилась голова от недоедания, и тогда наш директор Владимир Воробьёв приказывал выдать «спортсменам» по чашке (примерно 1 кг) сахарного песка. И ничего! Нередко отбирали призы даже у староюрьевских, где, надо сказать, спортивные команды по лыжам, стрельбе, бегу были весьма сильными традиционно.

Нередко можно слышать: «Вот раньше разве так жили, а теперь цены поднимаются...» Прошедшие молодость, здоровье скрашивают воспоминания, и даже моё поколение забывает, как в 1950-е годы ходили уполномоченные по заготовкам и объявляли: сдать столько-то масла, молока, яиц и пр.

Помнится, бабка Катя говорит такому уполномоченному с прорезиненной планшеткой:

– Родимый, да ведь коровы-то у нас нет, где же я возьму?

– Нету?! Значит, купи, а сдай, что положено, – следовал ответ.

– Да ведь денег-то тоже нет, где взять? – горестно скрестив на животе руки, пыталась разжалобить бабушка представителя власти.

– Не-е-ету-у? – с издёвкой тянул он. – Так продай чего-нибудь и купи масла. Так надо для страны.

Я тогда учился в третьем классе и никак не мог понять: стране масло надо, а нам – нет!

Вот почему, не особенно веря словопрениям генсеков коммунистической партии, деревенский говорил своим детям уже в раннем детстве:

– Учись, оболтус. Видишь, как отец хребет гнёт задаром. Учись, может, куда устроишься. Тут делать нечего.

Власть, к сожалению, этих настроений не учитывала. Видно, и сама верила в светлое будущее коммунизма, который, по заявлению первого секретаря партии Н. С. Хрущёва, должен был наступить в 1980 году.

А чтобы народ поверил ему, нужно было показать, что счастье не за горами. Кажется, в 1962 году в районной столовой стали давать бесплатно хлеб, чай без сахара и горчицу. Мы поверили. Ну а буквально через год стали получать по 400 граммов эрзац-хлеба в интернате. Своё зерно кончилось, перешли на канадское...

И всё же, несмотря ни на что, я твёрдо решил работать в районном отделе милиции. На третьем году срочной службы написал начальнику милиции письмо с просьбой зачислить меня в уголовный розыск после армии. К тому времени я окончил офицерские курсы, вступил в партию и не сомневался, что созрел для раскрытия запутанных преступлений. Однако ответ меня разозлил и обидел одновременно. Невзирая на мои доводы, начальник милиции, кажется Чирков, в своём ответе сослался на отсутствие у меня юридического образования, одним словом, в розыск меня не взял. Мог бы, конечно. Тогда и со средним образованием в органах внутренних дел служило мало людей.

Обидевшись, я уехал в Москву и стал работать в конвойном полку милиции простым конвоиром.

Так началась моя милицейская карьера. Потом окончил МГУ, аспирантуру без отрыва от производства. Защитил кандидатскую, а затем через десять лет и докторскую диссертацию. Разработал теорию борьбы с организованной преступностью, которой, по официальной версии, у нас не было. В статье «Лев готовится к прыжку» вместе с известным, ныне покойным,

журналистом Юрой Щекочихиным мы впервые предали огласке результаты исследования. На дворе стоял 1988-й – вовсю продвигались новое мышление и перестройка с гласностью. Но я чуть с работы не слетел. В буквальном смысле спас М. С. Горбачёв. И вместо увольнения предложили должность начальника Управления по борьбе с организованной преступностью. Потом в силу ряда обстоятельств пришлось перейти на работу в КГБ. Под натиском демократии я в числе многих тысяч специалистов был отправлен в отставку. После четырёх лет «отдыха» меня снова призвали, но уже в 1999 году, уговорили возглавить вместе с Сергеем Шойгу и Александром Карелиным федеральный избирательный список «Единство» («Медведь»). Мы тогда набрали 24 процента голосов, нас поддержала и Тамбовская область. С этого момента начался новый поворот в развитии российской государственности, поскольку изменилась расстановка политических сил.

...Мне часто приходится бывать на Тамбовщине и, конечно, в нашем районе, ведь в депутаты я избирался по Тамбовской области. Наверняка кто-то скажет: «Ага, генерал, сам едешь на родину по долгу службы, а других критикуешь».

Нет, и до депутатства я часто бывал на родине, да, собственно, душой никогда оттуда и не уезжал. Пока стояла наша Шушпан-Ольшанка, мы с братьями (нас шестеро) до последнего туда ездили. Там дом у нас был, пасека. Когда деревня и вовсе опустела, мы купили дом в Чурюкове, поставили пасеку и снова не вылезаем из деревни. Жаль только, что в Ольшанку нельзя ни въехать, ни войти: всё заросло и заболотилось. Деревня не пускает к себе, она как бы мстит нам за предательство. Однако каждый год, падая в буреломе, обжигаясь о крапиву и цепляясь за репейники, я пробирюсь к останкам своего дома. Сажусь на развалины и вспо-

минаю былое: грустно становится и вместе с тем легко. Вроде побывал в своей юности.

Деревни нет, а она зовёт, манит к себе. Недавно навестил свою родственницу, Валентину Михайловну Кривошееву. Ей далеко за восемьдесят, и она всё спрашивала: «Ну, как там?» А потом заплакала и говорит сквозь слёзы: «Скоро умирать, хоть бы одним глазком глянуть на Ольшанку».

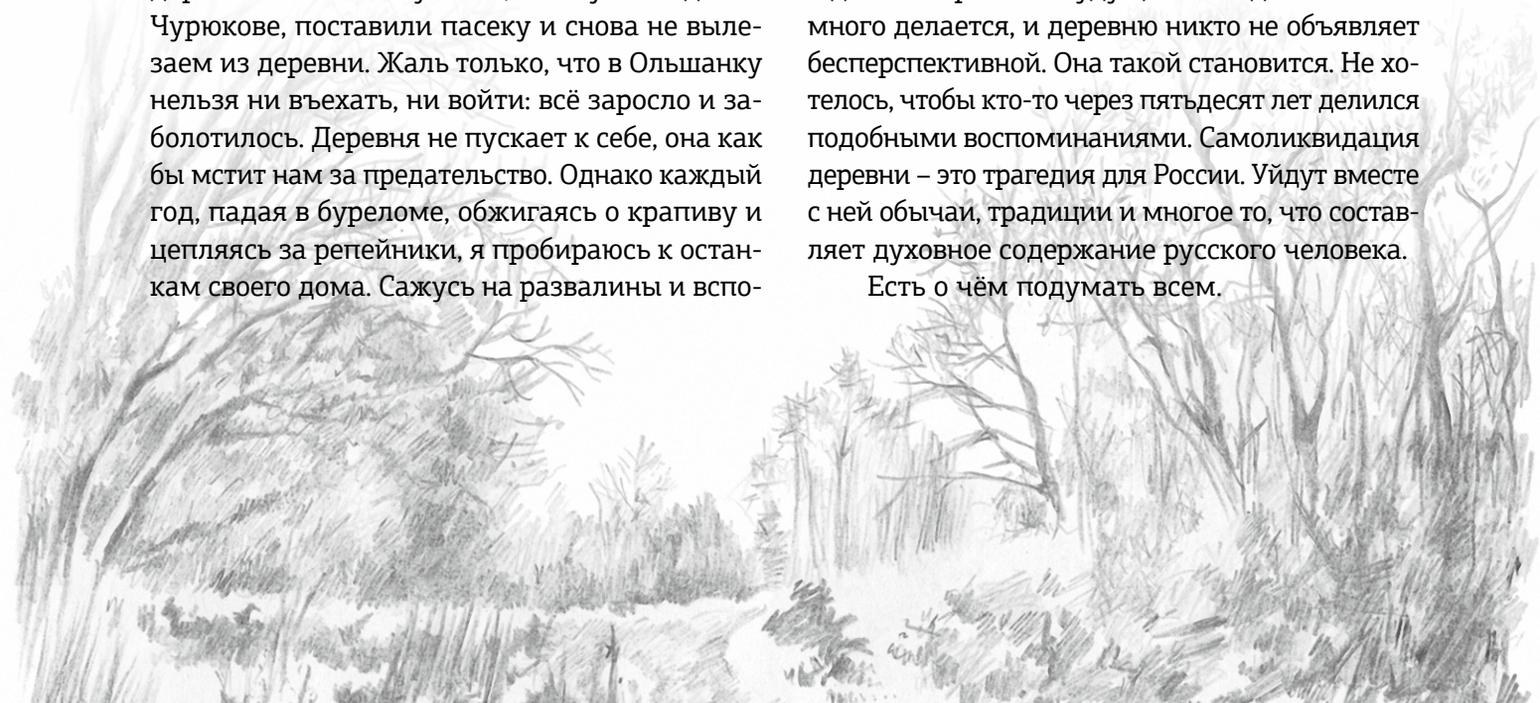
Вот так – хоть одним глазком! И такое чувство у всех без исключения. Не случайно же в Московском регионе мы создали семь лет назад Тамбовское землячество, цель которого – связь с малой родиной. Мне, правда, не нравится словосочетание «малая родина». Она для меня большая Родина: там мы родились, оттуда вышли в люди. А что такое Родина? Спроси любого, и он сразу не скажет. Ответ у каждого, наверное, свой будет.

Как-то в послереволюционные годы Александра Куприна вели на допрос к следователю, и конвоир – матрос Семёнов-Тян-Шанский (родственник известного путешественника), – сетуя на вопли интеллигенции о родине, спросил писателя: «А что такое Родина, скажи?»

И Куприн не мог ответить на этот, казалось бы, простой вопрос. Потом в своём рассказе «Шестое чувство» написал, что Родина – это всё, что тебя окружает – земля, небо, кусты, родители... Одним словом, ощущение Родины можно сравнить с шестым чувством (известно пять).

Вспоминая о прошлом, с грустью и надеждой смотришь в будущее. Сегодня властью много делается, и деревню никто не объявляет бесперспективной. Она такой становится. Не хотелось, чтобы кто-то через пятьдесят лет делился подобными воспоминаниями. Самоликвидация деревни – это трагедия для России. Уйдут вместе с ней обычаи, традиции и многое то, что составляет духовное содержание русского человека.

Есть о чём подумать всем.

РУССКИЙ ЛЕС МИХАИЛА ЛОБАНОВА

К ГОДОВЩИНЕ УХОДА ПИСАТЕЛЯ

В жизни человека, ищущего сочетания «прекрасного и вечного», кроме дней его рождения, женитьбы, появления на свет детей, этих по-настоящему значительных для него событий, есть ещё и дни незабываемые, определяющие – это дни встречи с духовным авторитетом. Таким авторитетом, такой личностью стал для меня мой учитель Михаил Петрович Лобанов.

Помню первую встречу с Михаилом Петровичем в августе трагического для моей страны 1991 года, когда я приехал в Литинститут на сдачу экзамена по «мастерству» и, пройдя творческий конкурс на отлично, был окрылён этим успехом. Я знал тогда, к кому и зачем я поступаю в Литературный институт, вполне определился в своих чаяниях и ждал встречи с автором «Аксакова» и «Островского» в ЖЗЛ – настоящим мастером, человеком, написавшим «Из памятного», «Надежда исканий», «В сражении и любви», книги, в которых тончайшим образом были разобраны литературные опыты студентов. И то, как они были разобраны, не

оставляло никаких сомнений, что учиться необходимо именно у Лобанова.

Если желаешь понять хоть что-нибудь, ищешь «сочетания прекрасного и вечного» в мире, в литературе – нужно двигаться вперёд от подлинного, пережитого, только тогда твой путь станет «дорогой к себе». Сегодня, когда прошло пять лет со дня ухода Михаила Петровича, я вижу, что не ошибся. Я поступал к нему три раза, поступал, выбирая именно тот поток, которым руководил он. А тогда, в 1991-м, я прошёл творческие конкурсы по жанру «критика» к Е. А. Сидорову, будущему министру культуры, и по жанру «проза» – к М. П. Лобанову, ни минуты не сомневался, на котором из преподавателей остановить свой выбор, если, конечно, Михаил Петрович примет меня. (Танки, однако, уже пыхтели по брусчатке Москвы...)

«Поднимись во весь свой рост, гордый русский человек, и пусть содрогнутся в мире все, кому ненавистна русская речь и нетленная слава России», – писал Л. М. Леонов. Вот

именно это: самоуважение, уверенность в себе и в судьбах Родины – и внушал нам Михаил Петрович всем видом своим, образом мыслей и творчества. Он – прямой продолжатель дела Леонида Леонова – отдал годы изучению его творческого наследия, разговаривал с ним, учился у него, перенимал и впоследствии передавал нам, студентам, те каноны жизни и «самостояния», которые несла русская интеллигенция той ещё, «царской» эпохи. Благородная, национально ориентированная интеллигенция – не «прозападнического толка» интеллигенцию имею в виду, не «мировую обшмыгу» (по слову Ф. М. Достоевского), а подразумеваю почвенников, государственников, центристов, жизнь готовых отдать за Россию-Родину, не задумываясь.

Я не знаю, кто мог бы лучше, подлиннее, «первозданней», что ли, донести до нас, тогдашних студентов «перестроечных» времён и либерального перегиба-перелома, главную мысль, идею неповторимого романа Л. М. Леонова «Русский лес»: что «лес» – главное богатство страны, а «лес» этот – люди русские. И как же он оказался прав! Сбережение нации, веры православной, культивирование русской души и духа в людях, способных слушать и слышать, – вот главная идея и цель, которой М. П. Лобанов отдал всю жизнь и отдаёт через книги свои и сегодня, высокая традиция, истоки которой – от Батюшкова, Карамзина, Державина.

Он всегда «на передовой» – от Курской дуги, с того страшного боя, в котором танки плавились и горели всей толщей брони, в котором в семнадцать с небольшим был он ранен. Лобанов и сегодня на передовой – своим трудом, живым творческим наследием литератора, критика, преподавателя. Вся жизнь его – Служение с большой буквы Отечеству и Литературе. А сколько ему привелось пережить и передумать – знает не всякий, даже из тех, кто следит за современной литературной жизнью.

«Живи как пишешь, пиши как живёшь» – этот старый девиз, который любил Михаил Петрович Лобанов, надо записать и запомнить всему студенчеству, которое и сегодня ищет ответы на вопросы самые важные и необходимые. Я мечтаю, чтобы и мои сыновья, когда подрастут, могли бы слушать Михаила Петровича, питаться от него – «воспитываться», учиться у него. Благодаря ему я получил счастливую возможность разговаривать с Вадимом Кожновым, о Дмитрием Дудко, Юрием Кузнецовым, Юрием Лощицем, Глебом Горышиным, Эдуардом Володиным, Николаем Старшиновым, Семёном Шуртаковым... Он открыл во мне человека, который имеет право уважать себя, любить соплеменников, ценить и искать главное в людях: способность к творчеству, умение по-своему мыслить и никогда не расставаться с книгой. Он «влюбил» меня в русский эпос и оживил мою веру – открыл мне окно духовное, притом не навязывая вовсе своего мнения, своего образа мысли, не довлея никогда, но лишь подавал руку, когда мне, в пылу молодости и некоторой наивности, было трудно подниматься вверх, а проще бы, казалось, – вниз.

Благодарю Провидение за этот дар – познакомиться с Лобановым, за встречи и беседы с ним, за то, что многому научился у него. Низкий поклон памяти его светлой – редкому его таланту – мудрому преподавателю и наставнику. Всегда помню его советы, его милосердие и доброжелательность. В нём удивительно сочетались требовательность и доброта, отцовская нежность – с твёрдостью в вопросах самых существенных, принципиальных. Он учил ясно видеть, ясно мыслить и уметь обобщать факты, казалось бы, случайные, частные – поднимать их до общезначимых выводов. Учил ответственности и твёрдости на примере всей своей жизни. Он благословил нас изучать жизнь, простых людей, претворяя, переплавляя свои наблюдения и сами судьбы наши – в наши книги.

Василий КИЛЯКОВ

НОЧНОЕ

Река дышала, словно вечность.
Звенели жабы до утра,
Ругая жизни быстротечность
И пламя моего костра.

Река плескала и дремала,
И девки пели на току...
Семья лосей переплывала
В восходе плоскую Оку.

Лось плыл и шевелил ноздрями,
Хрипел, костра глотая дым,
И даже звёзды егерями
Застыли, улыбаясь им.

Потом на берег первозданный
Все выбрались –
И затрубил
Сохатый дико и гортанно
В избытке грозных, дерзких сил.

...Рога, мухортые колени,
В ночи копыт тяжёлый стук...
Восторг, и радость, и волненье,
И – страх за эту красоту!

ПАМЯТНЫЙ ПОКОС

Извечной грусти полон зов кукушки,
И шапки пламени, и писк ольхи в костре,
И кислый квас из оловянной кружки,
И дальний окрик дружных косарей...

Как в этой зорьке ветрено и зябко!
Всё больше дел, всё меньше – сил и слов.
И долгий-долгий взгляд кухарки с тряпкой,
И сладкий пар вскипающих котлов...
Совхозные за речкою покосы
И жеребёнка с маткой росный бег...

Кухарка – девочка.
Мы счастливы и босы.
И долог день,
Как век.

Михаил ЛОБАНОВ

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Растаял снег, в лесу просторно.
Высокая сосна глядит во все концы.
В живой тени, раскинутой узорно,
Звенят пичуги, словно бубенцы.

Там – расцвели в лещине верболозы,
Здесь – лось ходил, оставил шерсти клочок...
И ослепительно под солнцем из берёзы
Стекает сок в пробитый котелок.

* * *

Кричит испуганная птица.
Ночь распахнулась, как крыло,
И на уснувшее село
Холодный лунный свет ложится.

Я, очарованный луной,
Смотрю на дальнее светило.
И вдруг очнулся: что за сила!
И что за бездна надо мной!

А там, в мирах иных полей,
Так мрачно облака теснятся,
Что хочется к земле прижаться,
Как в детстве – к матери своей.

* * *

Сентябрь, как крепкий тёрн на ветке,
Созрел в замшелый день.
На гумнах ссорятся соседки,
А в сердце – сон и лень...
И ветер носит пух в навозе,
В хвосты толкает кур.
И гаснет солнце на морозе,
А луч его – что твой шампур!
Вот он пронзил подворье остро –
В застреху, в щель...
Летает пыль, соломы остье,
В луче от искр – метель!

Лежу в сенах на сеновале –
И жизнь люблю.
И за бытийность эту в теле –
Благодарю!

* * *

Вот октября последний тёплый взгляд,
Осенних яблок спелый аромат,
Их тяжкий стук в укроп, в сырую землю...
Всему я рад, всё чувственно приемлю:
Осенние и светлые пруды,
И липовых аллей сквозное солнце,
И лодку с ржавым черпаком на донце,
И дальний свет предутренней звезды...

Пройду один, опять по грудь в тумане –
И с тихой радостью вдруг сердцем оживу:
Нет, некуда спешить – и никуда не тянет.
Бортом хлебает лодка на плаву...
А завтра – глядь! – уже случайный снег –
Безмолвно, медленно, волшебю, как награда...

Я на пороге – зрелый человек –
Вдруг сам замру, жалея целину
Осыпанного снегом сада.

ТЁЗКЕ-ВАСИЛЬКУ

Цвет милый синий васильковый,
Скажи, откуда ты?
Какого отчества и крова
Твоя родня – цветы?
И вновь иду привычной ранью
Во ржах тебя сорвать.
Как это радостно и странно:
Цвести, существовать...
А человек – он схож с тобою:
Любовью к белу дню,
Любовью к солнцу, к непокою,
Ко влаге на корню...
Зачем рождён я человеком,
Не знаю я и сам.
Как ты, я в землю врос навеки –
А тянет к Небесам...

* * *

Я бы век промолчал здесь,
В берёзовой роще заречья:
Словно вновь я вернулся на землю,
Как будто бы жил уже здесь...
Всё по-новому ясно,
И понятнее – всё человечье,
И теплее молитва,
И святая – любовь, а не месть.
Песню льёт жаворонок,
И пробуют голос кукушки...
Сколько здесь я дышу?
Полчаса? Или час?
Или день? Или век?
И берёз золотые, с поклоном, верхушки
Протянулись к небесной,
Бездонной для всех синеве.
Как случилось,
Что жизнь прокатилась бесследно,
не пыльно?..
Слишком рано, так рано в туманы
окуталась даль!
Не вернусь я сюда,
Я уйду по дороге неторной, ковыльной –
В Небеса,
Где смиренность, любовь
И печаль.

РУССКИЙ ЛЕС

Николай ПОЛОТНЯНКО

ПОЭЗИЯ – ПЕРЕДОВОЙ ОКОП

В России, для которой гроб
Враги готовят, без сомненья,
Поэзия – передовой окоп
И боевое охраненье.

Так было раньше... И сейчас
Я вижу: встал Державин новый,
Чтоб кинуть оду, как фугас,
В народ и потрясти всех Словом,
Сердца восторгом опалить –
Ведь с нами Бог, и Правда с нами!
Так было, и так должно быть!
Бородино нам не забыть,
Как не забыть флаг на Рейхстаге...

И пусть враги в слепой отваге
Берут Россию на излом.
Народ един, и зреет в нём
Печаль по братской Украине.
Всё чаще мысли об одном:
И кто друг другу мы отныне,
После войны, где всё – на слом?..
Иль очистительным огнём
Идёт война по Украине?..

О чём шумишь ты, русский лес,
Под евразийскими ветрами,
Касаясь кронами небес
И почву вглубь пронзив корнями?

Ты был для русских верх и низ
Вселенной лиственной и хвойной.
И ты сберёг народу жизнь
Для сечи памяти достойной.

Твоя дремучая судьба
Полна торжественных преданий.
Россия вышла из тебя
На Куликово поле брани.

Ты шумом яростным воспел
Бессмертный подвиг Пересвета.
К народу, что свой страх презрел,
Явилась грозная Победа.

За нею вышла на простор
Россия в блеске ратной славы.
Премного было войн с тех пор
В самостоянии державы.

И лес всегда был крепостной
Народа русского защитой.
Он и сейчас стоит стеной
Вокруг Москвы, как перед битвой.

ВETERАН

Нити снега в соломенной пряди.
На груди парашютный значок.
В отстранённом от сутолоки взгляде
Родниковый густой холодок.

Он сидит среди гама и шума
И глядит в дискотечный туман,
И рукав опустевший костюма
Безнадёжно засунут в карман.

Не отцвёл на лице ветерана
Задубелый солдатский загар.
И ему неуютно и странно
Среди весело скачущих пар.

Рядом с ним притулилась невеста,
Смотрит взглядом на всё голубым.
Что их ждёт, никому не известно,
В жизни, начатой сызнова им.

Игорь Башмаков

НАШ КОРЕНЬ – ОБЩИЙ

Наш корень – общий. Бог – един.
И жили мы всегда как братья.
Какая из лихих годин
Рассорила нас до проклятья
Родства, что Бог установил?..

Сын украинец или брат,
Никто из вас не виноват.
Как несмышлёнышей, стравили
Вас янки в ругани пустой,
Телебодягой оглупили
И повели всех на убой.

Взасос Америку любить
Училась «ненька» двадцать «рокив»,
И вот пришла пора платить
Панам заморским и жестоким.

За право европейцем стать
(О чём все парубки мечтали),
И на майдане поскакать,
И жизнь отдать на «Азовстали»?..

За всё приходится платить
Всем: и живущим, и потомкам.
Но братство русское забыть,
Стать неприкаянным обломком

От древа русского, слепцом,
Заносчивым и глупым паном
И насмехаться над Иваном,
Что службу нёс с твоим отцом
В горах, что над Афганистаном...

Наш корень – общий. Бог – един.
И жили мы всегда как братья.
Какая из лихих годин
Рассорила нас до проклятья
Родства, что Бог установил?..

Олег СЕЛЕДЦОВ

ЧУДЕСНАЯ СТРАНА

Повенчаный с тихой лирою,
Разбив горизонты о высь,
Я утром, друзья, эмигрирую
В страну под названием Жизнь.

Там можно без страха и горести
Дни сладкие кружками пить,
Лишь если не врать своей совести
И памяти не изменить.

Там можно рассветы воскресные,
Медовые ложками есть,
Лишь если в рассветах воскресли бы
Забывшие доблесть и честь.

Там ночи царят непохмельные
И кружат тебя во хмелю,
Лишь слившись крестами нательными,
Ты снова ей шепчешь: «Люблю».

Там звёзды танцуют неистово,
Целуется с волнами плёс.
Но нету надёжной там пристани,
И нету там взлётных полос.

Там берег укрылся торосами,
Туда не дойдут корабли.
Туда этой ночью матросики
С последней атаккой ушли.

Повенчаный с грустной лирою,
Сроднив горизонты и высь,
Я утром, друзья, эмигрирую
В страну под названием Жизнь...

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО – ЖИЗНЬ!

Неповторима, многогранна и изменчива,
С валторной вечности сквозь дни летит, трубя.
Как птица вольная и сладкая, как женщина.
Жизнь дорогая, я давно люблю тебя!

И в буднях серых я люблю тебя, проказница.
Ты выходные даришь мне и отпуска.
Пусть в глазах твоих небес чертунки дразнятся,
Пусть голова кругом и носом кровь, пускай.

Ворчу, бывает, поношу тебя украдкой я.
Не верь брюзжанью, ведь, конечно, я другой.
Такая нежная, желанная и сладкая,
Позволь ещё хотя б чуть-чуть побыть с тобой.

И в яви нынешней, и в будущем безвременье
Я не предаю вовеки твоего огня.
Просить не стану у тебя наград и премии,
Прошу чуть-чуть всего: не предавай меня...

333

Время. Ещё немного.
Жалость и слабость, прочь!
Новая перемога
Вывернет день на ночь.

Харкает кровью море,
В берег вонзив клыки,
Где с равнодушьем спорят
Мёртвые моряки.

Мёртвые пехотинцы
Пашут лицом поля.
Русские украинцы
В судьбы свои палят.

Запада нет, востока.
Птица не смеет петь.

И урожай до срока
Там собирает смерть.

В саван седой одета.
Режет серпом без рук.
Там на исходе лета
Сети сплетёт паук.

Свяжет узор крючочком,
Страх притаив внутри.
Время поставить точку.
Триста тридцать три.

ПАМЯТИ ДАШИ ДУГИНОЙ

Снова мирное небо распарывал «град»,
Но в рассветах в эпоху раскола
Колокольные песни Трезвон и Набат
Вытесняют легенд рок-н-ролла.

И пусть крысы корабль покинули под
Либеральные вопли и стоны,
Но по морю Россия в седой небосвод
Вышли новой эскадрой иконы.

Это Крым и Сибирь, Краснодар и Донбасс
Крестоходным украсились строем.
Это подлое время сбежавших от нас.
Это русское время святое.

Мы по-прежнему русские, странные, те.
Мы больны, нас терзают сомненья.
Богородице, Мати, призри на детей,
Дай проснуться нам в праздник Успенья.

Мы всегда бездорожьем бредём. С нами Бог.
С нами вечное воинство наше:
Александр и Сергей, Гагарин и Блок,
Моторола, и Гиви, и Даша.

К ПОУЕХАВШИМ

Кто-то парус мнёт на яхте-шлюпе,
Кто-то в землю вклинился, как крот.
И скворец седой, по-детски глупый
Молится на новый поворот.

Стынут без «квартирников» квартиры,
Ржой покрылся город золотой.
Насекомовидные кумиры
Сдали совесть в либеральный вой.

Войте дальше в вашем лучшем «Где-то»,
Заправляйте вой «Вдовой Клико».
Нам без вас, поверьте, больше света,
Воздух чище, дышится легко.

Мы от ваших чар смогли очнуться,
Вашу гниль сумели побороть.
Лишь один вопрос – «А вдруг вернуться?» –
Вводит в дрожь меня. Не дай, Господь!

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ

Лазорево небо. Лазурна вода.
И день левитанно-этюден.
Сегодня волшебное время, когда
Мы Жизнь нашу праздновать будем.

Уставший от зноя, цветением пьян,
Тумана отведавший студень.
День дремлет на ложе брусничных полян,
Где Жизнь эту чествовать будем.

О день, ты полёт мастеров хохломы,
Ты гжелец, молве неподсуден.
Будь памятен вечно и присно, а мы –
Мы праздновать Жизнь эту будем.

Пусть слякотью серой сентябрь грозит,
Вой ветра осенне-иуден,
Пусть бесится шторм, скальный крошит гранит,
Мы живы и праздновать будем!

Мы живы. Где, ад, твои жало и плеть?
Мы живы. Мы юны. Мы люди!
Подняться над смертью сумели посметь.
И Жизнь вечно праздновать будем!

РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ 2022 ГОДА

Вот уж полгода с погодой балуется кто-то.
В небе полгода не дразнят следы самолёта.
Звёзды всё так же сияют, но как-то уныло.
Горек кагор, плесневеет мартини и скисла текила.

Что-то не так, что-то чудится мне,
что-то режется больно.

И оттого голубые глаза посерели невольно.
Снегом, и пеглом, и перьями птиц улетевших
Голову долгая осень мне красит неспешно.

Как там по-русски: что делать и кто же виновен?
Сны наши траурной нотой отметил Бетховен.
Каждое утро обряжено фугами Баха.
День-самозванец напялил венец Мономаха.

Радость забыта. Повенчана ангедония
С грустной надеждой. О Мати, о дева Мария!
Нам ли Твоё Рождество предавать и печалить?
Нам ли друг к дружке от жалости
жаться плечами?

Мати, прости. Мы по-прежнему блудные дети.
Мы отболеем. Разорваны осени сети.
И под «Славянку» уходит забытая рота
В край, где полгода с погодой балуется кто-то.

ВОЙНА

Небо больно крысиным
Писком со всех сторон.
Снова грозит России
Вечный Наполеон.

Пришлые иноверцы
Нам посулили так:
Каждому свой Освенцим,
Раз уж не взят Рейхстаг.

Стёрты от злобы зубы
Наших «друзей» давно.
Множат подарки грубо,
Словно в дурном кино.

Складов военных горы
И супостатов рать.
Только сержант Егоров
Знамя готов поднять.

Множится, как микробы,
Власовцев разносол.
Из русофобской злобы
Колют себе укол.

Нет пустомелям сонным
Помощи от вакцин.
Пусть мы пока в Херсоне,
Но впереди – Берлин!

В памяти неудачи.
Время пришло атак.
Нынче нельзя иначе –
Каждому свой Рейхстаг!

21 сентября 2022 г.

НЕБО

Оно опять бездонное-бездонное,
Лазурно-бирюзовое, манящее.
Раскину руки-крылья исступлённо я
И искупаюсь в нём по-настоящему.

Оно такое княжеское, царское.
Межзвёздно-межпланетное величество.
Апрельское, июльское, январское,
Невинное в космическом девичестве.

Внизу остались города и горечи,
Страдания, сомнения, сражения.
Я растворяюсь от зари до полночи
В мельчайших каплях – неба отражениях.

А в полночь, землю снов укрыв тулупами,
Оно поёт, и крылья прячу сонно я.
А надо мной, над всеми нами, глупыми,
Оно опять бездонное... бездонное.

ДИВАННЫЙ МАРШАЛ

Вы по павшим не ставьте
Венков из загадочных мантр.
«Бог не в силе, а в правде», –
Промолвил святой Александр.

И поднялось на сечу
Несметное русское войско.
Чтобы памятью вечной
Войти вobelisks неброско.

Смерть над полем витает,
А страха не знают безумцы.
Храбрецы умирают,
И всё же они не сдаются.

К чёрту цифры и даты.
Пусть явью становится небыль,
Если с нами солдаты,
До срока ушедшие в небо.

Мне бы с ними подняться
В последнюю злую атаку,
Чтобы в горло вгрызаться
Фашиствующим вурдалакам.

Чтобы Родину телом
Закрывать, как закрыл амбразуру
Не по возрасту смелый
Парнишка один белокурый.

Только праведным маршем
Не мне прошагать по проспектам.
Я диванный фельдмаршал
Из пошлой и старческой секты.

Мне бы встать, мне б иначе.
Я думы народной властитель...
Сочиняю и плачу,
Марая бумагу. Простите.

НАСТРОЕНИЕ ПО ИМЕНИ ОКТАБРЬ 2022 ГОДА

Я уйду на соседнюю улицу
Без обид, без нытья, без скандала.
А на нашей Октябрь сутулится
И тепло провожает с вокзала.

Дни сыреют недолгие, мшистые,
И размыты тревогой дороги.
Пьёт Октябрь разлуки игристое,
Запивая дождём безнадёги.

Ладно, пусть, впереди неизбежное:
Власть сменилась, и Осень на троне.
И Тоска повенчалась с Надеждою,
Ночи вымучив песней вороньей.

Пусть деревья озябли и хмурятся,
В жёлто-красные куртки одеты.
Я ушёл на соседнюю улицу,
Где, по слухам, ещё бродит Лето.

ПРИТЧА О БЛУДНЫХ ДЕТЯХ

Не приходят рассветы, не льётся вода в решето.
Мы и в вечные ночи не спим. Боже, Боже, за что?
Заблудилась надежда в дыму, и молитвы не те.
Ни тельца, ни козлёнка не будет для блудных детей.
На обед дым пожара, на завтрак подвальный уют.
И с ошибкой подъезд расписался:

«Сдесь люди живут»...

Не библейские вовсе на ужин пустые рожки.
Мы не волки, мы люди, но знаем: нельзя за флажки.
Там проходят облавы. И мины, и мины кругом.
И пустыми глазами слезится расстрелянный дом.
В саже спрятана память, закрыты сердца на засов.
И стреляют минуты в мишень комендантских часов.
Пулемётные крошки для тех, кто пока не погиб.
Но окрасилась утром Заря в Z-образный и Zгиб.
Страх соседом в подвале, но только б не снились бои.
Пусть мы блудные дети, но, Господи, дети Твои!
Пусть мы блудные дети, но, Господи, дети Твои...

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Солнце рыжею котлетой
Опускается на Волгу.
Островам, за день нагретым,
Остывать совсем недолго.

От полуденного зноя
Не осталось и намёка.
Облака сошлись гурьбою
Над равниною широкой.

Непогода на пороге
И открыт готова двери.
Ощущение тревоги
Набухает всё сильнее.

Ветер с волн сдирает кожу,
Белые хребты гоняя.
Криками тревогу множат
Чаек быстрокрылых стаи.

И песчаная позёмка
В довершение картины
Серый берег хлещет тонкой,
Но весомой паутиной.

* * *

Человеческих чувств полевые цветы
Распускались на стыке столетий.
И взрывали огнями пласты темноты
Лепестки в рукотворном букете.

Поднималась Надежда над серостью дней,
Чтоб увидеть прекрасные дали.
И картины, мелькнувшие в свете огней,
Новый мир в головах создавали.

Исчезали, маня за собой, миражи.
Просыпаясь, сердца трепетали.
И трещали по швам укрепления лжи,
Что сердца под гипнозом держали.

Пробивались сквозь тьму родники доброты,
Наполняя духовные кубки.
Человеческих чувств полевые цветы
Завершались плодами поступков.

Как лоскутным покрывалом,
Златолистьем парк застелен.
В чашах листьев, как в бокалах,
Сок небесных виноделен.

Как подвыпившие франты,
Ковыляют две вороны.
Воробьиные десанты
Копошатся на газонах.

По аллеям бродят пары,
Суету оставив дома,
Мягко погружаясь в чары
Парк заполнившей истомы.

Солнце смотрит с теплотою
На своих лучей творенье.
И кружатся грусть с мечтою
В тихом вальсе дней осенних.

* * *

Из пучины бездуховности
Вырывались столько лет,
Но сорвать ярмо чиновности
Ни ума, ни силы нет.

Псевдоважные занятия
В суете сокрыли мир.
Время тратящая братия
Как разросшийся вампир.

Где прошла оптимизация,
Там развалины лежат.
И плоды цивилизации
Заменяет суррогат.

На бумаге – просвещение.
А на деле – марш в тупик.
Маршируют поколения,
Не читающие книг.

И разливы бездуховности
Вновь хозяйствуют кругом,
Возвещая о готовности
Превратить наш мир в дурдом.

* * *

Жизнь нескончаемо смешна
В своих попытках стать разумной.
В чём в чём, а в этом не грешна
Она на представленьи шумном.

Псевдовеликие дела.
Псевдовеликие награды.
Куда б судьба ни завела –
Кругом безумство клоунады.

Самодовольство пустоты –
Спасение от мук рассудка.
А чтоб добавить остроты –
Сойдут проверенные шутки.

И заполняет круговерть
Все дни пылинками сознанья.
В их облаках не разглядеть
Смысл и устройство мирозданья.

Но иногда мелькнёт просвет,
И сквозь пласты тысячелетий
Ударит молнией ответ
О жизни в мировом сюжете.

Иных ответ сведёт с ума,
Иные обретут заботы.
А в целом жизни кутерьма
Так и останется болотом.

Но это всё же наша жизнь,
И мы с ней связаны надолго.
Оставить жизни рубежи
Не позволяет чувство долга.

И унывать нам не с руки:
Ведь из болотного застоя
Прорваться могут родники
И стать великою рекою.

* * *

По лабиринту ошибок пройдя,
Видим мы ясную цель впереди.
Шайки ворон непрерывно галдят
В спорах, как нам посильней навредить.

Носится в воздухе яростный ор:
«Санкции! – Санкции! – Санкции! – Кар-р!
Выбор народа – наивнейший вздор.
Судьбы народов – обычный товар.

Наш сукин сын – это наш сукин сын!
Мы оправдаем любой его шаг,
Только бы этим прибавить седин
Тем, кто не наш, кто не с нами, кто враг.

Крым и Донбасс – лишь прикрытие схем
При переделе финансовых рек.
Мы обеспечим вам кучу проблем!
Не разобраться вам с ними вовек.

Санкции! – Санкции! – Санкции! – Кар-р!
По экономике вражьей удар!
В клочья её разорвём, а потом
Будем смотреть, как горит вражий дом».

Под этот гвалт мы шагаем вперёд.
И каждый шаг нам даётся с трудом.
Но всё отчётливей цель предстаёт
Через клубящийся злобой дурдом.

Мы продолжаем идти сквозь раздрай,
Нам невозможно вернуться назад.
Да, мы не в силах устроить здесь рай,
Но в наших силах разрушить мост в ад.

10 октября 2022 г.

Александр БАЛТИН

НОВОГОДНИЕ ГИРЛЯНДЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Новый год, сулящий гранулы кратковременного счастья, заставляет и обратиться к думам – столь же тяжёлым, сколь и обоснованным:

*Вот Новый год нам святцы принесли.
Повсюду празднуют минуту наступленья,
Молебны служат, будто бы ушли
От зла, печали, мора, потопленья!
И в будущем году помолятся опять,
И будет новый год им новою обидой...
Что, если бы встречать
Иначе: панихидой?*

Константин Случевский – глубокий метафизик поэтического действия – словно отрицает само основание для праздника, покуда не изменится человек, не обновит правила и сущность земного своего существования.

Но... ведь Новый год!

Захлёб восторга, пенное счастье, вина разлитые, надежды золотистые – и пускай зазвучит, зазвонит дисками словесной мощи Державин:

*Рассеки огненной стезёю
Небесный синеватый свод,
Багряной облечён зарёю,
Сошёл на землю новый год;
Сошёл – и гласы раздался,
Мечты, надежды понеслися
Навстречу божеству сему.*

Праздник надежды, праздник сомнений – а будет ли лучше?

Блеснёт ли нечто подлинно новое?

Прекрасное...

Вопрос Фёдора Глинки останется без от-

НОВОГОДНИЙ КАЛЕЙДОСКОП

вета, но точность поэтических лучей-строк не стирается обилием прошедших новогодий:

*Ах, лучше ль будет мне, чем ныне?
Что ты сулишь мне, новый год?
Но ты стоишь так молчаливо,
Как тень в кладбищной тишине,
И на вопрос нетерпеливый
Ни слова, ни улыбки мне...*

Но – много детски-радостного, ворохи счастливых моментов, и поэзия, отдающая дань оным, не может быть угрюмо-философской:

*В школе шумно, раздаётся
Беготня и шум детей...
Знать, они не для ученья
Собрались сегодня в ней.
Нет, рождественская ёлка
В ней сегодня зажжена;
Пестротой своей нарядной
Деток радует она.*

Так пел Плещеев, заражая радостью, буквально плескавшейся из стихотворения в реальность; Надсон, некогда ставивший рекорды поэтической популярности, предпочёл, коснувшись детски-волшебного содержания праздника, подняться к пещере, где родился младенец – чтоб мир спасти...

Цветаевский драматизм, переданный нервно-телеграфным, взрывным стилем, врывается в мир, возвещающая двойственность праздника:

*С Новым годом, Лебединый стан!
Славные обломки!
С Новым годом – по чужим местам –
Воины с котомкой!
С пеной у рта пляшет, не догнав,
Красная погоня!
С Новым годом – битая – в бегах
Родина с ладонью!*

...А прекрасная, детско-советская Агния Барто касалась совсем других граней торжества:

*С большим серебряным мешком
Стоит, обсыпанный снежком,*

В пушистой шапке дед.

А старший брат твердит тайком:

– Да это наш сосед!

И что ж, что разочарование стремится украсть радость!

Не получится у него, нет-нет...

Верен ироническому взгляду на бытование людское, Саша Чёрный живописует ситуацию смен годов остро, как лезвием проходится по сердцам:

*Родился карлик Новый год,
Горбатый, сморщенный урод,
Тоскливый шут и скептик,
Мудрец и эпилептик.
«Так вот он – милый божий свет?
А где же солнце? Солнца нет.
А, впрочем, я не первый,
Не стоит портить нервы».*

Глубоко нальются розоватым свечением раковин слова Арсения Тарковского; музыка Александра Блока будет снежно-печальной, скорбь «Новогодней баллады» Анны Ахматовой сложно пропитает духовный воздух...

Будут и деревенские звоны: «Вологодское новогоднее» Александра Яшина полыхнёт ими, и разольётся рубцовское, такое родное, свежее:

*Мимо изгороди шаткой,
Мимо разных мест
По дрова спешит лошадка
В Сиперово, в лес.
Дед Мороз идёт навстречу.
– Здравствуй!
– Будь здоров!..
Я в стихах увековечу
Заготовку дров.*

...Конечно, этот праздник, объединяющий сердца, – праздник надежды, конечно, без неё бытование человека – почти что пшик, и очень по-разному трактовавшие праздник поэты словно создали отдельный сияющий свод в недрах поэтического пространства: свод новогодней темы, так мощно наполнившей их стихи.

Никас Сафронов. Небрейгелевская зима на православное крещение. Х. м. 40 x 50. 2018

Никас Сафронов. Зима январская. 45 x 60. 2016

Никас Сафронов. Праздник Зимы. Х. м. 61 x 92. 2012

Никас Сафронов. Зимний домик в деревне. ГК. м. 18 x 24. 2018

S.NIKAS

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Достоевский – всеобщий брат, сопечальник всем, непревзойдённый провидец – живописал случай, произошедший в сочельник:

*Крошку-ангела в сочельник
Бог на землю посылал:
«Как пойдёшь ты через ельник, –
Он с улыбкою сказал, –
Ёлку срубишь, и малютке
Самой доброй на земле,
Самой ласковой и чуткой
Дай как память обо Мне».
И смутился ангел-крошка:
«Но кому же мне отдать?
Как узнать, на ком из деток
Будет Божья благодать?»*

Существует феномен поэзии Достоевского, данной ярче всего в изломах диковатых стихов капитана Лебядкина, в игривой пьеске Ракитки: «Эта ножка, эта ножка разболелась немножко...»; но рождественское стихотворение – серьёзное и печальное – показывает такое русское отношение к небесному пантеону, что чувствовать многое начинаешь иначе, даже в предельно прагматично-эгоистические времена.

Нежная песня Фета – сама от синевы снежного пространства, от кодов русской метафизики, от идей русского космизма, переданных через образный строй:

*Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звёзды южные дрожат.
Очи Матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.*

Вспыхивают словесные оркестры Блока, наследника... отчасти фетовской, отчасти лермонтовской музыки:

*Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый –
Младенца Дева родила.
На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.*

Голос Блока – весь из бездны и весь прошит, пронизан золотистой тайной.

Крестьянское Рождество – в щедрых красках и точных мазках, со звёздно-крепкими ощущениями и вспышками по небу драгоценных росинок звёзд – передано Есениным:

*Тучи с ожерёба
Ржут, как сто кобыл,
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.
Небо словно вымя,
Звёзды как сосцы.
Пухнет Божье имя
В животе овцы.*

И совершенно небывалым, но в то же время и параллельным Есенину звуком течёт русское Рождество в Абиссинии – православном отсеке Африки:

*И сегодня ночью звери:
Львы, слоны и мелкота –
Все придут к небесной двери,
Будут радовать Христа.
Ни один из них вначале
На других не нападёт,
Ни укусит, ни ужалит,
Ни лягнёт и ни боднёт.*

Чары Николая Гумилёва польхают разноцветно: жарко горит небо праздника, и звери, как дети, соединённые неожиданно во Христе, словно подчёркивают глубину события.

Мудростью белой, крупнозернистой соли пересыпаны музыкальные – словно нежная скрипка звучит – строки К. Р. (Константина Романова):

*Благословен тот день и час,
Когда Господь наш воплотился,
Когда на землю Он явился,
Чтоб возвести на Небо нас.*

Мистика странным образом переходит в повседневную жизнь, призывая, безо всякой дидактики, жить иначе.

Совершенным особняком сияет «Рождественская звезда» Пастернака, чей космос разворачивается медленно, из кропотливого

описания пустыни, из долгого путешествия различных людей, идущих поклониться чуду; он развивается совершенно русским ощущением праздника, будто это сейчас, «запахнув кожану», идут простые пастухи; будто всё и свершается – сейчас, сейчас...

...Было – пророчествовал Владимир Соловьёв, русский вестник, метафизикой окрыляя острые строки:

*Пусть всё поругано веками преступлений,
Пусть незапятнанным ничто не сбереглось,
Но совести укор сильнее всех сомнений,
И не погаснет то, что раз в душе зажглось.
Великое не тщетно совершилось;
Недаром средь людей явился Бог...*

И время наше – в бесконечности сует и крупных, в блестящих одеждах соблазнов, словно задавшееся целью опровергнуть: мол, даром, даром! – потупляет взор, отходя пред сияющим богатством русской рождественской поэзии.

СТРАНИЦЫ СВЯТОЧНЫХ РАССКАЗОВ

Удивительный, ни на чей не похожий язык Ивана Шмелёва: праздничный и вкусный, сочный и нежный, вбирающий столько подробностей, что, кажется, и в реальности столько их не было и нет...

И вот – «Рождество» его: простой и скорбный рассказ, сквозь который, как мелькающая фрагментами хроника, проходит вся жизнь, ибо обращается писатель к погибшему сыну, а дело происходит во Франции, и ностальгия, окрашенная в полынные, вполне трагические тона, переливается, оттеняя красивую гармонию праздника.

...Святочные рассказы имеют долгую традицию – и, сколь бы ни богата была литература русская, вспоминаются волшебные шары повествований Диккенса: самые разные, с мелькающими страшными тенями, с «Рождественской песнью», в которой утверждается, что исправить можно многое, и история преображения души старого скряги Скруджа – тому примером; и был, был – феномен русского Диккенса: домашнего, прочитанного вдоль и поперёк поколениями, черпавшими из него счастье и радость, учившимися состраданию...

«Чудесный доктор» Александра Куприна раскрывает праздник ещё с одной стороны: он говорит о милосердии, об умягчении сердца, о том, как человек, у которого масса дел, и семья, и подарки для ребятишек, вдруг буквально пропитывается соком сострадания к неизвестному, да ещё и не слишком симпатичному человеку.

«Христос в гостях у мужика» Николая Лескова тему сострадания и милосердия углубляет, усложняет: здесь герой должен оказать милость не просто другому человеку, но – своему кровному врагу; тут христианство раскрывается в том своём глубинном аспекте, который столь сложно воплотить людям; и густое своеобычие лесковского медового языка красиво подчёркивает благородство темы.

А вот – совсем детский взгляд на Рождество: рассказ Никифорова-Волгина «Серебряная метель» показывает мальчика, так тонко чувствующего атмосферу праздника, что только тончайшие, легко гнущиеся нити великолепной метели адекватны сей тонкости.

И горят глаза мальчишки, словно соприкасающегося душою с чудом...

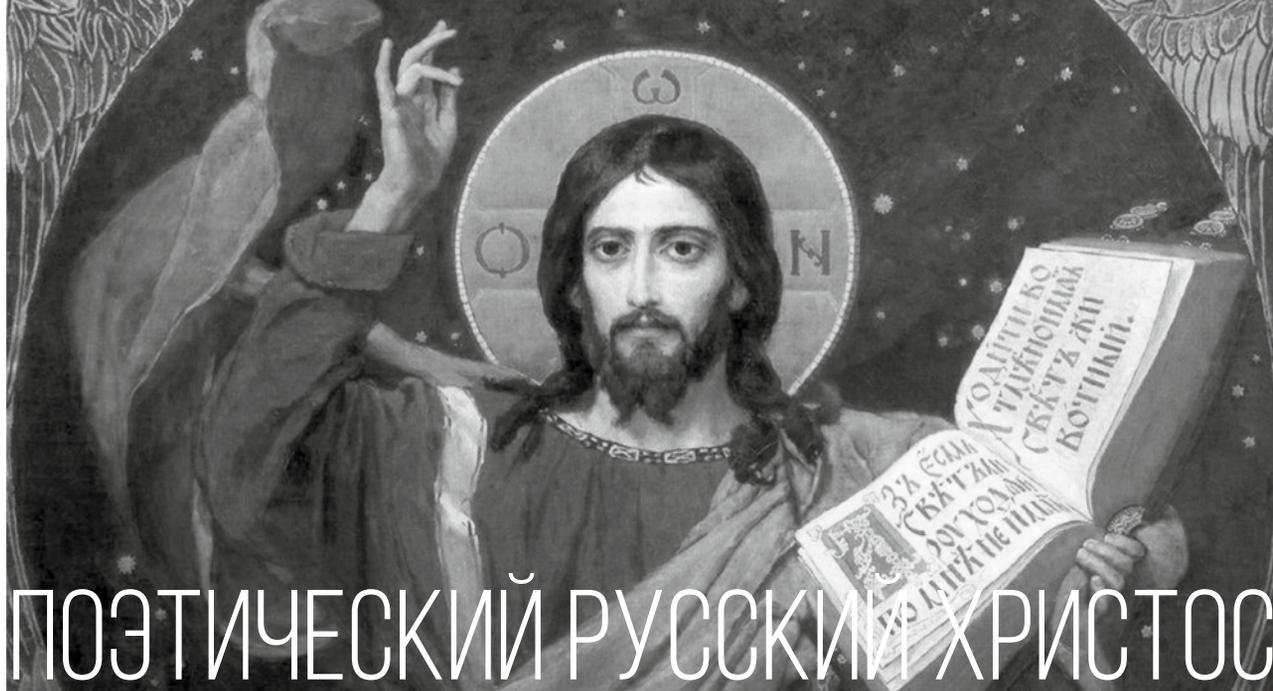
Святочная литература разнообразна: и Тэффи в рассказе «Сосед» показывает четырёхлетнего мальчугана-француза, ходящего в гости к «ляруссам», любящим гостей, всегда их угощающим, варящим ни на что не похожий суп – пламенеющий красным борщ.

Он грустный, этот рассказ, но такой светлый, так колоритно передающий атмосферу праздника...

А вот в рассказе Сергея Дурылина «Четвёртый волхв» старая няня утверждает, что поклониться Христу шли четыре волхва, и четвёртым был русский человек, «хрестьянин», да заблудился в лесу, и дар, что нёс, отняли злые люди.

Поэтический рассказ, пронизанный токами любви и благочестия...

...Яркие, хотя и не слишком-то помнящиеся многими ныне, страницы вписаны в глобальную книгу русской литературы святочными искрами праздничных рассказов!

ПОЭТИЧЕСКИЙ РУССКИЙ ХРИСТОС

Образ Христа проступает сквозь своды русской поэзии различно, разнообразно, иногда в самых неожиданных ракурсах, как, например, у Гумилёва:

*Вскрываются пространства без конца,
И, как два взора, блещут два кольца.
Но в дымке уж заметны острова,
Где раздадутся тайные слова
И где венками белоснежных роз
Их обвенчает Иисус Христос.*

Русские особо чувствуют Христа: и нежно, и зачастую – как бы ни кощунственно это звучало – по-домашнему; по-крестьянски: он входит в деревни, он встречается с детьми... или взрослыми, испытывая их; по-аристократически – так, используя (кажется) трубы классицизма, пел Апухтин:

*Распятый на кресте нечистыми руками,
Меж двух разбойников Сын Божий умирал.
Кругом мучители нестройными толпами,
У ног рыдала мать; девятый час настал:
Он предал дух Отцу.
И тьма объяла землю.*

Совершенно особый Христос у Есенина: он – от русских нив, но и – крестьянского словаря, в чём-то отдающего церковнославянским, древним, если не древним; он млечный, хлебный, просяной – и Христос, и язык Есенина, которым слагаются стихи, где:

*Я вижу – в просиничном платё
На легкокрылых облаках
Идёт возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.
Она несёт для мира снова
Распятый воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зоркой и полднью у куста».*

Иисус – среди нас: будто и распятие свершалось... по снегам, и крест был из берёзовых досок, как в «Андрее Рублёве» А. Тарковского; но и без упоминаний Христа образом его, сущностью образа так пропитана – в основном ранняя – поэзия Есенина, будто всеприсутствием своим Иисус наполняет каждый луч, всякий колос:

*Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань,
Снова зарёю клубится
Мой луговой Иордань.
Славлю тебя, голубая,
Звёздами вбитая высь.
Снова до отчего рая
Руки мои поднялись.
Вижу вас, злачные нивы,
С стадом буланных коней.
С дудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.*

И в колосе сокрыт великий космос, и всякая жизнь таит в себе бездну; а люди – вообще бездны в телесных оболочках.

А вот – сложное, в чём-то тяжкое, очень величественное постижение доли Иисуса, продемонстрированное поэтом, не снискавшим широкой известности, – Николаем Николаевым:

*Любовь сильней гвоздей к кресту Меня прижала;
Любовь, не злоба Мне судила быть на нём;
Она к страданию терпенье Мне стяжала,
Она могущество во телеси Моём.
И та любовь есть к вам, хоть вы от ней бежите;
Крест тело взял Моё, а сердце взяли вы:
Но Я дарю его, а вы исторгнуть мните,
А вы на агнца как раздражены львы.*

...Сложно поверить, что «иго моё легко», сложно, невозможно практически проникнуть в тайны лабиринтов Божественной любви.

Вот – острая, как биссектриса, реакция на повествование о муках Христа: язык Евангелий сух, как известно, но поэтическая фантазия взвѣет и раздует сильные костры:

*Я до утра читал божественную повесть
О муках Господа и таинствах любви,
И негодующая совесть
Терзала помыслы мои...*

Так Константин Лъдов использовал расхожую рифму «повесть» – «совесть» для выявления сущностного восприятия истории...

Надсон развернёт повествование под названием «Иуда»: и от имени уже мурашки бегут по коже; он развернёт его сильно и стройно, загораясь от вечного прошлого и стремясь зажечь других нешуточным огнём...

В. Брюсов – математик поэзии, словно стремившийся рассчитать формулу каждой строки, гранёно живописал:

*Настала ночь. Мы ждали чуда.
Чернел пред нами чёрный крест.
Каменьев сумрачная гряда
Блистала под мерцаньем звезд.*

Изысканный Кузмин писал изошрённо сложно, словно игрою с усечёнными слогами закладывая камни в громадное строение русских стихов о Христе:

*Плачет Дева,
Распента зря...
Крвава заря
Чует:
Земнотряси гробы зияют зимны.
Лепечут лепетно гимны
В сияньи могильных лысин.
Возвысил
Глас, рая отвыкший, адов Адам:
– Адонаи! Адонаи! –*

Точно причудливое скрещение классицизма и футуризма пред нами: будто будущие слова прорастут; но за всем – живая боль поэта сердца, сопечалующегося Христу.

...Разумеется – нечто символическое: тяготеющее к глобальному Слову (между тем, которое было у Бога и которое было Бог, и теми, из которых люди составляют стихи, увы, бездна) – прорастало сквозь поэзию Сологуба:

*И много раз потом вставала злоба вновь,
И вновь обречено на казнь бывало Слово,
И неожиданно пред ним горела снова
Одних отверженцев кровавая любовь.*

Мощно видела Ахматова: тут не церковная прозорливость, но нечто отзывающее философией русского космизма и – сопричастное всему; тут – знание того, что Вселенная есть единый организм, а люди так плохо умеют чувствовать это:

*В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово.
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.*

...Взрываются корни: мы отдаляемся от Христа всё дальше и дальше; мы живём сейчас так, будто смерти нет, словно вечно будет длиться этот сверкающий хоровод соблазнов, кружение суеты и многое, многое...

Мы живём как подлинники материалисты.

Но пласты русской поэзии, посвящённой Христу и событиям, разыгравшимся более двух тысяч лет назад и не было каких важнее в истории, – призывают к иному...

ЧТО ГОСПОДЬ НИ ДЕЛАЕТ – ВСЁ К ЛУЧШЕМУ

В ЛАВРЕ В РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК

Машина мчалась по заснеженному шоссе. Снежинки, как искры, бились о лобовое стекло, а водитель Михаил по своей привычке ловко маневрировал, обгоняя то справа, то слева впереди идущий транспорт. Причём делал это на удивление плавно, без резких торможений, что обычно убаюкивало, позволяло выспаться на заднем сиденье и приехать по любому делу свежим и бодрым.

Сейчас же сон не шёл, да и мысли были чёрными, казалось, что тьма, окружающая машину, поглощала и буром вкручивалась в самую грудь, доводя до отчаяния.

Неожиданно машина выскочила на светлые улицы Сергиева Посада. И я восхитился открывшемуся рождественскому городскому пейзажу:

– Вот это красота!

– Да, Сергеич! – поддержал Михаил. – Как в сказку попали.

– Не торопись, время до братской ещё есть. Дай насладиться красотой, – попросил я, попытавшись собраться с мыслями и подготовиться к исповеди.

А вокруг проплывали красиво украшенные коробки домов, обрамлённые по крышам

и стенам гирляндами, несмотря на ранний утренний час.

«Половина пятого», – отметил для себя я, посмотрев на часы, в окнах мерцали наряженные ёлки. Красиво, не грозно падал белый снег, а дополняла рождественскую картину огромная луна правильной круглой формы, низко висящая над домами.

«Мы себе такую красоту позволить не можем, – грустно подумал я, глядя на чудесный город. – Где только деньги берут? – И тут же осёк себя: – Ну вот, снова-здорово – деньги, бюджет. О Боге думай, дурак. О Боге, – повторил про себя я. – В святое место приехал. Готовился».

Машина заехала в узкий двор и, с трудом развернувшись, подъехала задним ходом к высокому зелёному крыльцу.

Быстро выпрыгнув из машины, я подлетел к двери и нажал на звонок. Послышались шаги, и открылась дверь.

– Благослови, батюшка, – попросил я, сложил крестом руки и склонился перед отцом Диодором. Тот улыбнулся и, благословив, поинтересовался, как добрались.

– Мы люди привычные, – не без бахвальства ответил Михаил. Открыв багажник, ловко подхватил мешок картошки и понёс в дом.

– Специально приехали шестого января, – пояснил я, – помолиться и причаститься.

– Завтра народу будет – не протолкнёшься, а сегодня тихо и спокойно, – одобрил отец Диодор.

Мы с отцом Диодором взяли второй мешок и засемили за Михаилом. Дальше были яблоки, соленья – всё, чем богата тамбовская земля.

– Мы пойдём в лавру, а ты отдыхай, – распорядился отец Диодор, обращаясь к Михаилу. И, застегнув пальто, мы зашагали к монастырю.

На улице снег уже не казался таким красивым, а впивался в лицо. «Под стать настроению, – подумал я, – да и разговаривать пока не надо, что хорошо».

Дошли до Троицкого собора, вошли в пустой храм и сели на стасидию в ожидании службы.

Мне всегда казалось, что отец Диодор всё знает обо мне, понимает и предугадывает события. Вот и на этот раз он не стал заводить привычный разговор, а сидел молча и перебирал чётки. Я же сосредоточился и стал вспоминать все невзгоды, которые свалились на меня.

Во-первых, произошло обострение с криминалом. Идя на работу в один из неблагополучных районов Тамбовской области, я знал, что будет нелегко, но был обнадѣжен обещанной поддержкой со стороны силовиков. Так первоначально и было, но, прижав шпану, вдруг открыл для себя, что настроил против себя и «людей в погонах», получил угрозы от местных гориллообразных ребят, сказавших, что «мышонок, загнанный в угол, будет кусаться». И вот теперь этот двухметровый «мышонок» бегал по посёлку и писал всякие гадости на стенах и заборах, а полицейские разводили руками и с ухмылкой говорили о том, что ничего сделать не могут.

Причину этих ухмылок я понял позднее, когда один из них не удержался и по пьяной лавочке проговорился:

– Берегись, Анатолий Сергеевич. Я и другие думали, что будем кормиться с рынка и

ларьков, когда выйдем на пенсию, а ты нам это всё перебил, – со злом произнёс страж порядка.

Я посмотрел на него, улыбнулся и пожелал найти нормальную работу и заняться полезным для России делом, а не шпану покрывать и копейку с людей сшибать. Мне сожгли машины. Поехал искать правду в Тамбов.

Тогда и возникло второе. Вместо защиты получил массу проверок, от которых не успевал отбиваться. Но ребята оказались очень настойчивыми – два года искали и в преддверии нового, 2015 года, аккурат 30 декабря, получил «подарок» – уголовное дело по поводу незаконного присвоения целых трёх тысяч рублей, что первоначально воспринял как шутку.

Ну и третье. Человек, которому всецело доверял, считал своим другом и учителем, за получив высокий пост в области, в последнее время вёл себя более чем странно. До меня доходили слухи о его интригах против меня. И услышав от одного из начальников областных управлений фразу: «Ты даже сам не поверишь, кто против тебя работает. С кем ты дружишь?», сразу понял, о ком речь.

И вот теперь, сидя перед ракой преподобного Сергия, я видел, как рушится мир, к которому я привык, и не мог найти выход из сложившейся ситуации.

Неожиданно передо мной возник силуэт старого монаха, который внезапно остановился рядом. После того как монахи поприветствовали друг друга, отец Диодор представил меня, и подошедший монах произнёс:

– Всё, что Господь ни делает, – к лучшему.

Я молча стоял и слушал дальше.

– Всё, что Господь ни делает, – к лучшему, – повторил монах.

Я кивнул в ответ.

– Всё, что Господь ни делает, – к лучшему.

– Понял, – тихо произнёс я.

– Ничего ты не понял, – парировал мой собеседник и, присев рядом, сказал: – Ты сначала выслушай, а после понимай.

И начал свой рассказ:

– В одном селе Калужской области жил приходской священник. Так случилось, что досталось ему трудное время борьбы с церковью.

Самому приходилось трудно, так ещё и семью притесняли. Но на все невзгоды он отвечал со смирением: «Всё, что Господь ни делает, – к лучшему». За это и получал неудовольствие от матушки. Детей в школе побьют за то, что поповские дети, матушка ему: «Иди разберись». А он смиренно: «Само устроится. Что Господь ни делает – к лучшему». На заборе гадости напишут о нём и семье – махнёт рукой: «Господь всё управит. Что Господь ни делает – к лучшему». То просят требы справить или таинство провести, да, как правило, не вовремя, а у самих никакие дела не идут, да и кормить большую семью особо нечем.

Злило это его жену. Ничего не понимала она и мучила священника упрёками.

В один из весенних дней налетел ураган, повалил забор и помял красивые цветы, которые росли около поповского дома. Вышел батюшка поправлять забор, а жена ему с порога: «Всё, что Господь ни делает, – к лучшему».

В это же время подошёл к ним мужичок из соседнего села и стал горячо просить, чтобы батюшка отправился с ним и справил требы над умирающим стариком.

Несмотря на вечер, священник быстро оделся и полями зашагал с сопровождающим в соседнее село. Исполнив всё необходимое, он отказался от предложенного ужина и заторопился домой.

Широко шагая по полям, он не заметил вырытую как дренаж канаву и провалился в неё. Была весна и, попав в воду, батюшка сразу ощутил всю прелесть холода и стал отчаянно пытаться выбраться. Но раз за разом он сваливался на дно. Вокруг стемнело. Любого человека охватывает отчаяние. Так и священник стал ругать себя, что не слушал свою жену. Только под самое утро, сбросив сапоги, с окровавленными ногтями ему удалось выбраться из канавы.

Добредя до дома, он без сил упал на лавку и прошептал: «Права ты была. Не всё к лучшему». – «Да нет. Это ты всегда прав. Всё, что Господь ни делает, – к лучшему, – ответила ему испуганная матушка и рассказала, что, как только он ушёл из дома, почти сразу явились энкавэдэшники и, расспросив домочадцев, ста-

ли ждать батюшку для ареста. Так и прождали до утра, а когда рассвело, ушли. – Так что спас тебя Господь».

– Священник так и прослужил до глубокой старости в том приходе, и трогать его больше не стали, – закончил монах.

У меня перед глазами пронеслись картинки расстрей с бандитами и полицейскими.

А мой собеседник продолжил, глядя мне в глаза:

– Всех люби, от всех беги. – И устремил на меня проникающий взгляд. – Что это означает?

Я замешкался, когда услышал подсказку отца Диодора:

– Будь ко всем добр, как к себе, но в душу свою никого не пускай.

– Правильно, – с улыбкой одобрил монах. – Кроме Бога, душу свою никому не открывай.

Меня словно током ударило от простой истины. Это про меня. Про мою беспечную доверчивость, граничащую с глупостью.

– И запомни третье: Божьего человека Господь всегда поддержит.

– Так я вроде в монахи не собираюсь, – быстро ответил я.

– Пути Господни неисповедимы, – как-то особенно добродушно сказал монах. – А истинно верующего человека Господь всегда проведёт, спасёт и пропитание даст. Вот я, встал сегодня утром, о еде не думал, а один человек мне рыбки к завтрашнему празднику принёс, ты – яблоки с картошкой. Вот и получился у меня праздник. А были дни, я не знал, как дальше жить. Запомни мои слова: Божьего человека Господь всегда спасёт!

В этот момент начал читать монах, и мы прекратили разговор.

Вышел со службы я другим, с верой в лучшее, человеком. В последующем жизнь внесла коррективы и подтвердила простые, но глубокие истины, подаренные мне Сергием Радонежским в Рождественский сочельник. Ведь иногда кажется – тупик, не получилось, не сбылось, не случилось. Оказывается, не тупик, а крутой поворот. Это не конец жизни, а начало новой. Главное – верить, ни о чём не жалеть, делать выводы.

Анатолий ТРУБА

Сергей ШИЛКИН

Жил на Волге Стенька Разин –
Как и сотни прочих Стенок.
Был от пьянки безобразен
И частенько жил без денег.

Оттого-то он, «злодеям»
Бросив клич, собрал ватагу.
«Мы богатством завладеем,
Коли двинем к Копетдагу».

С Божьей помощью собрали
Пики, сабли и пищали –
И вперёд. В пути серали¹
От бессмертных² зачищали.

Крики, стоны. Лязг кольчужный.
Скрип стальных уключин ржавый.
Заключён России нужный
Мир с персидскою державой.

Горы злата за победу –
Позавидует Аттила!
Аппетит идёт к обеду –
Злата Стеньке не хватило.

Не попасть чтоб в руки ката³,
Покрывая «недостачу»,
Шах (Степану жить богато!)
Дочь отдал свою в придачу.

Черноброва, светлолика,
Благовоннее кадила.
Взглядом – блеском сердолика –
Атамана окатила.

Всех Степановых «коханей»⁴
Лепотой опередила.
Атаману вмиг дыханье
От красы перехватило.

И, схватив её на руки –
Вопреки «приличья» правил, –
Он грузить заставил струги
И на север их направил.

Пил Степан настой сугревный –
Ночь со днём не различались.
Ни на миг они с царевной
На борту не разлучались.

¹ Сераль (фарси) – дворец (дворец с гаремом, собственно гарем).

² Бессмертные – название шахской гвардии в Персии.

³ Кат (устар.) – палач.

⁴ Коханя, коханка (южнорусск., укр.) – любимая, возлюбленная.

Шли, по-ухарски шикаю.
 Снасть пеньковая проволгла.
 Вдруг на палубе ушкаю
 Песня радости примолкла...

Южный ветер усилил хватку,
 Паруса надул потуже,
 И Степану правду-матку
 Рассказать решился друже:

«Ты сменял – открыть рисковую
 Правду горькую не к месту –
 Дружбу крепкую мужскую
 На персидскую невесту.

Силой страстного дурмана –
 Есть причина подивиться –
 Подчинила атамана
 Шемаханская девица».

Впал Степан от слов в кручину,
 Горечь истины глотая...

За борт сброшена в пучину
 Персиянка молодая.

Ветры мачту изогнули,
 Воя песней затяжною.
 Воды плоть свою сомкнули
 Над молоденькой княжною.

Плачут вёсла навесные.
 За бортами мир безбрежен...

Выплывали расписные
 Струги Стенькины на стрежень...

ФЕДЯ ИЗ ГДОВА

Сказка для взрослых

На водичке замешу
 Толокно из полбы.
 Деда с бабкой рассмешу,
 Ежели из колбы
 Теста кругленький кусок
 Не сойдёт на жёлоб.
 Тресну колбу о возок –
 Будь свободен, колоб! –
 И отправлю, дав шлепок,
 В угольев шаламье¹.
 Попадёт наш колобок
 В тлеющее пламя,
 А затем, бочком-бочком,
 Стыть на подоконник.
 И с него в траву ничком
 Спрыгнет толоконник.

Затрещит печной сверчок
 От переполоха:
 «Ну куда ж ты, дурачок, –
 Без тебя нам плохо».
 А в ответ, как стих Басё:
 «Ждите – отъемэйлю».

Не читал ты, что ль, Васёк,
 Сказку про Емелю?
 Слышал, печку он запряг
 Без удил-постромок?
 Наш-то, с виду хоть добряк –
 Тоже ведь не промах.

Он от деда убежит,
 Волка и медведя.
 Все порушит рубежи
 Беспризорник Федя.

Остаётся лишь один
 Трудный в этом плане –
 Красноватый «палантин»
 На краю елани...

¹ Шалам (казах.) – соринка, труха.

Плач. Блестит в глазах слеза –
Роль играет ловко
Патрикеевна-краса,
Рыжая головка.

В кузовочке три клубка,
На плечах понёвка.
Ах, погубит колобка
Бестия-огнёвка!

Но у нас круглы бока,
Формы – не придраться.
Объегорить колобка –
Надо постараться.

Намекнул Алисе он –
Где ж тут малолетство? –
«Передал мне почтальон
Новость про наследство.
Не наследство – сущий клад,
Не сравнится МРОТам.
Дом отдать на "шоколад"
Я готов сиротам».

«Неужель идёт лаве
И Судьба за дверь?» –
Лиска чуйку в голове
Потеряла зверью.

Обнимая крепыша,
Колобка из Гдова,
Дева шепчет, чуть дыша:
«Я на всё готова...
Жизнь – тяжёлая фигня.
Я ж из бесприданниц.
Не желаешь ли меня
Пригласить на танец?»

Разрывает мозг «фэфёл»
Огненная сальса...
Лихо лисоньку обвёл
Колоб вокруг пальца.
Бьёт – от шума очумел –
Ритм на коромысле...

«Я Алиску "отымел"!»¹

ТРУБНЫЙ ГЛАС

Застеклились к утру мелководные лужи.
Но под солнцем к полудню ледочек оттаёт.
От кристального воздуха голову кружит.
Витаминов, твердят знатоки, не хватает.

Чёрный драный котяра – «собака такая» –
Ночь орал, наполняя пространство тоскою.
Чтоб с ума не сойти, я бутылку «Токая»
Отпротал и заполнил ведёрко лузгою
От подсолнечных семечек прошлых сезонов,
Что скупал я с охоткой у бабушки Фроси.
Покупать у неё было много резонов,
Но один – самый главный – недорого просит.

Продавала она на углу разносолы,
Для неё это было серьёзное дело.
Она потом всю жизнь орошала подзолы.
Слышал, к Богу душа её днесь отлетела.

Фрося честно прожила – будь прах для ней пухом.
И пусть Фросины беды рассыплются прахом.
Я ж прикинусь (хотя б пред собою) главбухом,
Чтоб свести все балансы, подбитые страхом.

Буду ЗОЖ исповедовать, лопаю фрукты,
И из тела лепить буду гарные формы,
Чтоб подольше пожить. Не понял коли вдруг ты –
Чтобы к Царству прийти через тварные нормы.

Но, увы, не помогут ни ГОСты, ни СНИПы.
Не спасёт, что создатель, допустим, ты нэпа –
Не отмажешься, кем бы по жизни ты ни был.
Слышишь, трубные гласы...

Пора, знать, на Небо.

¹ В переносном смысле.

ОЖИДАНИЕ

Выключен Twitter.
В вязаный свитер
(Из долгунца-волокна)
Влез мой Серёжа,
Чёлку взъероша,
И задремал у окна.

Снятся Серёжке
Вербы, дорожки
И во дворе детвора.
Грач неуклюжий,
Солнце и лужи –
Им быть по срокам пора.

Милый Серёжка,
Кинь за окошко
Взгляд – там стоит пелена.

Друг мой, Серёжа,
Это пороша.
Значит, ещё не весна.

Время хворобы.
Скрыты в сугробы
Омуты тёмной воды.

Мёртвые береги.
Чёрные реки
Точат под настом ходы.

Не пожалею
Сил – одолею
Эту промозглую нудь.
Буду крепиться,
С немочью биться,
Дабы навек не уснуть...

Стриженный ёжик,
Свитер в горошек,
Смотрит прекрасные сны.

Милый, хороший,
Внук мой Серёжа,
Мне бы дожидаться весны...

ИСЧАДИЕ ЧАДА

К 100-летию гибели Н. Гумилёва

В середине знойной Африки
Звери дикие кричат.
Длинношее жирафики
В мгле бредут к озёрам Чад.
И летят, крича валторною,
К Чаду клинья журавлей.
В дебрях торит згу¹ неторную
Одинокий шурале².
На опушке, меж болотами,
Натянув в кустах брезент,
Наблюдал за бегемотами
Новый русский резидент.
(Тайны, собранные в рапорте,
Шли с пометкой: «Анион».
Но сегодня он не arbeiten³ –
На охоте ноне он.)
Затянувшись португеево,
Егерь – в ловле корифей –
Шепчет прапорщику: «Бей его!
Это верный твой трофей!»
Но герой не слышит истого
Сотоварища-стрелка
И душа – в исканьях Чистого –
От засады далека.
Что-то шепчут осторожные
Ветры в кронах-веерах.
Всплыло вдруг, как ел пирожные
Вместе с Анной в «Северах»⁴.
А потом берегами невшкими
Шли, болтая «ни о чём».
Вдоль воды мазками резкими
Стены – красным кирпичом.
Петербург бурлил феерией –
Светлой жизни полоса...
Миг прошёл – ему с империей
Оставалось «полчаса».

1 Зга, стёжка (от старорус. – «стыга») – тропа, дорога, путь.

2 Шурале (тат., башк.) – антропоморфное мифологическое существо, дух леса. Аналог сатира и лешего.

3 Arbeiten (нем.) – работа, работать.

4 «Север» – легендарное кафе, кондитерская в Петербурге (Ленинграде), на Невском проспекте. Основано в 1903 году купцом Ф. Крымзенковым.

Байкал

Сергей ШЕЛКОВНИКОВ

Новосибирск

* * *

Зубья скал сереют в солнце ярком,
Склоны лысые гранитные пусты.
Там всегда прохладно, коли жарко,
И ветра слетают с высоты.
Их дожди шлифуют, грунт смывая,
На гольцах безжизненных лишь снег.
И орлы, над ними взлетая,
Ищут место, где найти ночлег.
Ближе к морю зеленеют склоны,
Лес сосновый густ, высок, душист.
В нём покой. Деревья вечно сонны,
И летит к земле опавший жёлтый лист.
Выше гор лишь голубое небо
В чистоте, бездонности, красе.
Есть волшебное и призрачное что-то
В этой вечной, ненаглядной синеве.
И Байкал лежит в белёсой дымке,
Синих вод безмолвие пленит.
Этот рай запрятался в глубинке
И себя от суеты хранит.

* * *

Осенний светлый день – покоя настроенье,
Рябины алый куст – восторга восхищенье.
Смешенье красок, чувств – волнует возбужденье,
И жизнь прекрасна здесь – до боли ощущенье.
Байкал в осенний день столь гармонично нежен,
И день в тумане вод приятно тёпл и свежен.
Вдали по краю вод лежат хребты седые,
В беспечном шуме волн напевы призывные.
Безвременье, простор здесь обостряют чувства,
И мыслей не сдержат безудержное буйство.
С собою разговор – для многих откровенье,
Терзанье душ людских рождает в них сомненье.
Насколько верен путь, проложенный тобою?
Как слепы мы порой, ведомые судьбою.
Есть место на Земле – энергии свеченье,
Слепые в суете найдут здесь просветленье.
Откройте новый мир с Байкала посещения.
И с ним душа найдёт надежду возрожденья.

* * *

Как мир прекрасен в свете утра –
 Залитый синевой Байкал,
 Сиянье неба перламутра
 И гладь без края и начал.
 Разлиты облака, мазками
 Их ветер в небе рисовал.
 Он гнал их белыми волнами,
 Притих к утру, за ночь устал.
 Лежит в безмолвии и море,
 Парит и дышит. Чуть туман.
 Его растопит солнце вскоре,
 Исчезнет с дымкою обман.
 Проснутся горы в горизонте,
 Налъётся жизнью тишь тайги.
 Пока вы тишину не троньте,
 Замрите с шёпотом души,
 Что, Боже, как же всё красиво!
 Есть чудо в жизни и душе,
 Что утро на Байкале мило
 И жив ваш дух, ликуя во красе.

* * *

Старой лодки каркас
 Чёрным клином в песке.
 Гор, тонущих в воде,
 Видно синь вдаль.
 Светом ярким горит
 Брешь среди серых клубов.
 Солнце льётся в Байкал
 Там, где нет облаков.
 Тихим шелестом волн
 Море песню поёт,
 Тёплым жёлтым песком
 Сесть, подумать зовёт.
 И отгадет душа от величия сил,
 Что веками Байкал
 В тёмных водах копил.
 Вся энергия гор и бездонных глубин
 В ваше сердце войдёт, дав любви новых сил.
 И отныне смелы вы в мечтаньях своих,
 И Байкал вновь придёт
 В днях грядущих мирских.

* * *

В сером мраке вод байкальских,
 Среди висящих клином туч
 Солнце льёт мне свет слепящий
 И чарует жизни луч.
 Валуны ласкает море,
 Волнами шлифуя их.
 Мир на грани, ночь уж вскоре,
 Но Байкал ещё не стих.
 Будоражит гладь ветрами,
 Дождь свинцовым небом жмёт.
 Осень славится штормами,
 Власть стихий природу ждёт.
 А пока простор ликует,
 Ветер брызгами пьянит,
 Море, солнце – всё волнует,
 И мой крик души летит!

* * *

Мрак и дождь окутали просторы.
 Песок холодный не зовёт присесть.
 Тихи и сжаты наши разговоры,
 Что нет погоды у Байкала здесь.
 Сереют тучи, нависая хмуро,
 Байкал шумит, катя волной прибой.
 Нам одиноко, зыбко и угрюмо,
 И всем скорей уж хочется домой.
 Но держит взгляд Байкала притяженье,
 Его просторов и стихии мощь.
 Он в душах сильных воли отраженье,
 И слабым духом он готов помочь.
 И вот уж ветер вышибает слёзы,
 Дождя крупинки холоднее льда.
 Ну, всё, пора, оставим сердца грёзы,
 Ведь завтра вновь на вечные берега.

* * *

Солнце белое сквозь тучи
Тускло освещает мир.
Будто молоко из крынки
Кто-то по' небу разлил.
В пелене молочно-серой
Спят в унынье берега.
Одиноко ветви клонит
Вдаль смотрящая сосна.
Дремлет и Байкал суровый
В синеве высоких гор.
Нет конца, начала взору:
Всюду для души простор.
Здесь и тайна, и загадка,
И любви моей печаль.
Я тоскую без Байкала,
И в слезе вся сердца жаль.

* * *

Сочной сладости мёд,
Алых долек нектар,
Солнца ягоды круг
Для друзей я достал.
В жаркий радостный день
Средь байкальских красот
Мы вкушаем арбуз –
Дар из южных широт.
Сок бежит по устам,
Шум и смех детворы.
Солнце жарит с утра,
Бег ласкает волны.
Радость жизни во всём:
В море, солнце, песке.
Счастье в жизни в любви,
Что несём мы в себе.

* * *

Лазурной гладью светится бездонье,
Горит закат, желтея на воде.
Сияет красками небесное раздолье,
И я кричу, не веря красоте!
Что мир чудесен, вечен и прекрасен,
Что я в тот миг в том месте, где Байкал.
Что я ловлю восторг в закатном часе
И чувства нежные в восторге испытал.
Жизнь мимолётна в нашем измеренье,
Она рисует судьбами узор.
Она дарует душам вдохновенье
И не даёт ушедшему повтор.
И здесь, на берегу, пред красою слёзной,
Как на краю предсмертного бытия,
Мне будет жизнь казаться несерьёзной,
И пламя вечности вдруг поглотит меня.

* * *

Солнце катится под горку,
Весело лучи спелят.
Греет, ластит солнце ёлку –
Дни зимы к концу летят.
В небе перистом, туманном,
В голубом разливе грёз
Облака путём обманным
Скрыть хотят сиянье звёзд.
Тих Байкал, зажат весь льдами:
Буйство усмирил мороз.
Белыми слепя снегами,
Вдаль зовёт брежжком торос.
Весь Байкал во власти стужи,
Радостью душа полна.
Я люблю красу до дрожи:
С ней счастливее судьба!

ДВОЕ НА ПОСТАМЕНТЕ РАСКРЫВАЮТ ТАЙНЫ

О первых годах со дня основания уральской столицы рассказали книги, ордена и медали из частной коллекции екатеринбуржца Геннадия Комкова.

В центре города около набережной реки Исети возвышается памятник основателям нашего города В. Н. Татищеву и Г. В. де Геннину. Это птенцы гнезда Петрова. О них коллекционер и собрал уникальный материал – знаки, награды, филателию, а также документы об исторических фактах, книги, редкие публикации. Из них можно узнать много нового о двух исторических личностях на одном постаменте, разместившемся в городском центре. До недавнего времени мы больше знали о Татищеве. Известны (и представлены в коллекции Г. Комкова) монография «Василий Татищев» из серии «Жизнь замечательных людей» и книга Игоря Шакинко о нём; избранные произведения самого Татищева, его двухтомник «История Российская с самых древних времён». О Вилиме де Геннине известно намного меньше. Долгое время даже точно не знали, где он родился, немец он или голландец... Знакомясь с коллекционным материалом, мы узнаём, что родился де Геннин в Зигене и что именно он был настоящим строителем нашего города. Если Татищев указал место будущего завода, то всё остальное пришлось делать европейцу де Геннину, который рассчитал, как и какими силами завод будет строиться. Де Геннин мудро определил, как расположить производства завода – каждое было размещено в зависимости от того, насколько было энергоёмким. Ещё интересный факт – указ 1724 года. Де Геннин издал его на следующий год после ввода в строй завода-крепости. Согласно указу, все жители города, каждый у своего дома, на своей улице, должен был посадить липу или пихту, выкопав их в лесу, и ухаживать за ними. А ведь де Геннин был человеком временным для города, понимавшим, что вскоре уедет.

Впоследствии облагораживанием и развитием города занимался Василий Татищев. Из экспонатов коллекции узнаём, что он открыл первые горнозаводские школы, при них помогал создавать библиотеки. Помогал в организации и комплектовании Екатеринбургской библиотеки, которая впоследствии стала уникальным помощником в деле приобщения горнозаводского населения к достижениям современной научно-технической мысли и мировой культуры. Немало в коллекции Геннадия Комкова орденов и медалей, отражающих просветительскую деятельность учёного, философа, историка, географа, этнографа, каким был сподвижник Петра I, один из основателей Екатеринбурга Татищев. Имел он и свою личную библиотеку, которая была одним из крупнейших и уникальных частных собраний России первой половины XVIII века. При отъезде из города в 1739 году Татищев подарил её городу. Она и сейчас хранится в Свердловском областном краеведческом музее. Не потому ли Екатеринбург в то время называли настоящим центром просвещения, а Екатеринбургский завод в 1720–1740-е годы считался самым крупным металлургическим предприятием в Европе?

Валентина ЧЕРЕМИСИНА,
г. Екатеринбург

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ АНДРЕЕВИЧА КАРПОВА

РЕЗЕЦ ВЕДЁТ ЧЕРЕЗ ВЕКА

УШЕДШИЙ МИР ВОСКРЕШАЕТ ГРАВЮРА

Экспозиция «Шедевры французской гравюры XVII–XIX веков» в Ирбитском государственном музее изобразительных искусств стала настоящим событием в жизни директора Ирбитского музея Валерия Андреевича Карпова.

Страстному собирателю художественных ценностей удалось создать единственный в России музей гравюры и рисунка, коллекцию которого он накапливал с 1975 года. Сейчас в ней около 11 тысяч единиц хранения.

Среди них работы мастеров французской графики, которая считается одной из лучших в европейском искусстве.

Жанровую палитру представленных листов составляют портреты, пейзажи, натурные сцены, сюжеты на библейские и мифологические мотивы, выполненные на дереве, металле, бумаге и ткани с применением различных графических техник.

Мы, например, имеем возможность познакомиться с одним из лучших художников XVII века, первым французским мастером Жаком Калло. Среди его офортов на библейские темы особенно привлекает внимание «Вознесение Марии» – гравюра тонкая, с виртуозной проработкой мельчайших деталей. В той же технике выполнен лист «Вид Нельской башни в Пари-

же» (около 1630 г.). Тщательная прорисовка всех деталей не в ущерб целостности сюжета – характерная черта французской гравюры, ярко проявившаяся и у Франсуа Бушо – в «Виде Венсена» по оригинальному рисунку Антуана Ватто, в его же «Качелях», в гравюрах на куртуазные темы других мастеров.

Насыщенный колорит привлекает в листах «Заходящее солнце» Шарля Добиньи, «После дождя, дубы в Ланданах» Пьера Руссо, «Пейзаж с руинами» Шарля Декурти. Тонкая

моделировка и певучесть линий делают выразительным облик персонажей, а особый способ штриховки создаёт мерцающий фон, который словно озвучивает всю картину. Эта черта есть и в листах, где скомбинированы разные техники. Например, в автопортрете Жана Жака де Буасье или оригинальных гравюрах на шёлке неизвестного художника конца XVIII – начала XIX века «Портрет императора Наполеона I Бонапарта на прогулке в Мальмезоне» и «Портрет императрицы Марии Луизы, второй жены Наполеона» по рисунку Эжена Габриеля Изабе. Оба – цветные оттиски на атласе с одной доски. Тем же способом выполнена гравюра неизвестного художника конца XVIII века «Парный портрет Людовика XVI и Марии Антуанетты в цветочной гирлянде». На выставке музея можно увидеть книжную иллюстрацию Шарля Жозефа Эйзена по «Генриаде» Вольтера с его прижизненным портретом на титульном листе. Портретная графика – вообще один из любимых жанров французской гравюры, представленный такими мастерами-виртуозами, как Клод Меллан и Робер Нантейль, неподражаемый гравёр Жерар Эделинк. На сделанных ими парадных портретах мы видим не только вельмож, но прежде всего личности с меткой характеристикой каждого персонажа. Выставка заканчи-

вается графическими листами носителей двух знаменитых имён. Это офорт «Служанка, совершающая покупки» Камиля Писсарро и «Портрет мистера Икс» Анри Тулуз-Лотрека. В первой работе особый способ штриховки даёт новые формы построения композиции, а во второй реальный профиль чётко очерчивает характер модели. Невольно отмечаешь, что при лаконизме, сжатости французские графики достигли высокой художественной убедительности образов. А удивительная, чисто французская лёгкость и подача материала помогли точно запечатлеть мгновения жизни, оставившие вечный след в истории изобразительного искусства.

Валентина ЧЕРЕМИСИНА,
г. Екатеринбург

Александр БОЕВ

* * *

Сожму твои озябшие ладони.
Дай поделиться мне с тобой теплом.
Не прячь печаль за расписным стеклом.
Её удел – рубаха из поскони...
Минует ночь, оставив снова тайной
Рождение Божественной зари!
Открой окно и просто посмотри.
Живое чудо – это не случайно...
Дождись его и отпусти невзгоды.
Ещё не раз тебе откроют дверь.
Не бойся. Не проси. Ты просто верь!
И обретёшь желанную свободу.
Я знаю, что не вечна непогода...

ЭТОТ МИР

В этом мире большом
Так легко разминуться.
Просто мимо пройти,
Просто не обернуться...
Просто взглядом
Скользнуть,
Пустоту замещая...
Не прощая себя,
Никого не прощая,
Одинок брести
Век со сбитым прицелом.
Век искать! Не найти
Заповедных пределов...
В этом мире чужом
Так легко разминуться.
Просто мимо пройти.
Просто не обернуться...

ФЕВРАЛЬ

Строку февраль закроет вьюгами,
Дни разметавши по степным пределам.
Напьётся с ветрами упругими.
Ему до нас нет никакого дела.
Морочить головы влюблённые,
Ручьями течь по переулкам –
Оставит марту. Месяцу смышлёному,

Жаль только то, что эхом гулким
Дыханья северных широт
Ещё он долго-долго будет
Напоминать, что сумасброд.
И нам обиды не забудет!
Я знаю, он ещё придёт...

ЛАБИРИНТЫ ПАМЯТИ МОЕЙ

Я листаю времени страницы.
Тайнопись его на наши лица
Еле различимую строкой
Брошена неведомой рукой...
Я брожу по переулкам дней
Лабиринтов памяти моей.
Улыбаюсь... Плачу и грущу...
Но ни дня уже не отпущу
Я в безумной круговерти лет.
И пусть к прошлому возврата нет –
Оно здесь! Безмолвной вереницей
На давно прочитанных страницах,
Где брожу по переулкам дней
Лабиринтов памяти моей...

НЕ ЗАПИРАЙТЕ ДВЕРЬ

Не ангел и не зверь,
Не тать и не распутник,
Пропавший без вести,
Которого не жаль...
Не запирайте дверь,

Я – заплутавший путник,
 Гонимый осенью
 В неведомую даль.
 Мои «друзья» – туман
 И дождь, давно не бритый, –
 Уводят в сторону
 И путают следы...
 Коварен их обман.
 Отравой недопитой
 Дурманит голову
 Предчувствие беды...
 Устал я от дорог
 Запутанных и ложных...
 Мне у чужих костров
 Не обрести потерь...
 Я на ветру продрог...
 Среди ночей тревожных
 Я буду вас просить –
 Не запирайте дверь.

НЕ ТОРОПИСЬ

Не торопись переворачивать страницу.
 Не торопись забыть о сентябре.
 Его озёр задумчивые лица
 И ели в предрассветном серебре...
 Когда душе вдруг станет одиноко,
 Завьюжит в ней расчётливый февраль.
 И в этой пляске стылой и жестокой
 Тебе себя безумно станет жаль!
 Не торопись переворачивать страницу.
 Не торопись забыть о сентябре.
 Сусальным золотом любимых лица
 Напишет осень на твоём окне.

ЗАВТРА БУДЕТ ОКТЯБРЬ

Завтра будет октябрь.
 Он станцует последнее танго.
 На прощанье махнёт
 Золотистым кленовым листом.
 Завтра будет октябрь.
 Он в лесу цвета спелого манго
 Белошвейкой прилежной
 Снова вышьет картину крестом.
 Завтра будет октябрь.
 И дождей морозящих унылость

В мою душу без спроса
 Поселит тревогу и грусть...
 Завтра будет октябрь.
 И ночей одинокая стылость.
 И стихи, что когда-то
 Читали с тобой наизусть.
 Завтра будет октябрь.
 Златокудрая, вздорная Осень
 Плачет много
 И больше не любит его.
 Завтра будет октябрь.
 Мы, разгладив туманную проседь,
 Спросим женщин,
 Не любящих нас:
 – Отчего
 Завтра будет октябрь?

* * *

Я научился день, как в детстве, проживать,
 Делить на:
 У-утро,
 Де-ень
 И ве-ечер.
 О глупых слухах не переживать
 И не откладывать с друзьями встречи.
 Я научился улыбаться без причин.
 А просто солнце с ливнем радугу делили...
 Давным-давно я не стыжусь морщин.
 И не приемлю окрик:
 – Или – или!
 Мой выбор прост –
 Я продолжаю жить!
 И каждый день с улыбкой просыпаться!
 Мгновением коротким дорожить!
 И просто быть собой, а не казаться...
 Я начал дни, как в детстве, проживать.
 Я научился превращать их в бесконечность!
 Безумный мир на веру принимать.
 Одно не радует меня –
 Его беспечность...

СРЫВАЕТ ВЕТЕР С КЛЁНОВ ЗОЛОТЫЕ ЭПОЛЕТЫ

Разжалованы клёны в рядовые до весны.
Печальной осени военные секреты
Они коварно поместили в наши сны.
Открылось всё, что раньше было тайной.
Октябрь задумчив сразу стал и очень хмур.
Вдруг понял он – туманы не случайны.
Случаен осени багряно-золотистый сюр.

* * *

Скоро только сказка сказывается,
Да не очень скоро дело спорится.
Нам и солнце не показывается,
Если тучи в небе ссорятся.
Много ль, мало ли ещё намерено?
Расспросить бы... Да пойдёшь найди кого...
Осень растворит в себе уверенно,
Жаля душу холодом чужих снегов:
Долгий путь и тайные свидания,
Еле различимый свет звезды,
Нами данные кому-то обещания
И давно забытые мечты...
Я в долгу у осени. А ты?

СОЖГИ В КОСТРЕ ЛИХИЕ ДНИ

Доверь огню свои печали...
Начни мелодию сначала.
Её мотив тебе сродни.
Меняй тональность бытия...
Рви проржавевшие оковы.
Открой созвездие сверхновой...
Живи, желаний не тая!
Дерзни зажечь свою звезду!
Едва ли это невозможно...
Не бойся быть неосторожной!
Ищи! Люби! Будь на виду!
Я верю, ты зажжёшь звезду!

* * *

Сложу ладони и прижму к груди.
Дай, Боже, мне ещё одну попытку!
Не запирай последнюю калитку!
Ещё тропинка вьётся впереди...
Молиться стану, не жалея сил!
Рассветов и закатов не жалея!
Отдам их все, мечту свою лелея...
Жаль, что я раньше не о том просил...
Дай мне надежду, укажи звезду!
Её сиянием пленительным ведомый,
Не заплутаю по дороге к дому
И стороною обойду беду...
Я попрошу, мне укажи звезду...

* * *

От нежности я задыхаюсь.
От недостатка слов
Я глупо улыбаюсь... Каюсь!
В несовершенстве снов
Ищу таинственные знаки,
Предначертания Судьбы.
Где Девы, Скорпионы, Раки –
Простые звёздные рабы –
Любовь пророчат раз за разом,
Удачу, счастье и успех...
Пытаясь обмануть свой разум,
Я верю в гороскоп для всех...
От нежности я задыхаюсь
И верю, сбудутся мечты...
Я глупо улыбаюсь... Каюсь!
Что делать? Просто рядом ты!

ИЗ ПРОШЛОГО О НАСТОЯЩЕМ

РАССКАЗ

27 АВГУСТА ИСПОЛНЯЕТСЯ 116 ЛЕТ СО ДНЯ НАЧАЛА ЗНАМЕНИТОЙ СТОЛЫПИНСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ. В ЭТОТ ДЕНЬ В 1906 ГОДУ ВЫШЕЛ РАЗРАБОТАННЫЙ ПОД РУКОВОДСТВОМ СТОЛЫПИНА УКАЗ О ПРОДАЖЕ КРЕСТЬЯНАМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ. ПОШЁЛ ЛИ ЭТОТ УКАЗ НА ПОЛЬЗУ РОССИИ? ОБ ЭТОМ В НЕКОТОРОМ РОДЕ МОЙ РАССКАЗ НИЖЕ.

На Руси издревле существует проблема с урожаем: неурожай – беда, да и урожаем тоже беда!

Почему так? Этот вопрос я задавал ещё деду-казаку, прошедшему две войны – японскую и германскую (Первую мировую империалистическую). Его ответ – простого рядового своего Отечества – был в то время мне, в возрасте 14–15 лет, не очень понятен. Теперь, с высоты своего возраста и жизненного опыта, я понимаю, до чего мудр наш простой русский человек, выживающий при всех правителях и режимах.

Коротко суть ответа деда на мой вопрос была такова: русский люд никогда не жил стабильно, всякие передрыги в верхах больно сказывались на его жизни, вот он ничего и не ждал от будущего, а жил одним днём. Неурожай – беда, голодали, а урожай – радовались, но никто не задумывался, чтобы что-то сохранить для будущего. Вот у кулаков были амбары, а у большинства только драные мешки, из которых зерно мыши ели...

Я вспомнил рассказы своего деда Афанасия Фатеевича, свою малую родину, Воронежский край, когда в августе 2016 года увидел благостные картины «небывалого урожая» на Кубани и в Ростовской области. Телеведущие и корреспонденты взахлёб пели о достижении нашего сельского хозяйства, о радости тружеников села и прочих рекордах. А я не верю в эти сказки. Всё это постановочное, как и кинокартина «Кубанские казаки», которую критикуют нынешние власти, а сами идут по этому пути. Телеведущие в своих сюжетах показали восхищение урожаем Героя Социалистического Труда, 87-летней Переверзевой из Ростовской области, которая за свою жизнь 40 лет проработала комбайнёром. Мало кто обратил внимание на её слова, да ей и не дали развить эту мысль, не те были установки: а есть ли где хранить такой урожай?

Обратив внимание на эти слова понимающего толк в зерне хлебороба, я вспомнил один эпизод из своей жизни.

Уйдя служить на флот из районного центра Воронежской области Острогожска, я вплоть до 2013 года каждый год приезжал на малую родину, где у меня были родные, близкие люди и множество друзей, многие из которых и в сельском хозяйстве достигли значимых высот. Да и сам я земли не чурался, рос на ней. Сейчас здоровье стало подводить, и, как говорят, рад бы в рай, да здоровье не позволяет! Вот уже пять лет не бывал в родных краях, но связей не теряю.

Далёкие восьмидесятые годы прошлого века. Знойное лето, август месяц. Колхозы Воронежского края рапортуют о небывалом урожае зерновых.

Спозаранку собрался в лес набрать дикорастущих груш, которые в послевоенные голодные годы помогали нам выжить. Вкус их, спелых, улёженных в углу хаты, запах, исходящий от них, – это что-то такое!.. Словами не передать, надо вкусить... Сейчас этого не хотят знать, и это добро просто гниёт, вот такая пошла жизнь!

Поход мой в лес по холодку пролегал через поля, где во всю мощь трудились комбайны. Они тут, наверное, гудели всю ночь – надо было успеть, потому что по такой жаре зерно могло начать осыпаться. Уборка урожая – труд не из лёгких.

Выйдя к обеду из леса с увесистой торбой груш – урожай диких груш и яблок был в том году под стать зерновым, – я, к своему удивлению, увидел у одного из оврагов, а их там много, как один из комбайнов ссыпал зерно из бункера прямо в овраг. Пережив голод, когда лепёшка из желудей считалась за лакомство, я не выдержал такого кощунства и подошёл к комбайну. Комбайнёр, мужчина моих лет, где-то около 45, спросил меня:

– Мужик, чего тебе надо?

Я с возмущением высказал своё отношение к нему и к его действиям.

– Чего ко мне ты пристал? Не один я так делаю. Видно, ты человек городской и не знаешь нашего дела. Тебе за что платят? За выработку? Мне тоже. А выработка моя исчисляется скошенными гектарами. А я вот уже забил бункер под завязку, а машин как не было, так и

нет. Говорят, элеватор загружен, возить некуда. А мне что – стоять и загорать? О чём раньше начальство думало?!

Что я мог ему ответить на его справедливые слова? Разговорились и пришли к одному выводу, что в России урожай – беда, а вот неурожай ещё хуже беда, тогда и голодом запахнет...

Я ему поведал рассказ моего деда, а он внимательно слушал.

– Хозяин – всему голова, – говорил мой дед. – А настоящим хозяином был крепкий мужик, которого большевики окрестили кулаком и извели под корень. Вот отсюда и пошли все наши беды. Правда, это наступление на деревню пошло ещё до них. Временное правительство всякими продрозвёрстками подорвало доверие мужика к власти. А большевики уже продолжили. Крепкий мужик смотрел далеко, вот и строил хранилища для зерна и прочего, чтобы в урожайные годы сделать запасы, ведь в наших краях год на год не приходится – то засуха, то морозы, то ещё какие беды. Вот тогда запасы и спасают, а мужику – выгода. Государство уничтожило мужика, а его функции на себя не взяло и даже колхозам их не передало. Колхоз хлеб выращивает и сдаёт государству, а дальше что?

– Да, мудрый был твой дед, – сказал комбайнёр Илья, с которым мы после нашей «схватки» стали понимать друг друга.

После нашей часовой беседы машины так и не подошли, мы пришли с ним к одному выводу – каждый человек должен быть на своём месте и не перекладывать свои обязанности на других. А урожай – забота не только крестьянина, но и государства. Вот только где оно?

Возвратясь домой, где в отчем доме проживала родная сестра Екатерина с мужем Иваном, я рассказал ему об увиденном в поле. Иван работал на газовом предприятии, через Острогожск проходит газопровод, в прошлом он назывался «Дружба», а ныне просто «труба», через которую наши олигархи качают свои прибыли. Иван с командировками изъездил весь Союз, многое повидал. Он не удивился моему рассказу:

– Чего здесь странного, это не только у нас в районе, а по всему Союзу. Не хватает хранилищ,

но это не беспокоит власти. Им бы только доложить наверх о рекордах, а там и трава не расти!..

На эту тему я поговорил и со своим одноклассником Виктором Незовибатько, главным агрономом одного из преуспевающих колхозов в районе, и вот что он мне рассказал:

– Вадим, понимаешь, нет настоящего хозяина. Система. Сельским хозяйством управляют партийные работники из своих кабинетов, а знаний у них в этом деле ноль. Им главное – отчёт и доклад выше, а как зерно растёт и как его убирают – им до лапочки!

К слову, Виктор так всю жизнь и прожил беспартийным, поэтому и не поднялся выше агронома, а голова у него была хозяйственная...

Его слова подтвердила и моя соседка по улице тётя Клава. Она с детства всю жизнь проработала в колхозе, была уже слепая, но узнавала меня по шагам: «Витя, – спрашивала она сына, – это Вадик к нам пришёл?»

– Когда в колхозе был председатель хозяин, то колхоз процветал и мы жили сносно. Но это было редко. Больше с района назначали пьяниц, и всё катилось под откос.

– А как же выборы? – спрашивал я.

– Какие выборы? Это так, для видимости. Ставили угодных властям.

Вся жизнь убеждает, что хозяин нужен не только в личном хозяйстве, он нужен везде, в том числе и в руководстве государства. Но, к сожалению, этого нет. Когда-то, как гласит история, император Николай II на вопрос «Ваш род занятий?» ответил: «Хозяин земли русской!» Реальность не подтвердила этого, он оказался никудышним хозяином, дав толчок к падению России. Как показал дальнейший ход событий, коллективный хозяин оказался не лучше хозяина-императора, расплотив массу безответственных руководителей-чинуш.

Изучая историю сельского хозяйства в Острогжском уезде по материалам, имеющимся в краеведческом музее, и беседуя с работниками сельского хозяйства, посещая фермерские хозяйства района, которых в 90-е годы прошлого столетия в районе было около 300, а ныне единицы, я пришёл к выводу, что исторически в России сельское хозяйство носило общинный

характер. И когда великий реформатор Пётр Столыпин решил порушить крестьянскую общину, сделав ставку на крепкого мужика-единоличника, появились собственники (кулаки), аналоги нынешних фермеров. Только у кулаков было больше прав и возможностей. Началось расслоение крестьянства.

Большевики, искоренив кулаков как класс, взяли курс на коллективизацию сельского хозяйства. Что такое колхоз? Это коллективное хозяйство. Но тут много было совершено ошибок, главная из которых: взяв колхозы под партийное руководство и лишив самостоятельности, они отняли у них инициативу и заинтересованность в развитии. Помните, в начале коллективизации сам Сталин писал статью «Перегибы в коллективизации» («Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения». «Правда» от 2 марта 1930 г.)? Это было мягко сказано. А потом, мы и сегодня видим, что выступления президента мало влияют на обстановку на местах.

Но и новые либеральные власти совершили ещё большую ошибку, загубив, а не модернизировав колхозы. И что мы имеем сегодня – полный развал деревни, у которой отняли главное – сбыт производимой селом деревенской продукции. Прав президент, говоря: «Ломать – не строить!» К сожалению, в России больше ломают, чем строят!

Была ликвидирована сеть сельскохозяйственной кооперации. Загубили заготконторы и другие приёмные пункты – их место занял перекупщик без стыда и совести, не подконтрольный никому. Моя сестра Екатерина всю жизнь проработала в Острогжской заготконторе и очень положительно отзывалась о её работе – это была хорошая отдушина для индивидуальных хозяев на селе. Сегодня перекупщик в нашем сельском хозяйстве стал страшнее, чем кулак в столыпинские времена. Кулак сам что-то производил, а перекупщик, да что там долго объяснять, каждый отлично понимает это зло, но только не власти.

Я не специалист в сельском хозяйстве и не собираюсь в своём рассказе давать какие-то рекомендации, я говорю о том, что пережил и

как это понимаю. А вот большой специалист, самый известный в сегодняшней России крестьянин Василий Мельниченко, подтверждает мои мысли:

– Каждому губернатору следует немедленно приступить к организации сельской производственной, торговой, кредитно-финансовой и другой кооперации. На это выделено 80 миллиардов рублей. Но практически на территории нашей страны так и не приступили к созданию такой кооперации.

Власть считает, что село нерентабельно: выгоднее собрать несколько миллионов человек в одном городе – так дешевле строить дороги, проводить коммуникации. Сельчане вынуждены вымирать или переезжать в город: дороги в селе не строятся, больницы и школы закрываются... Уповали на границу, но тут случился конфуз.

Импортозамещением (и откуда взялось это слово, его даже компьютер не переваривает) занимаются огромные агрохолдинги (нынешние кулаки). Из выделяемых федеральным бюджетом денег 99% идут сельскохозяйственным олигархам.

Много правильного говорит мужик, но кто его слушает? Возможно, и мой рассказ сегодня оценят как бред пожилого человека. Но у меня создается впечатление, что лозунг 90-х годов «Фермер накормит Россию» давно канул в Лету, а надежда, что рынок всё расставит по местам, не только не оправдала себя, но и навредила стране.

В Острогжском районе из 300 фермеров выжили считанные единицы, да и те перерегистрировались в крестьянские хозяйства. Рынок

породил только торгашество, но никак не производство. Сельским хозяйством как руководили, так и руководят кабинетные люди, которые представляют, что булки на деревьях растут. Стоит ли при таком положении дел ждать каких-то перемен в сельском хозяйстве в лучшую сторону? Вряд ли!

Вот почему я, и не только я, не верю редким благостным картинкам на телевидении об уборке урожая, которые явно постановочные.

Общество ждёт перемен, оно их желает, и желающих большинство. Ведь не может так дорого стоить хлеб и быть такого низкого качества при столь богатых урожаях, как нас хотят в этом уверить? Значит, здесь что-то не то.

Большинство ждёт перемен, но и оно не уверено в том, что перемены в России возможны. Власти не допустят перемен. Но в России всё возможно! И всё может перемениться в один день, как это было в августе 25 лет назад!

Вадим КУЛИНЧЕНКО

Август 2016 г. – июль 2022 г.

Р. С. Рядовые фермеры, специализирующиеся на пшенице и прочих зерновых, к экспорту не допускаются. Они говорят: «Кто нас допустит к международной торговле? Свой урожай продаём перекупщикам, а они уже дальше распоряжаются нашими хлебами!» Сегодня на каждом килограмме зерна фермер теряет в среднем по 5 рублей. Если государство не вмешается и не предпримет мер по урегулированию цен, отрасль просядет...

ЖИЗНЬ МИМО ЖИЗНИ

ОТРЫВОК

Виталий БОГОМОЛОВ

Стоял август, самая грибная пора...

И захотелось Никите Зуеву пригласить на лесную прогулку близких своих друзей, Мишу и Володю, с которыми поддерживал отношения с давних школьных лет. За грибочками, может, и на рыбалку, главное, чтоб подальше забраться, где нет дорог, а значит, и людей. Хочется от них отдохнуть.

Друзья (всем им было уже под шестьдесят) исследовали карту области, нашли, как им показалось, самое оптимальное местечко: и не близкое – сто пятьдесят километров от областного города, – и глухое, в стороне от трассы, деревушка под соблазнительным названием Тихая, а рядом озеро Долгое. Ну чем не романтика?

Запаслись всем необходимым: продуктами, спальниками, палаткой, инструментами и прочим; Зуев червей для наживки накопил

*ВАЛЕРИЮ ЕВГЕНЬЕВИЧУ ХОДЯЧИХ
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

у себя на берегу и даже берёзовых дровишек с десятков поленьев бросил в багажник. Так, на всякий случай. И субботним утречком пораньше рванули на зуевском внедорожнике на запланированные два дня с ночёвкой.

От федеральной трассы по вполне сносной грунтовой дороге ушли в сторону ещё на шестьдесят километров, добрались до села Михайловка. Здесь им пришлось узнать, что деревни Тихой давно нет, вымерла. Но те, у кого они спрашивали, вспомнили, что вроде там есть один дом, в котором обитает какой-то выживший из ума старик, не захотел покидать своё хозяйство. Расстояние до Тихой, сказали, километров пять, но дороги туда тоже давно нет, всё затянулось и заросло... А была раньше дорога: если из села спуститься в пойму к реке, то сразу налево и вдоль кряжа. Никак не заблудишься.

– Мужики, то, что надо нам! – решил порывистый Никита.

И они поехали. Место, по которому когда-то проходила дорога, угадывалось легко, хотя и затянуло её мелким кустарником. Порой машина ухала в заросшие колеи и мочажины... Но выбиралась. Хорошая у Никиты оказалась техника, высокой проходимости. Проехали пять намеченных километров, однако никаких признаков деревни Тихой не обнаружилось.

Остановились, почесали в затылках, посоветовались значит.

– Насчёт пяти километров – это деза¹, – сказал Никита.

Для полной уверенности решили ещё податься сколько-нибудь вперёд. Через семь километров лес расступился, и они увидели догнивающие останки бывшей деревни, окружённой холмами, и единственный целый дом.

Вышли, огляделись. Совсем близко к дому подступало кривое вытянутое озеро, которое бумерангом загибалось за высокий хвойный лес, обступивший его с северной стороны. Видимо, это была старица. Над озером и лесом в синем небе висели неподвижно такие живописные и колоритные кучевые облака, какие бывают только в августе, что невольно принуждали замереть и хоть недолго полюбоваться ими.

Друзьям без обсуждения стало понятно, что выехали они туда, куда им надо было.

– А то! – воскликнул Зуев таким уверенным и торжествующим тоном, какой свидетельствовал, что с Зуевым иначе быть и не могло.

Определили местечко для стойбища – косячок возле озера недалеко от дома, – стали разгружаться. Время близилось к полудню. Первым делом под ёлками поставили палатку, утвердили походный столик, развели костерок, разогрели еду со свежей картошечкой, тушёной с мясом. Дальше было, как всегда в подобных случаях: поели, пропустили по несколько стартовых рюмашек – под разговор и воспоминания... Как любил повторять Никита – «помаленьку, но почаще».

Михаил был заядлым грибником и, получив от голосистого Никиты крепкое командирское внушение на разведывод – чтоб его не пришлось искать всем составом ближайшего УВД вместе с жителями района, – отправился за грибами. Старый грибник, он был уверен, что заблудиться ему здесь трудно. Да и навигатор при нём... Он решил обследовать косогор, который тянулся по северной стороне озера.

Володю, начавшего с годами набирать тучность и терять подвижность, распорядительный Зуев снарядил удочкой и отправил «помахать» ею на берегу озера. А сам, дымя безостановочно сигаретой – здесь ещё полно было комаров, – занялся хозяйством, подготовкой мяса к вечерним шашлыкам. Время от времени он бросал взгляды на избёнку, прикорнувшую под двумя огромными развесистыми берёзами: никаких признаков жизни там, однако, не замечалось.

Минут через тридцать с небольшим Володя уже вернулся с рыбалки. Принёс в пластиковом ведёрке с дюжину дивных золотистых карасей, каждый с добрую ладошку.

– Не могу больше. Заели! – пожаловался он. – Аборигены здесь, видно, разводят каких-то особо породистых комаров. Каждый с воробья! Уши распухли.

– Во! – изумился Зуев. – Уха есть! Если Мишуня ещё грибочков принесёт – заживём, как на курорте! А в промежутке – запиши! – ша-шлы-ки-и под водочку! Слышь, братан², есть же вот средство от кровососов. На, опылись! – Он протянул другу аэрозольный баллончик. За двадцать лет профессиональной военной службы командные нотки въелись в его голос так, что разговаривал он с Володей, будто тот находился не рядом, а в километре от него.

– Ладно, ты давай приводи в порядок своих карасиков, выпускай им «унутренности», а я схожу в кишлак на разведку, узнаю всё же, какой там бабай живёт, – распорядился Зуев.

По высокой, в рост человека, дурной и перестойной траве он стал пробиваться к доми-

¹ Дезинформация.

² Обращение, распространённое в жаргоне участников войны в Афганистане.

ку под берёзами. От дома к озеру до плотков была прокошена неширокая слабо натоптанная дорожка.

Прошло примерно полчаса, Володя уже забеспокоился и хотел идти на выручку другу, но Никита сам наконец появился.

– А что, грибник наш не вернулся ещё? – удивился он. И тут же вывел заключение: – Слышь, братан, ну точно, придётся искать Мишуню. Мобильник здесь не берёт – связи ваще нет.

Он стал рассказывать про хозяина избушки. Живёт в ней одинокий старикан восьмидесяти четырёх лет, Пётр Анисимович Куров. Бывают Орловы, а есть вот, оказывается, и Куровы. В прошлом колхозный кузнец. Раньше с ним тут обитали ещё, как он говорит, две «девочки», одна была постарше его, другая чуть помоложе, но когда двадцать лет назад какие-то бандюганы сняли с электролинии все провода и Тихая навсегда упала во тьму, старух увезли родственники, а ему, говорит, ехать некуда. Теперь он даже не знает, живы ли его подружки...

– Как же он двадцать лет без электричества, в наше-то время?! – изумился Володя, программист, который подобной жизни даже представить не мог.

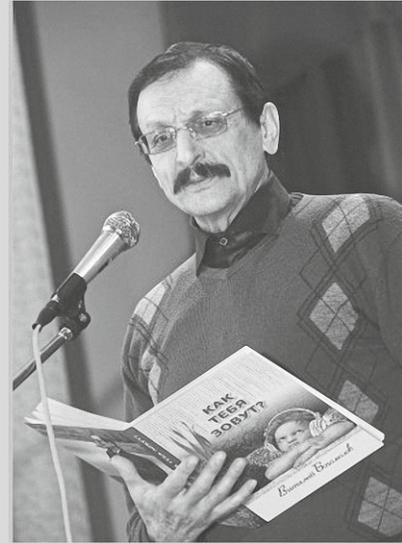
– Вот и я тоже не пойму! – вскинул руки Зуев, встряхивая плечами. – Привык, говорит. Встаёт с петухами, спать ложится с курами.

– Это ладно. Куров. Он с курами и ложится... А вот чем тут кормиться?

– Пока были силы, держал, говорит, хозяйство, козочку, кур, овец на мясо, теперь даже кошки нет. Огородишко небольшой только садит и всё. Пять-шесть вёдер картошки ему на всю зиму, до лета хватает.

– Ну а хлеб, крупа, сахар?..

– Иногда, говорит, делает прогулки до Михайловки, где закупает хлеб и прочие припасы. Прямой тропой это, говорит, пять километров. Для своего возраста он ещё крепкий старик, надо сказать. Форму держит. Надеяться-то ему не на кого. Но зимой тут... Ты меня, братан, извини-и... Да ещё без электричества. – Зуев выпятил губы и покрутил недоумённо головой. – Не зна-а-аю...

Виталий БОГОМОЛОВ

Родился в 1948 году в г. Тавда Свердловской области.

Детство и юность прошли в Ординском районе Пермской области.

Служил в армии, работал на заводах Перми. Окончил Пермский государственный университет. Автор 30 книжных изданий (пять из них – поэтические) и более шестисот публикаций в периодике, коллективных сборниках.

Член Союза писателей России с 1990 года.

Лауреат премии имени В. М. Шукшина, областной и краевой премии в сфере культуры и искусства, премии имени русского поэта А. Ф. Мерзлякова.

Кавалер ордена Ф. Достоевского 2-й и 1-й степени. Награждён многими дипломами и почётными грамотами.

Живёт в Перми.

– Слушай, Зуев, это какая-то дикость в наши дни!..

– Ну какая дикость... Вон Лыковы жили не в такой тайге, и ничего... Они, правда, старожилы...

Из зарослей неожиданно показался Михаил.

– О, появился, братан! – воскликнул Никита. – А то мы уже хотели вертушку вызывать на поиск...

– А куда я денусь, – ответил с лукавой усмешкой Михаил.

Он принёс в пакете богатый сбор молодых крепеньких белых грибов, другие, говорит,

не брал... Грибов – море. После дождичков пошёл хороший нарост.

Грибник, как разведчик, выяснил, что озеро тянется метров на триста и что оно проточное: из него выпадает речушка метровой ширины (видимо, и впадает она в озеро где-то выше), очень чистая, и в ней должны быть непременно хариусы. А в озере, наверное, и щуки водятся...

– Тишина здесь – обалденная! Воздух – ножом режь и на хлеб намазывай! – восхищался Михаил.

Он удивился Володиному улову карасей, которых тот уже почистил и присолил.

* * *

Отдохнули друзья очень душевно. Грибов набрали полно. Место им настолько понравилось своей заброшенностью, природной естественностью, что решили приехать сюда ещё. Перед отъездом Зуев собрал оставшиеся продукты, сложил в пакет, сказал: «Мы своих не бросаем! Бақшиш¹ бабаю» – и отнёс их старику.

Старик этот что-то запал ему в душу, и всю неделю он временами вспоминал о нём. Сговорились в следующую субботу снова съездить в деревню Тихую, пока грибы не отошли.

Зуев закупил два пакета муки, несколько пакетов разных круп, бутылку растительного масла, сахара, консервов для старика Курова, керосиновую лампу со стеклом и раздобыл пятилитровую ёмкость керосина. По приезде всё это отнёс ему, старик был и удивлён, и очень насторожён таким даром, долго отнекивался, отказывался, говорил, что ни в чём не нуждается, всё у него есть, что надо. А чего нет – привык обходиться так. Но Зуев был не тот человек, настойчивость которого в чём-то можно поколебать. Он всё предназначенное Петру Анисимовичу оставил у него, а самого пригласил к вечеру на шашлыки, сказал, что в нужное время придёт за ним.

– Пётр Анисимович, – сказал Зуев, – вы ни о чём не беспокойтесь. Не подумайте, что

втираемся в доверие к вам. Нам от вас ничего не надо. И золото, которое у вас в подвале закопано, нам не надо – мы сами золото! Шутка! Мы приехали на природе отдохнуть, грибов пособирать... А это вам подарок от афганского братства. Я там служил, – успокоил он старика, которому понравилась его весёлая обходительность.

Старик шутку понял, отозвался на неё:

– «Золото-то» у меня в конюшне, перенной высшей пробы, только вот сил не стало выкопать-то его, огородишко не мешало бы им удобрить...

Так и было, по ранним сумеркам Зуев сходил за стариком и привёл его к костру. Это оказался сухой, высокий и сутулый человек, одетый в брезентовые лоснящиеся штаны, давно забывшие про стирку. Зуев усадил его на походный складной стульчик, выбрал лучший шампур с шашлычком, подал гостю, поднёс ему пятидесятиграммовую металлическую стопочку водки. Тот величаться не стал, выпил, поблагодарил за уважительность, принялся жевать шашлык, у старика ещё оставалось много своих зубов, и мясо он ел без особых трудностей. Да и мясо, кстати, было нежное, Зуев знал в нём толк, умел и выбирать мясо, и готовить его. Ещё в Афганистане научился. От второй стопки старик категорически отказался. Он и с одной стал разговорчивым.

У него были высокие кустистые седые брови, очень спокойные светлые глаза, лицо в серых глубоких морщинах, заросшее бородой, в отблесках костра напоминало скорее кору старого елового дерева. Глядя на старика, можно было с уверенностью подумать, что он непременно должен быть участником Великой Отечественной войны. Но нет, оказалось, что Пётр Анисимович всего лишь с 1931 года, просто выглядит старше своих лет. Но при его полудикой здесь жизни иначе и быть, наверное, не могло.

В закатной стороне над самым горизонтом, заметно придвигаясь и сползая к нему, горела в синеве яркая звезда, и горела она тем пронзительнее, чем больше синева неба густела. Миша и Володя заспорили, что это

¹ Подарок старику – из жаргона ветеранов Афганской войны.

за звезда. Миша утверждал, что Венера, Вольда – что Юпитер. Миша убежденно доказывал, что Венера, во-первых, самая яркая звезда и это – она, Юпитер слабее, а во-вторых, орбита Венеры находится близко к Солнцу, и потому звезда видна либо после заката, вот как сегодня, либо перед восходом. Это, бесспорно, она. И вообще – у него есть телескоп и карта звездного неба.

Не находя аргументов, Володя смирился и махнул рукой – сдаюсь-де.

Друзья понемножку выпивали, закусывали и с интересом слушали старика, который, удовлетворяя их захмеленное и въедливое интеллигентское любопытство, не очень охотно рассказывал о себе, о своей деревушке. Слово понимал, что им это всё в глубине души чуждо и любопытство их праздное. Голос его звучал глухо, хрипловато.

Когда-то деревня Тихая, оказывается, была шумной, большой и богатой. На озере белым-бело водилось гусей, их держали в каждом доме. Начнут гагакать – за версту слышно. Перед войной в Тихой насчитывалось 63 двора. Имелся большой конный двор, а после войны здесь вообще находилась целая конезаводская ферма, лет десять разводили и выращивали лошадей для армии. Ведь во время войны их очень много погибло. Здесь простирались широкие луговые пастбища... В середине пятидесятых всё заглохло: лошади в армии стали не нужны. Как теперь вот даже в деревне... Артиллерию и ту Хрущёв признал тогда ненужной... Ракеты появились.

– Это мы зна-а-ем, хех! – закричал Зуев, повалив голову на левое плечо и скребя правой рукой сбоку шею.

Семья была большая, очень трудолюбивая и поэтому зажиточная. Дедушку своего, мамино отца, он не помнит: родился уже после того, как деда раскулачили, семью из дома выселили и всех куда-то увезли. Никто не вернулся. Мать с отцом жили уже отдельно и небогато, это их спасло. Отец и его старший брат Лука работали в колхозе конюхами. Дядя Лука числился старшим. Однажды ночью комсомольцы-активисты пришли на конный

двор, стали подносить лошадям ведро с водой, лошади воду пили. Значит, конюхи лошадей после работы не поит, занимается вредительством. А вредителей в то время как раз везде выискивали. Написали донос. Луку обвинили во вредительстве, осудили на шесть лет. Сколько ни доказывал он, что лошадь, как её с вечера ни напои, когда постоит, поест и отдохнёт, то обязательно станет пить, доказать ничего не смог. В лагере он заболел и умер. Отцу Петра Анисимовича, пока не угасла комсомольская чума по выискиванию вредительства, пришлось даже спать на конном дворе и по ночам поить лошадей не по одному разу.

Когда началась война, Петру Анисимовичу было десять лет, отца забрали на войну в первые же дни. В ту же осень он и погиб где-то под Москвой.

– Берёзы эти, – старик показал рукой в темноту в сторону дома, – отец ещё подростком посадил. Они старше меня годов на десять. Вот всё, что осталось от нашего рода. Меня скоро не станет, изба догниёт, а они ещё постоит, может, лет полсотни. Последняя память. Бывает, подойду, обниму дерево, как отца родного...

– А вы всю жизнь тут прожили? – поинтересовался Михаил.

– Да пошто, не-ет, – возразил Пётр Анисимович. – После четвёртого класса, в сорок втором, пошёл работать в колхоз. В сорок шестом забрали в ремесленное, учили на кузнеца. Работал на заводе Ленина сколь-то. Тут в армию пора. Три года в Белоруссии, да на Украине землю чистили.

– Как чистили? – удивился Володя.

– Мины обезвреживали. Обязательно. Их там после войны осталось видимо-невидимо.

– Да это же опасно! Как-то не подорвались?!

– Опасно! – подтвердил Пётр Анисимович. – Бывали у нас случаи... Бывали, – старик потеревил свою густую бороду. Он приподнял и опустил засаленную до невозможности кепку, под которой оказалась совершенно лысая голова. – А после армии, в пятьдесят четвёртом, обратно сюда. Тут и прошла вся моя

жизнь, – махнул он угрюмо рукой. – Тоже чертомéлил на колхоз. Одних стогов сена переметали с Лёнькой Кúзовлевым – не сосчитать, – вздохнул он. – Тоже ничего не осталось, ни от колхоза, ни от меня. Там вот кладбище. Мать там лежит, жена там лежит. Никого нет, вся деревня вымерла. Зачем жили? Для чего работали, жилы тянули, ломали хребет – всё напрасно. Ничего нет. Будто тихий ветерок дунул-пролетел – никаких следов. Горько, как подумаешь...

– А дети? Были у вас дети? – опять поинтересовался Михаил.

– Как же. Обязательно. Дочь, младшая, лет четырнадцать назад погибла в городе. Одиночка была, лет сорок ей было. А старший-то сын как после армии куда-то забрался на Север, на большие деньги, так и не знаю, где, жив ли, нет ли. Можно сказать, без вести пропал. Первые-то годы всё же писал изредка... Наверно, уж нет в живых. Теперь бы около шестидесяти было ему... А я всю жизнь в кузнице проиграл молотком по наковальне... Весной, конечно, на посевную снимали, летом – на сенокос, а остальное время – всё у горна.

– А пенсия? – спросил Зуев. – Пенсию-то вы какую-то получаете? Как её доставляют сюда, кто?

– Ну как же. Обязательно. Пенсия есть. Восемь двести была в прошлом годе. Давненько не справлялся. Поди уж миллионы отваливают? – рассмеялся он скупно. – На сберкнижку идёт. Там, в Михайловке. По потребности снимаю захожу, бывает... Форсить не приходится, на похороны надо чтоб скопилось скольнибудь... Сейчас, говорят, шибко дорого стоит это удовольствие.

– Да как же вы до Михайловки-то добираетесь? Это же, сколько мы насчитали? Восемь кэмэ?

– У меня своя прямая дорожка – пять километров. Хожу с бадожкой. Только что в гору-то вот надо выбраться... Трудновато. А дальше ровно, марш-бросок без помех.

– А зимой?

– На лыжах. У меня лёгонькие лыжи охотничьи. Лосиным камусом обиты. Наверно, такие же старые, как сам. От Афанасия до-

стались, соседа. Хожу-у потихоньку. Зимой-то редко. Ягоды, грибы, рыба – всё у меня тут под боком. Сил токо мало осталось...

– Не беспокоят? – поинтересовался Михаил.

– Теперь нет, слава богу. А было время, при Ельцине-то, расплодилось бандитов... Не раз смерти в глаза принуждали поглядеть... Деньги всё искали, добивались, где спрятаны. Да водку искали... А у меня пенсия была втúпор в два раза меньше таперешней. Какие деньги. Сельским кузнецам вредность не засчитывалась. Пенсии были махонькие. Всё на хозяйство уходило. И под лёд грозились меня спустить, если не скажу, где деньги. Тогда здесь ещё люди всё же были. Но бандиты никого не боялись. Бог миловал. А теперь стало спокойно. Со старились, видно. Многие поумирали. «Рояль» какой-то всё пили, угомонились. Всё, что было, унесли, металл особенно, гирю двухпудовку ржавую и ту уволокли, ложки-вилки, кастрюли люминевые и те собрали... Иконы позабирали. Хорошие иконы были у меня, родительские, старинные. Четыре штуки. Почернели, правда. Бумажную одну токо и оставили. Николая Чудотворца. Теперь вот молюсь ему.

– А что за бандиты-то, какие?

– Да варнаки всякие, ворьё, нёработь, алкаши, тюремщики после отсидки...

– Ясненько, – заключил резко Зуев.

– А как с дровами к зиме? – полюбопытствовал всё тот же Михаил.

– Есть у меня пила лучкóвая добрая. Сам же ладил, пока в кузне робил. Что осталось от деревни, потихоньку летом шёркау, заготовливаю. Зарядка такая у меня получается... Обязательно. Напильники, правда, все поржавели да выносились, точить пилу нечем... Древесина старая, пересохшая, заточка скоро тупится...

– Ладно, пока силы хоть какие-то есть, – заметил Володя. – А дальше как?

– Две жизни никак не жить, помру да и только, – как о чём-то самом будничном проговорил Пётр Анисимович с грустной и какой-то извиняющейся улыбкой.

– Так, может, в интернат? – то ли посоветовал, то ли спросил Михаил. – Там уход будет...

– Это в дом-то престарелых? – уточнил Пётр Анисимович. И, не дожидаясь ответа, отверг такой вариант: – Нет уж. Тут дай Бог. Одного боюсь, кабы звери меня не съели мёртвого, если на улице застигнет... А в доме дак когда-нибудь да найдут. Зарюют. Обязательно.

– Тут надо что-то придумать, – проговорил озадаченно почти всё время молчавший Зуев. – Ладно, мужики, пора на отдых сегодня.

Тьма вокруг стояла уже непроглядная. А в небе густо рассыпались искристые звёзды. Со своим мощным аккумуляторным фонариком Зуев проводил Петра Анисимовича до его избы. Скоро вернулся.

– Двадцать лет человек без электричества живёт! Ни телевизор не видел, ни радио не слышал. Говорит, война будет, так всё равно скажут, когда в магазин придёт... Нонсенс! – бормотал угрюмо Никита Зуев. – Живёт человек в государстве, а вроде бы его и нет, никакая власть им не интересуется. И заботы о нём никакой нет.

– Пенсию на книжку перечисляют, – усмехнулся иронично Михаил, – А ты говоришь, заботы нет.

– Так он сам отказался от власти! – возразил Володя Никите. – Ты же слышал, что он Мишке ответил: здесь помру, а никуда не поеду...

– Мало ли что он ответил. Это, Вова, не основание бросать его... У него с внешним миром никакой абсолютно связи! Только собственные немощные ноги. А откажи они – и всё... Капец!

– Да, – согласился Володя. – Обязательно, как говорит старик.

– Вот сейчас оптимизация проходит. Но мимо она не пройдёт. Пётр Анисимович беспокоится: слух был, почту в Михайловке ликвидируют, а при ней – отделеньишко Сбербанка числится. Какая-то там Андреевна в одном лице и начальник почты, и «директор» Сбербанка. А его тоже переведут в это самое, Антипино, что ли. А это, говорит, аж пятнадцать километров. Как старик тогда пенсию свою снимет со сберкнижки? Как?

Обсуждая необычную жизнь старика, стали налаживаться спать: Никита – в машине, Володя с Мишей устроились в палатке. Следующий день запланировали посвятить сбору грибов.

Но Миша не пошёл сразу спать, романтик остался посидеть ещё у костра. Сказал, что ему очень нравится в ночи на пламя «хглядеть»...

Он время от времени подкладывал в костёр хворост. Пламя невольно завораживало, умиротворяло, навевало лёгкую задумчивую грусть. Набежал ветер, прошумел в кронах деревьев и умолк. Мише подумалось, что это самый древний голос природы. Но потом в реке сильно плеснула крупная рыбина, и он с удивлением поправил свою мысль: плеск воды, волн – вот более, пожалуй, древний голос, нежели шум ветра... Поразмыслив, примирил обе мысли: и тот и другой голос – оба от ветра...

Вячеслав КОЛЕСОВ

Родился в 1967 году в городе Березники Пермской области. Писал с детства, для себя, публиковался в детских журналах и поэтических сборниках. Номинант литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя» (2020), Национальной литературной премии «Поэт года – 2018», «Дебют», «Поэт года – 2019»; финалист VI Международного литературного конкурса «Серебряный голубь России – 2020», конкурса «Поэтическая радуга-весна – 2022»; Гран-при Международного литературного фестиваля, посвящённого Дню Победы (2020, г. Москва). Книги: «Я настоящий» (сборник стихов, Москва, 2021), «Первый шаг» (сборник стихов, Барнаул, 2022), «Стрелы Амура», Москва, 2021), «Гиацинтовый блюз» (Москва, 2021).

Время пришло!

МИР

Мир встречает зарю нового дня,
Как ребёнок навстречу чуду бежит босой,
Мир – это наша планета Земля,
Где утро встречает тебя солнца искрой.

Мир – это бег галопом орловских коней,
А потом ночное в хрустальных брызгах ручья,
Это полёт над волною стаи гусей,
Это лёд прозрачный, как младенца слеза.

Мир – это когда по полю шагаю живой,
Вдыхаю прохладу в тени летнего дня,
Это запах весны, это цвет травы луговой,
Когда можно звёзды с тобой считать до утра!

Мир – когда детских улыбок просто не счесть,
Мы строим ракеты, чтоб только в космос летать,
Мир – это верное слово и гражданская честь,
Мир – это когда есть время о многом мечтать.

Пусть будет мир на всех землях вокруг,
Пусть дети не знают, что такое война,
Пусть материнское сердце не болит от разлук,
Пусть будет мир на нашей планете Земля!

ВАСИЛЬКОВО ПОЛЕ

Души облаками кружат над холмом,
Хуже не бывает, как в кино немом.
Смотрят не моргая в небо васильки,
Будто вспоминая годам вопреки

О боях прошедших, истерзанной земле,
В вечности застрявших, снова о войне.
Не стирает время, не утихнет боль!
Не вернуться в семьи, не придут домой

Дети, отцы, деды, проливая кровь,
Будут до Победы воевать за кров!
Погибать за веру, за любимый край,
За семью, за землю, за хлеба каравай.

И добьют в Рейхстаге злейшего врага,
В пламени, в отваге добудут ордена!
И салют Победы увидят свысока
Души победивших, души-облака.

В васильковом поле под землёй лежат
Батальон бессмертных, молодых солдат,
Без вести пропавших, загубленных войной.
Каждый из погибших умер как герой!

Жизнь свою отдавши, чтобы жили мы,
В будущем не знали ужасов войны!
Души облаками кружат над холмом.
Упокойтесь с миром, спите крепким сном.

ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР

Как солнце вдруг стало кроваво-алым,
Как в небо врезались железные птицы,
Земля от взрывов ракет стонала,
Просила оставить в ладонях водицы.

Просила пощады за малых и хворых,
За тех, кто не смог уйти, защититься,
За тех, кто остался, надеясь на помощь,
За тех, кто не смог с войною смириться.

И сваркой сверкали сквозь грохот зарницы,
И в отблесках молний гибли солдаты,
В остовах домов чернели глазницы,
Дрожа под дулами автоматов.

Восточный ветер вернётся с весною,
Расчистит небо от гари войны,
И смоется всё водой дождевою,
Очнётся Земля после лютой зимы.

ВЫБОР

Почерк курсивом, плазмой по небу,
Сквозь измерения в тысячу лет,
Потомкам послание в нишах хранили
В нетленных дворцах, жизни секрет.

Искрой озарения смысл был оставлен,
Прожжённой дырою к недрам Земли,
Предначертания сводов и правил,
Как жить, предложение во время чумы.

Цивилизации, сменяя друг друга,
Вплавлялись слоями в толщу земли,
Истории падших похожи, по кругу
Выход искали в зигзагах судьбы.

Рождение жизни – снова победа,
Новый шанс как попытка пройти новый путь,
От молекулы пра до яркого света,
Сквозь тернии к звёздам мечтой дотянуть.

А пока читайте по буквам,
По губам, по знакам, молю!
Найти смысл в движении к звёздам,
Сохранить планету свою!

ВРЕМЯ ПРИШЛО

В глазах свет,
Вражды нет,
В ночи мрак,
Теперь не враг,
Вижу людей,
С миру по ней
Идут толпой
В тишине за мной,
Друг и враг
Идут за так,
Сегодня мой день,
За мной моя тень!
Сегодня не в бой.
Идут за мной,
Молча идут,
Глаза берегут,
Тайны страстей,
Много смертей,
Крепче слов,
Наломали дров,
Это война,
Она без конца,
Война без идей,
Нет новых вестей,
Это любовь,
За это кровь
Надо отдать,
Не переждать.
Пока мы здесь,
Мир на нас весь.
Всё с дымом в трубу,
И всё не к добру.
Идут за мной:
Кто с болью,
Кто злой,
С верой вперёд,
Кто за народ,
Кто в очередь
Ждёт,
Не обождёт.
Нас много в полку,
Жаль, что в трубу
Много уйдёт,
Не повезёт
Многим из нас

В последний наш час.
Война без костей
Ради идей,
Мир разбит
На сотни плит.
Каждый не спит,
Всё делает вид,
Что беда не беда,
Но стучат в ворота –
Время пришло,
Солнце зашло...
Была семья...
Без сомнения,
Теперь нет.
В глазах твоих
Ангел стих...
Снова с неба свет...
Новый рассвет.

ДЕЖАВИЮ

Петры и Павлы, Иваны и Владимиры
Стоят плечом к плечу в одном ряду,
Спасём Россию от поработителей,
Страну – от гибели, не отдадим врагу!
От швали западной и от либеральных
прихвостней
Пора, друзья, очистить этот мир,
Душителее страны, людей губителей,
Настигнет кара этих воротил!
Удобно система их устроена,
Задаром скуплены заводы и земля,
Живёт клоньё Рокфеллеров и Ротшильдов,
Живёт сейчас, а мы как будто зря.
Мечтали не об этой жизни предки,
Геройски защищая родной край,

Трудились, побеждая в пятилетках,
К Байкалу пробивали магистраль.
Союз республик не канул в Лету,
Он жив в сердцах простых людей,
Вот только счастья – счастья нет,
Как нет и пламенных идей.
Чинуши транжируют ради боссов,
Отдавая за «зелёные», за так
России «народное достояние»,
США – наш не главный враг.
Наш враг – это мы, россияне, сами,
Что так легко отреклись
От себя, от Родины, за что бились веками,
За то, что легко повелись
На обещания признанья потуг,
За то, как рушились судьбы людей,
За то, как сомкнулся над нами круг,
За то, что глумились над Рашкой своей.
Не нужно нам западных нянек,
Не нужно заморских подачек,
Построим по-новой мир сами,
Без импорта и новых тачек.
Чинуши и либералы, генералы и клоньё,
История опять повторяется,
Слетелось на пир вороньё.
Россия мощной проснётся!
Россия, как дубовый росток,
Сквозь толщу брони пробьётся,
И будет новый исток.
Россия станет истоком
Нового мира и равноправия,
Кто был против, тому выйдет боком,
Тот станет надолго в изгнании.
Петры и Павлы, Иваны и Владимиры,
Вставайте плечом к плечу!
Спасём Россию от поработителей,
Страну – от гибели. Не отдадим врагу!

Валерий МАЗМАНЯН

Валерий Григорьевич Мазманян родился 9 июля 1953 года в семье военнослужащего. В 1975 году окончил Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. Живёт в Москве. Работает в системе образования. Автор книги «Не спросишь серых журавлей».

Следя за сменами времён...

ЖАСМИН ТУМАНОМ ПЛЫЛ У ОКОН

Июньский вечер звуки прятал,
Где в сумрак погружались дали,
И облака бумагой мягкой
В закатном пламени сгорали.

Берёзы белые колени
Прикрыли тени кружевами,
Что этот день отдали лени,
Забыли, не переживали.

Жасмин туманом плыл у окон,
Лилось вино, и лились речи...
И грусти нераскрытый кокон
До осени припрятал вечер.

БЕЛИТ ТОПОЛИНЫЙ ПУХ ОДУВАНЧИКОВ ВИСКИ

Цвет черёмухи снежком
Предвещает холода,
Ива молится тишком
У заросшего пруда.

Ливень нанесёт мазок,
Зачернит во двор окно,
Липа золотой песок
Сыплет лужицам на дно.

Обострённый ловит слух,
Сколько в голосе тоски,
Белит тополиный пух
Одуванчиков виски.

Сдюжил дождь сирени куст,
Мы – житейскую грозу...
Вместе с ивой помолюсь
На вечернюю звезду.

И ПОКЛОНЫ БЬЁТ СИНИЦА, ОТПУСКАЯ ВСЕМ ГРЕХИ

Отцветает куст сирени,
Одуванчик белый сник,
В кружевных накидках тени
Прогоняют солнца блик.

На берёзах пеной мыльной
Кучевые облака,
У стрекоз в зеркальных крыльях
Отражается река.

Ветерку с утра не спится,
Сарафан измял ольхи,
И поклоны бьёт синица,
Отпуская всем грехи.

И слова – такая малость,
А волнение в крови...
Сизари у ног собрались
И воркуют о любви.

РОНЯЛ ШИПОВНИК В ТРАВЫ ПО КАПЕЛЬКЕ ЗАКАТ

Недолго дождик капал,
Вздыхала зря река,
Сосна мохнатой лапой
Прогнала облака.

В дремоту впали тени,
Ветра сморила лень,
И в облачке сирени
Пропал гудящий шмель.

Будила чайка криком
Грозу и спящий гром,
Хотелось о великом,
А слово – о земном.

Века меняют нравы,
Но не разлук обряд...
Ронял шиповник в травы
По капельке закат.

И БЕЛЫЙ ИНЕЙ ОДУВАНЧИКА

Весна уже уходит в прошлое –
Густой травой, на зорьке скошенной,
Грозой, вишнёвыми метелями,
Туманом яблонь и капелями.

Цветок жасминовый закружится
И льдинкой поплывёт по лужице,
И белый иней одуванчика
Накроет солнечного зайчика.

Шмелю, стрекозам и соцветиям
Три летних месяца – столетия,
Порхает бабочка-капустница,
Где жёлтый лист на снег опустится.

Прошу тебя, не надо мучиться,
Что поздняя любовь – разлучница...
Поверь – спасёт от неизбежности
Простое слово с жестом нежности.

И ВЕТЕРОК НОЧНОЙ ИГРИВ – ЦЕЛУЕТ ЯБЛОНЮ В ПЛЕЧО

Полнеба сжёт, дотлел закат
У голубиноного крыла,
А там, где плыли облака,
Звезда кувшинкой зацвела.

До блеска ржавую луну
Начистят веточки берёз.
Твой взгляд и шёпот нам вернут
Былые чувства, радость грёз.

И ветерок ночной игрив –
Целует яблоню в плечо,
Мы время падающих слив
Порой счастливой наречём.

Оставь «во-первых», «во-вторых» –
Найдётся повод для нытья...
И у души нет выходных
В круговороте бытия.

СИНЕВЫ ОЗЕРЦО ГЛОТОЧКАМИ ВЫПИЛИ ТУЧИ

Метели вишнёвые май разбудил,
Шмеля и вечерние грозы,
Родимые пятна на белой груди
Платочком прикрыла берёза.

Синица на ветке торопится спеть,
Что солнечно утром и ясно,
Листвы прошлогодней подсчитана медь
Грачами в монашеских рясах.

Шепну, что зелёное платье к лицу,
Влюблённый морщинистый мальчик,
У бабочки белой сорвав поцелуй,
За ночь поседел одуванчик.

Не вспомнишь меня и забудешь лицо –
Красивыми снами не мучай...
И мечется стриж – синевы озерцо
Глоточками выпили тучи.

ВМЕСТЕ С БАБОЧКАМИ ЛЕТО ПО ДВОРАМ РАЗНОСИТ ШМЕЛЬ

Блики солнечного света,
Час, не больше, дождь шумел,
Вместе с бабочками лето
По дворам разносит шмель.

Что для счастья надо мало,
Если хочешь, говори,
У окна собрали мальвы
Утром капельки зари.

Что с того, что в прядях иней
И морщинки возле глаз,
Солнце зреет сочной дыней
В этом августе для нас.

Смех и поцелуй горячий,
Голубь во дворе речист...
В тень берёзы ветер прячет
Первый золочёный лист.

ЗОЛОТЫМИ КРУПИЦАМИ ЛИПЫ УКРАШАЮТ ОБЫДЕННОСТЬ ЛЕТ

Попрощались – забыть всё обязан.
Под дождей несмолкаемый хор
Поседел незаметно для глаза
Одуванчика рыжий вихор.

Но на сны не наложено вето,
Засыпаешь – и в мире ином,
И цветущей черёмухи ветка
Поднимает метель за окном.

Все вчерашние лужицы выпил,
Зарумянился майский рассвет,
Золотыми крупницами липы
Украшают обыденность лет.

Возвращается прошлое грустью,
От себя не пуститься в бега...
Если речка забудет, где русло,
Ей напомнят её берега.

В САДУ НЕГАСНУЩИМ ЗАКАТОМ ПЫЛАЮТ КРАСНЫЕ ТЮЛЬПАНЫ

Воркуют сизари на крыше
Один куплет из старой песни,
Что лепестками майской вишни
Снежинки белые воскресли.

За золотую жилу овод
Блестящий одуванчик примет,
И для тоски найдётся повод,
Когда твоё услышу имя.

Былое и во сне догонит,
И память никуда не дену,
А месяц уронил с ладони
Все звёзды в облачную пену.

Останется в листочке смятом,
Что сами наспех растоптали...
В саду негаснущим закатом
Пылают красные тюльпаны.

И У ОКНА НАДЕЛА ВЕРБА НАРЯД, РАСШИТЫЙ СЕРЕБРОМ

Последний снег склевала морось,
Пожухлый лист поднял крыло,
А чайка, надрывая голос,
Зовёт весеннее тепло.

Молчит душа, откуда вера,
Что всё закончится добром,
И у окна надела верба
Наряд, расшитый серебром.

Вздохнёшь – апреля заморочки
Не понимаешь, хоть убей,
А облака стирают точки,
Что ставит стайка голубей.

Но укорять весну не вправе
Ни ты, ни я за грустный миг...
И мать-и-мачеха в канаве
Хранит в ненастье солнца блик.

БЕРЁЗА У ЗЕРКАЛЬНОЙ ЛУЖИ ПРИМЕРИТ НОВЫЕ СЕРЁЖКИ

Не в первый раз – невзгоды сдюжим,
Весенних трав увидим стёжки,
Берёза у зеркальной лужи
Примерит новые серёжки.

А снегу жить всего неделю,
Об этом знает кустик жалкий,
И траур по зиме надели
Ещё вчера грачи и галки.

Вздохнёшь, а месяц улыбнётся –
Тебе решать, что в жизни вечно.
Для уточки монетку солнца
Достанет селезень из речки.

Дожди свои разучат гаммы,
Мы журавлей уставших встретим...
Истлевший до трухи пергамент
Осенних листьев кружит ветер.

НАД ЧЁРНЫМ КЛЁНОМ ВО ДВОРЕ СИЯЕТ СОЛНЦА ОРЕОЛ

Следил за сменами времён
Большой сугроб и весь поник,
В зеркальной луже видит клён,
Как к небу тянется двойник.

Погожим утром липкий снег
Сосна стряхнула с рукава,
И долгий сон замёрзших рек
Встревожит птичий караван.

Так было испокон веков –
Природа после зим грустна.
Из белой пены облаков
Выходит новая весна.

И пусть седой и постарел,
Твоё «люблю» как наш пароль...
Над чёрным клёном во дворе
Сияет солнца ореол.

И ВЕРБА СНЕГ СТЯХНЁТ С ПЛЕЧА

Всплакнул сугроб – своё отжил,
Не сходит чернота с боков,
И синеву соткут дожди
Из серой шерсти облаков.

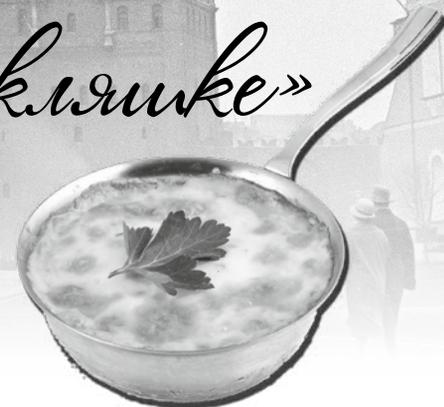
И верба снег стряхнёт с плеча
И серебром украсит кисть,
И блеском золота грача
Обманет прошлогодний лист.

С утра читают воробьи
Теней затейливую вязь,
И оба знаем – без любви
Два сердца потеряют связь.

Снега разгонит по лесам
Капли барабанный стук...
И ты шепнёшь, придумал сам
Обыденный привычный круг.

Грибной жульен в «стекляшке» посреди Кремля

ИЗ ЦИКЛА «МОСКВА ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО СТУДЕНТА-ПРОВИНЦИАЛА»
ЗИМА 1977 Г. КДС

Евгений ТАТАРНИКОВ

По стране шёл ещё полный сил 1977 год, а мы не спеша шли на концерт советской эстрады в Кремлёвский дворец съездов.

*Помнишь ли, товарищ, этот дом?
Нет, не забываешь ты о нём!
Я скажу, что тот полжизни потерял,
Кто во дворце Кремлёвском не бывал.*

Открытие Кремлёвского дворца съездов стало громким событием для страны. Да что говорить, если специально для того чтобы информировать советских граждан о ходе строительства, была создана целая газета (называлась она «Ударная стройка»). Вырос дворец в рекордный срок – 15 месяцев, и к нему приложили руку специалисты почти всех союзных республик. Это был продуманный политический ход. Оказывается, дворец изначально получился такой высокий, что торчал над кремлёвской стеной. Это считалось некорректным, что ли. И здание пришлось погрузить на 14 метров в землю (а это примерно пять этажей современного дома). Кремлёвский дворец съездов в те времена – это было вообще погружение

в другой мир – от зала и холлов до буфетов и туалетов. КДС уже новейшая история Кремля. Он был возведён в 1961 году на месте старого здания Оружейной палаты. А ещё раньше здесь находился Царь-Борисов двор, владения Бориса Годунова.

Один из дней работы партийного съезда ознаменовался необычным событием: под сводами дворца прозвучала мелодия «Интернационала», переданная прямо из космоса. Поэт Е. Долматовский вспоминает: «В Кремлёвском дворце съездов шло заседание XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Неожиданно председательствующий остановил прения. Было объявлено о том, что советская космическая станция, преодолев звёздные просторы, опустилась на поверхность Луны. Советские учёные приготовили чудесный сюрприз: установленное на космической станции музыкальное устройство передало по радио с Луны начальные такты мелодии партийного гимна "Интернационал". В безмолвном волнении встал съезд; вся страна, весь мир замер у радиоприёмников: песнь пролетариев Земли стала первой песней Вселенной».

*Эпоха, близкая для всех,
Стоит в стекле, бетоне,
Гербы Союза ССР
В фойе и на фронтоне.*

*Концертный зал – 6 тысяч мест,
Сад зимний, зал банкетный,
Комфортно, строго, страны честь,
И новый стиль – модерный.*

*В 70-х – взлёт, подъём,
Шли заседания съездов
КПСС, Политбюро,
И взрыв аплодисментов.*

*И так же на концерты шли,
На Новый год хлопушки,
Весёлых зайцев хоровод
И на ветвях игрушки.*

В Кремлёвский дворец съездов, или, как его звал простой советский человек, в главную «стекляшку» страны, мы мечтали сходить давно, посмотреть это чудо советской эпохи. Тут как раз подвернулся случай, и мы купили билеты на концерт звёзд советской эстрады. Мы зашли в Кремль, нет, не через Спасские ворота, а со стороны Александровского сада, через Кутафью башню и Троицкие ворота. Кутафья башня – она уникальна, другой предмостовой башни, сохранившейся до нашего времени, просто нет. Свое наименование невысокое (всего 13,5 метра), широкое и выглядящее неуклюже сооружение получило от устаревшего слова «кутафья». Так в древности шутили называли неповоротливых, маленьких и полных женщин. Зашли, чтобы встретиться, нет, не с генеральным секретарём ЦК КПСС дорогим Леонидом Ильичом, а с артистами эстрады, которые сегодня будут выступать в Кремлёвском дворце съездов. И вот перед нашим взором встал стеклянный параллелепипед, устремлённый ввысь десятками стройных пилонов. Пилоны высотой 17,6 метра в поперечном сечении имеют форму трапеции. Они представляют собой призмы, сильно выступающие из плоскости фасадов. Являясь ведущим архитектурным

мотивом фасадов, пилоны имеют не только декоративное, но и конструктивное значение, так как используются для прокладки вертикальных коммуникаций.

Стеклянные стены, в которых отражаются золотые купола кремлёвских церквей и соборов. Высота наземной части дворца составляет 27 метров; протяжённость сторон – 121 на 73 метра. Основной массив здания, имеющий простую форму параллелепипеда, завершён лёгким, прозрачным, почти сплошь остеклённым объёмом банкетного зала (высотой около 8 метров), заглублённым по отношению к плоскости фасадов на 6,4 метра. Благодаря этому на плоской кровле дворца образуется открытая прогулочная площадка, откуда открывается замечательная панорама кремлёвского ансамбля и столицы. Внутри КДС горел яркий свет, и я видел через стеклянные стены пальмы. Нет, баобабов там не было. Там были люди, и они ходили по огромным лестницам, этакий муравейник в разрезе. Сейчас и мы войдём туда, и уже нас будут видеть с улицы люди в свете кремлёвских огней. Шурик стал считать, сколько этажей КДС, насчитал шесть, а потом спросил:

– Жень, а что там ещё за надстройка наверху, её тоже считать?

– Да, Шурик, это самое главное, что там есть. Это банкетный зал, и там можно очень вкусно поесть. Что мы сегодня с тобой и сделаем, – сострил я, а Шурик заулыбался непонятно чему.

– А что так лестниц много, куда они ведут? – не унимался Шурик.

– Откуда я знаю, я сам здесь впервые. Зайдём внутрь, всё там и узнаем.

ВНУТРИ КДС

Мы вошли в КДС через главный вход с Каляевской улицы, который расположен по продольной оси здания на уровне стилобата. Из широкого стеклянного тамбура четыре парно объединённых эскалатора спускают посетителей в гардероб, рассчитанный на 6 тысяч

человек. Он размещён в цокольном этаже на глубине восьми метров ниже уровня земли за пределами наружных стен наземного объёма. Гардероб сообщается с нижним распределительным фойе, из которого пять открытых лестниц ведут в кулуары партера зала заседаний. В цокольной части здания размещены также центральный переговорный пункт и почтовое отделение, туалетные комнаты партера и амфитеатра. Заходим внутрь, на эскалаторе спускаемся в гардероб, надо ведь раздеться, зима на дворе.

Из гардероба посетители поднимаются в фойе партера и амфитеатра, расположенное на уровне стилобата в головной части здания. Это – основное фойе дворца, место наибольшего скопления публики. Сюда можно войти и минуя гардероб, через стеклянный тамбур главного входа, расположенный на одном уровне с фойе. В тёплое время года именно таким путём входит во дворец большинство посетителей. Главное фойе, так же как и нижнее распределительное, ориентировано перпендикулярно основной продольной оси здания и своей протяжённостью контрастирует с компактной формой зрительного зала. Со стороны главного фасада Дворца съездов, обращённого к Арсеналу, всё внутреннее пространство наземного и подземного объёмов дворца отведено под парадные фойе и кулуары. Здесь большие удобства для многочисленных посетителей создают 14 бесшумных эскалаторов, которые связывают расположенные на разных этажах фойе, зрительный и банкетный залы с гардеробом, находящимся ниже уровня земли, на цокольном этаже.

«Блин, как здесь всё сложно и запутанно, сложнее, чем в начерталке», – думал я и сам не зная куда вёл, как Сусанин, своих друзей. Но не на погибель, а в зрительный зал.

Над зрительным залом размещалось фойе балкона, а выше – кулуары банкетного зала. Ну вот и до лестниц добрались.

– Ну, Шурик, смотри, куда они ведут, тебе ведь интересно было знать.

Пять пологих лестниц вели вниз, в кулуары, опоясывающие партер зрительного зала. Отсюда посетители попадали (здесь ударение поставьте на третий слог, а то ещё упадёте) в партер. По другим четырём лестницам зрители поднимались в амфитеатр. Расположенные по обеим сторонам главного входа эскалаторы, а также лестницы в торцах главного фойе вели в верхнее фойе, откуда осуществляется загрузка балкона зрительного зала. При проведении приёмов здесь собираются приглашённые, отсюда они поднимаются в банкетный зал. Пространство фойе балкона не изолированно и не замкнуто. С торцов оно сливается с кулуарами зрительного зала, ведущими к переходам в Большой Кремлёвский дворец. Расположенные в южном торце здания остеклённые переходы образуют внутренний дворик, который используется как для нужд сцены, так и в хозяйственных целях. Короче, мы запутались в лестницах, каких-то кулуарах и совсем заблудились во дворце. На наши места в зрительный зал, указанные в билете, вывела нас какая-то сердобольшая бабуля-завсегдатай этого КДС, низкий ей поклон за это.

СЕЛИ, КУДА ДЕНЕГ ХВАТИЛО

Сели где-то на верхотуре на балконе, куда денег хватило. Сели не как депутаты народа, а как его слуги и уставились на сцену. Сцена была закрыта занавесом, где на фоне красного знамени и солнечных лучей виднелся барельеф Владимира Ильича, как бы всматривающегося вперёд, в наше светлое будущее. А мы сидим и всматриваемся в его барельеф, такой знакомый до боли с детства. Это была замечательная работа художников А. Мильникова и Х. Рысина, и она стала эмблемой, которая перешла на миллионы значков и флагов.

– В зале сейчас на концерте где-то порядка 4500 человек, – это Шурик нам сказал потом в буфете, когда был антракт, видимо, всё первое отделение концерта он считал зрителей. А я сосчитал 4500 электрических светильников и цветных люминесцентных ламп, расположенных в подвесном потолке, которые освещали

зал, создавая оригинальный световой эффект. Я смотрел на этот мерцающий алюминиевый потолок, на деревянные рейки стен, на светло-серый ковёр на полу, на насыщенный красный цвет обивки кресел, которая создавала цветовой аккорд. И всё мне здесь нравилось. Я ещё отметил оригинальный светящийся козырёк над сценой, который скрывал мощные усилители звука.

Последние минуты перед началом концерта... третий звонок... медленно гаснущий, «тающий» свет в зрительном зале и... ослепительная сцена! Яркая, торжественная, словно не светом прожекторов – солнечным светом залита она. Солнцем и музыкой до краёв наполнено её огромное пространство. Концерт я слушал вполуха. Кто в какой последовательности выходил к нам петь, уже не помню, но запомнил молодых тогда ещё двух певцов: «соловья берёзовой рощи» Льва Лещенко и «кучерявого барабанщика» Колю Гнатюка, у которого барабан был плох, а он пел как бог.

*Барабан был плох, барабанщик – бог.
Ну а ты была вся лучу под стать,
Так легка, что могла ты на барабане
станцевать.*

*Когда пляшешь ты, всюду звон такой.
Под тобой поёт барабан большой,
Барабань, барабань, только каблучком его
ты не порань.*

Первое отделение концерта прошло под бурные аплодисменты, как будто мы были на партийном съезде КПСС. Самое интересное началось в прениях, ах, простите, в антракте, когда весь народ и мы с ним единой семьёй ломанулись в буфеты в банкетный зал. Это было зрелище, в цирк на Цветном бульваре ходить не надо.

БАНКЕТНЫЙ ЗАЛ, КРЕМЛЁВСКИЕ БУФЕТЫ

Кремлёвские буфеты – это что-то особенное. Банкетный зал высотой 7 м, расположенный над зрительным залом, вмещает 2500 человек. Подвесной потолок в нём поддержи-

вается рядами боковых колонн, облицованных мрамором и чеканным анодированным алюминием. С трёх сторон зал окружает открытая терраса, с которой открывается вид на Кремль и Москву. Банкетный зал Дворца съездов по праву заслужил славу главного очага обжорства в СССР. Вряд ли где-то ещё простому человеку, ставшему на один вечер гостем Кремля, доводилось так славно выпить и закусить, как в этом залитом светом просторном зале. А уж что здесь творилось в дни главных форумов партии, можно было лишь догадываться. Банкетный зал находится прямо над зрительным залом, где проводятся торжественные приёмы, в обычные дни он служит буфетом. А восхитительные буфеты банкетного зала во Дворце съездов ломались от экзотической снеди. Растерянный провинциал типа нас, купивший билет на балет «Лебединое озеро» или на сборный концерт артистов эстрады, в перерыве между актами не знал, что предпочесть: канапе с ломтиком брауншвейгской колбаски, анчоус в винном соусе или грибной жульен. А уж что здесь творилось в дни главных форумов партии, можно было лишь догадываться. В дни работы съездов КПСС некоторых особо отличившихся в буфете депутатов, дожравшихся в несравненном дворцовом буфете до обморочного состояния, отсюда увозили прямо в больницу.

Добраться до «сказочных» буфетов можно было только вверх на эскалаторе, как в метро. Толчея была страшная, и мой друг Шурик-провинциал, замешкавшись на сходе с эскалатора, под натиском сзади сходящей толпы растянулся на мраморном полу. Я за него, честно скажу, испугался, а ему было смешно, впереди ещё предстоял штурм самого буфета. Видимо, Шурик представил себя красноармейцем в далёком 1917 году, который будет штурмовать сейчас Зимний. Я себе ничего не представлял, я просто тупо бежал за ним, след в след, «копыто в копыто», наступая ему на пятки. Подбегая к буфету («Зимнему дворцу», вернее к Кремлёвскому дворцу), Шурик начал мне орать: «Будем брать!..» Я подумал про себя: «Кого? Временное правительство?» Мне стало страшно за Шурика, как бы не «замели» его КГБ-шники, которых

здесь «пруд пруди». Народ начал от меня ша-рахаться как от полоумного за такие слова. А Шурик кричит на всю «кремлёвку»: «Жуль-он в грибном соусе!..» Я ему: «Жуль-он, он кто?» Шурик, глотая слюну: «Не знаю, но сказали, очень вкусно». Вот, думаю, сучонок, каких слов понабрался в Москве, недавно ещё с ним в Ижевске «щи хлебали лаптем», а теперь во дворце будет жульен ножом с вилкой ковырять.

Стоим в очереди в буфет, глазеем на народ, себя показываем. Доходит очередь и до Шурика.

– У вас «жульон» с чем? – спрашивает он буфетчицу с видом гурмана.

– Жульен у нас с грибами, с шампиньонами, – отвечает она спокойно. Шурик делает удивлённые глаза, он явно не знает таких грибов. А откуда ему знать, у нас, в удмуртских лесах, растут нормальные грибы, привычные для нашего желудка: белые-боровики, рыжие лисички, просто рыжики, опята-ребята. Да, хорошие грибы. Шурик опять к ней:

– Тётенька, я не понял, что это за грибы такие, «шиньоны»?

– Мальчик, у твоей мамы на голове шиньоны, а у нас жульен из шам-пинь-онов. Давай уже не морочь мне голову, смотри, сколько вас из провинции здесь понабежало, а я одна на вас всех из Москвы.

Шурик стоит, дар речи потерял и ориентир тоже. Шура, очнись, ты во дворце.

– Ну что, берёшь жульен? А то очередь уже гудит.

Послышалось: «У-у-у-у», как из пчелиного улья. Шурик, удмуртский Лопшо Педунь, стушевался, как лесной тушканчик, и быстро ответил:

– Беру! Думаю, что не отравлюсь.

Она дала ему небольшой горшочек. Он опять сделал удивлённые глаза.

– Ну ты чего хотел, мальчик, чтобы я тебе ведро жульена дала и ты бы всю ночь его тут ел? Давай поторопись, скоро третий звонок дадут.

– Тётя, а куда его дадут?

– Мальчик, иди уже хоть куда. О-о-о-о, как меня достали уже эти провинциалы. Вы чего желаете, молодые люди?

Мы посмотрели на Шурика, на его горшок и пожелали по бутерброду с красной, чёрной икрой и с ветчиной. То есть простую русскую еду, которую я с детства так люблю, и по чашечке индийского растворимого кофе-ю.

Стоим за столиком, Шурик жульен свой жуёт из горшочка, мы пьём «кофей» с бутерами.

– Не знаете, как этот жульен готовят? – спрашивает он непонятно кого. На всякий случай ему отвечаем:

– Нет, Шурик, не знаем ничего про эту еду, видимо французскую.

Натрескались мы, как аристократы-депутаты. Банкетный зал, где мы сейчас трапезничали, имел выходы на открытую прогулочную площадку, расположенную на плоской кровле дворца. Наружные стены зала почти сплошь стеклянные. Такое прозрачное ограждение как бы расширяет внутреннее пространство и связывает его с панорамой Кремля и города. По вечерам ряды бесчисленных огней светильников, отражаясь в тёмных стёклах убегающими вдаль гирляндами, создают эффект беспредельности зала. Всё его пространство кажется раскрытым, напоённым воздухом и светом. Но мы на эту плоскую крышу не попали – была зима. А жаль.

Чтобы получить полное представление о «кремлёвской стекляшке», дружно отправились смотреть туалет. И мы его посмотрели. После нашего деревянного сортира в селе Никольском, где я снимал с одноклассником Пашкой Возмишевым комнату, это было седьмое чудо света для меня и моих провинциальных друзей. Писсуары и унитазы сияли такой ослепительной белизной, что ими можно было только любоваться, что мы и сделали. Буфет и туалет произвели на нас неизгладимое впечатление. На второе отделение концерта в зал пошли чинно-важно, без всяких там падений.

Прошло с тех пор 40 лет, спрашиваю как-то:

– Шурик, помнишь, как в Кремлёвский дворец ходили?

– Помню, – отвечает. – Хороший был жульен, и жалко, что туалетом тогда не воспользовались.

С тех самых времён он жульен больше не ел, но вкус его помнит.

Алексей ШИХАЛЁВ

ЖИЗНЬ

Алексей Шихалёв родился 29 мая 1980 года, живёт в Ижевске. Инженер.

ЛЕНИНГРАД

Я придумал себе Ленинград.
Белым облаком с новой строки
Он плывёт над столпами громад,
Зажигая в душе маяки.

Я придумал.
И в детских мечтах,
Глядя в неба лазурный овал,
Светло-серым дождём Ленинград
Над моей головой проплывал.

Он плывёт и уносит меня
В свой гранитный таинственный мир.
Я придумал себе Ленинград.
Город снов.
Воплощённый эфир.

ПРИХОДИ

Приходи в этот вечер бездонный,
Посидим, помолчим о былом,
Мой надёжный старинный знакомый,
Белый ангел с подбитым крылом.

Приходи предрассветною тайной,
Пусть туман заполняет следы
Наших дней неизбежно печальных,
Вместе с солнцем в мой дом приходи.

Посидим, как бывало порою,
В тишине у живого огня.
Я один в этой жизни,
Не скрою.
Да и ты одинок без меня.

Ночь-подруга на город садится,
Светит месяц в окошко тепло.
Прилетай, одинокая птица.
Видит Бог,
Без тебя тяжело!

У меня есть один вопрос.
У меня есть ответ один.
Что оставлю среди берёз,
На краю серебристых льдин?

Я оставлю свои стихи,
Чтобы в них среди сотен слов
Растворились, как дым, грехи,
Став вершинами облаков.

Я оставлю.
И летний дождь молча смоем мои следы.
Это грустно, наверно.
Что ж...
Под дождём
Погрустишь и ты.
Жизнь проходит,
Взлетая ввысь, ускользает в дверной проём.
Мы по жизни звездой неслись
Через космос судьбы
Вдвоём.

Не грусти, что закрыта дверь,
Что пришёл невесёлый час.
Улыбнись.
Даже Бог, поверь,
Улыбнулся, увидев нас.

ИЖЕВСК, 26.09.2022

Вернись, сентябрь,
Прошу, вернись.
Замри осенним листопадом.
Верни потерянную жизнь
В наш класс
За школьную оградой.

Замедли ход.
Остановись.
Пусть снова дышит каждый атом.
Верни потерянную жизнь,
Навек останься двадцать пятым.

ПИСЬМО

Дети в школе,
Но холодно в классе.
Буква «А».
Выпускной нынче класс.
Наступила зима на Донбассе,
Восемь лет замерзает Донбасс.

По холодным домам серебрится
Белый иней потерянных лет.
Снег идёт
И устало ложится
На увядший сентябрьский букет.

Снег кружится в разрушенном классе,
Мёрзнут руки, но в сердце тепло.
Пишет девочка мальчику Васе
О любви
Непростое письмо.

Буквы ровные в детском блокноте
Чуть округлы и чётко ясны.
Как ты там, в добровольческой роте?
Так же видишь волшебные сны?

Я не вижу.
И только однажды
В бесконечную ночь ноября
Уплывает кораблик бумажный,
Унося в неизвестность тебя.

Подожди, одинокий кораблик,
Время есть до осенней зари.
От причала растерзанных фабрик
В неизвестность меня заberi.

Решено.
И сомнения стёрты.
Пусть борта накрывает волной.
Можешь плыть хоть в чистилище к чёрту,
До исхода останусь с тобой.

Буквы ровные в строчки садились,
Цельным фронтом построившись в ряд.
И озябшей рукой выводились
Под раскаты ночных канонад.

Завтра утром стремительной птицей
Полетит фронтовое письмо.
Чтобы там, у передних позиций,
Смерть забыла своё ремесло.

Снег кружится в разрушенном классе.
Мёрзнут руки,
Но в сердце тепло.
Возвращайся с позиции, Вася,
Сохрани непростое письмо.

РАЗГОВОР В МОНАСТЫРЕ

– Волчьим строем расшитых рубах
Мы идём среди донецких степей.
Не учи меня жизни, монах,
Думай лучше о жизни своей.

Тот, о ком ты, мне вовсе не брат,
И друзей не желаю таких.
Пусть уходит российский солдат,
Если так, то оставлю в живых.

Прекрати, бестолковый старик,
Чушь нести, прикрываясь Христом.
Хуже скрежета русский язык!
Мы чужие!
И кончим на том!

– Да, я беден и стар.
Посмотри на меня.
Сжали крест огрубевшие руки.
Я спокоен
И в нотах июньского дня
Слышу часа последнего звуки.

Потому страха нет,
Я уже на краю.
Я один в раскалённой пустыне.
Слушай душу мою.
Я открою её
Лишь тебе и моей Украине.

Было время,
Я молод.
Лихие года.

Время снов и отсутствия веры.
Были добрые мысли,
Но лишь иногда
Мы вставали под знамя Бандеры.

Поднимали мечи сотни, тысячи рук,
Твёрдо знали, что так будет лучше,
А слепой Сатана в деревянный сундук
Собирал наши юные души.

Так уйдёте и вы.
И, как будто сестра,
Зарыдает последняя осень.
Ничего больше нет.
Только дым от костра
Жизни грешные в небо уносит.

2014

Тишина в опустевшей квартире
Чёрной кошкой преследует нас.
За стеной в обезумевшем мире
Полыхает рабочий Донбасс.

Может, нам это попросту снится,
Как в цехах меж остывших печей
Мельтешат озверевшие лица,
Полуморды твоих палачей?

Полуморды в завалах бетонных
Поднимают свинцовую пыль
И на склонах твоих терриконов
Сатанинскую пляшут кадрили.

В облаках европейского рая
Мутным строем безумцы ползут,
И горит, хищным глазом моргая,
На знамёнах кровавый тризуб.

Эти бесы – вчерашние братья,
Эти твари – кому-то сыны.
Таковы ледяные объятия
Украинской гражданской войны.

Продавцы европейского рая
Обещают вселенский размах,
В поддавки с Сатаной играя.
Рай не может стоять на костях.

Жизнь диктует простые законы.
Ровным пульсом огромной страны
Здесь стоим мы.
И нас – миллионы.
Потому что Донбасс –
Это мы!

Арина БЕЗЗУБЦЕВА

БЫЛИНА О ЖЕЛАНИИ

Разжигало синим пламенем,
Тушило красной водой.
До чего же слабо желание,
Когда не владеешь собой!

По льду наступала, шагала,
С бубном в танце кружа,
Солнца лучи пропускала,
Грея место, где мгла.

Золотые волосы сыпала:
Рожь родилась от них.
Как весна – жизнью насытила,
Снег растопила вмиг.

Кольца роняла медные:
Там возникала тропа.
Видя чудо, все бедные
Бежали за ней по пятам.

Люд собрала и волнение
Мелодично с собой завлекла.
Восстали города древние,
Вернулась другая земля.

Смотрит: справа погибшие,
Слева дочери и сыновья.
Судьбою сплетённые нити все,
Моргнув, разорвала.

Разжигало тёмным пламенем,
Тушило светлой водой.
До чего же могуче желание,
Когда умеешь владеть собой!

СКАЗКА О СЧАСТЬЕ

Замок маленький, милый.
Внутри принцесса и принц –
Оберегал её от ушибов
И страшных всех небылиц.

Она была белокрылой,
Делилась силою с ним.
Он принимал всё открыто,
Нежный, будто зефир.

Каждое утро вставали
И наполняли свой бриг.
Против течения плыли,
Трудности все позабыв.

Вместе росли, не старели,
Вечно друг друга любив,
Детки играли на скрипке,
Замок лишь к ночи был тих...

Домик большой, не хилый.
Внутри не принцесса и принц,
Внутри – король, королева
И сказки семейной мотив.

ВОЗВЫШЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПАДЕНИЕ

В окне пережиток иного времени,
Дождь, смешанный с разноцветным стеклом,
Отражение раннего лишь падения,
Которое бурей обрушилось, сном.

Ошибки жизни видел без тления,
Между ними плыл, как простая вода,
Но не сразу понятна была истина –
Без них я для себя не я.

В окне пережиток утёкшего времени,
Дождь очищает, наступает оно,
Отражение раннего возвышения,
Которое явью стало, не сном.

Леонид ДОНСКОВ

АЛЁШКИН ДЕД

У Алёшки дед –
 Девяносто лет.
 Галуны, лампасы,
 Табака запасы.
 Тёсом крышу крыл,
 Лёньке говорил:
 «Подновлю курень,
 Доплету плетень,
 Отпасу коров,
 И придёт Покров.
 К Покрову ко дню
 Соберу родню,
 И как с плеч гора –
 Помирать пора!»
 А пришёл Покров –
 Дед как был – здоров!
 Ладит целый день
 На базу плетень.
 У Алёшки дед –
 Девяносто лет.

АМАЗОНКИ

О праматири амазонки!
 В жизни яростной круговерти
 Кровь горячая, голос звонкий,
 А глаза – отрицанье смерти!

Стрелы острые посылали
 Тетивою звенящей к цели,
 Амазонками гордо звали
 Дочек маленьких с колыбели.

У костра под звездой падучей,
 Помолившись богам недобрым,
 Положась на себя и случай,
 Отправлялись опять в дорогу.

Косы – за спину,
 ногу – в стремя,
 И над полем степною птицей
 Сквозь пространство и через время,
 Чтоб легендою
 возвратиться...

СЫН

Дремлющих глаз улыбка,
 Розовых губ движенье...
 В русской старинной зыбке
 Спит моё продолженье.

Спит он – надежд созвездие,
 Суд мой и искупленье,
 Неправоты возмездие,
 Вечной любви мученье.

В жизни поток великий
 Влился росинкой малой,
 Снов моих повелитель,
 Мой до кровинки алой.

Очередное звёнышко
 В сонмище поколений.
 Небо. Земля и солнышко!
 Будьте к нему добрее!

ХУТОР СОЦКОВ

Лес... Цветы и грибы...
 А когда-то здесь хутор стоял,
 Всё донцы – казаки –
 Работящий, отважный народ.
 Вдоль седых кучугур
 Виноград, что хозяин сажал,
 Без хозяйского глаза
 Уже полстолетья растёт.
 Тут тропинка в траве,
 Что вела вдоль плетней в аливаду –
 В колдовское пространство,
 Где яблони, вишни, калина,
 Где синицы поют по утрам,
 Где безумствует хор соловьиный,
 Где кукушка бесстыдно лгала,
 Сколь по Дону стоять хуторам.

Уходили они, всё свозили –
 Весь скарб, курени,
 В опустевших дворах
 Солнце в битом стекле отражалось.

Скорбно губы шептали:
«Создатель! Спаси, сохрани!»
Но остался лишь тот виноград,
Да ставок, да вот память осталась.

На песчаных тропинках
Растаяли ваши следы,
Даже в день поминальный
Сюда не придёт хуторянин,

Лишь бессмертник лиловый
Под ветром тихонько шумит,
Лишь пронзительно чайка кричит
И, как демон, хохочет в тумане.

Здесь цимлянские волны
Качают рыбачий баркас,
Здесь гудят катера,
Где-то в сизой дали исчезают.

Здесь ветра-непоседы
Пугают и радуют нас,
То тихонько в траве шебуршат,
То валы ледяные вздымают.

Собираем грибы, а когда-то здесь хутор стоял...

В ЧАС БЛУЖДЕНИЯ В МИРОЗДАНИИ

Взбудораженный, не налаженный,
На семи ветрах,
На семи бедах
Мир страдающий...
Мир отважный...
Не причёсанный, не приглаженный,
Побеждающий смертный страх!

Обещающий больше некуда,
Отправляющий в никуда.
А грядущее было некогда...
Иль не сбудется никогда...

Если любишь – в любви обманешься
Иль другого обманешь сам,
О предательство ближних ранишься,
Станешь плакаться... небесам...

И в самом себе не видать ни зги!
И в своей душе бродишь, как впотъмах!
И порой кричишь: «Чёрт меня возьми!» –
Продираясь сквозь боль и страх...

Не понять других, не понять себя...
С чем пришёл сюда – с тем уйдёшь.
И судьба твоя, и стезя твоя –
Не кинжал, не кнут, так убийца – ложь!

ВРЕМЯ, КОГДА НЕ ПРИДЁТ РАССВЕТ

Время, когда не придёт рассвет,
Время, в котором солнышка нет,
Время, когда мир сползает
В гнилое болото лжи.

Время, когда вымирает народ,
Время для нечисти и господ,
Время безвременья –
Страхи и миражи.

Время обманов и заблуждений,
Глупых надежд или наваждений.
Время, когда все мечты и надежды зря,
Время, когда ещё терпит людей земля!

Время проснуться!
Или умрём во сне!
Время вернуться к правде,
К заре, весне!

Время стряхнуть паутину
И с глаз, и с усталых душ.
Слышите?! Те уж играют
Победный туш!

Видите, нашу страну отбирают,
Видите, наших детей убивают?!
Помните, всё это
Позволили сами мы!

Время безвременья
Долго длится,
Сколько ж ещё
Позволим глумиться
Над человечностью
Этой нечисти?!

КАЗАКИ

Совесть – побудка. Время – горнист.
В грозных зарницах небо.
Ржанье коней, голоса и свист.
Запах ржаного хлеба.
Племя казачье! Сары аз манн!
Племя отваги редкой!
В «Старой степи» спят по холмам
Кости далёких предков,
Родина наша – вольная степь,
В алых тюльпанах поле.
Принципы – выстоять и суметь,
Верность, отвага, воля!
Ветер веков не разметал
Наше лихое племя,
Сердце казачье – в битве – металл!
Вечный попутчик – время.
Сердце казачье – пламя в любви.
Вера – казачье знамя!
Племя казачье, вечно живи,
Сил не теряй с годами.
Совесть – побудка! Время – горнист!
Звёздный колючий ветер.
Племя казачье, крепко держись
В слове! В седле! На свете!!!

ЛЁНЬКИН СОН

Рассказал мне мальчонка сон...
По озёрной поверхности он
Шёл... Волною качало чуть-чуть.
И усеян цветами меж волн
Был его удивительный путь.
Мальчик мой! Всё бывает во сне...
Мы летаем без крыл в вышине,
Побеждаем без боя врага...
Только сон, что так нужен мне,
Не приходит ко мне никогда.
В те глаза, что все дни наяву
Понапрасну ищу и зову,
Хоть во сне я хочу заглянуть,
Но бессвязных видений муть
Сны мои заполняет к утру.

ОЙ ТЫ, ЖИЗНЬ МОЯ!

Ой ты, жизнь моя,
Жизнь бедняцкая,
Жизнь бедняцкая,
Беспросветная.

Жизнь бедняцкая,
Беспросветная,
Словно ночь темна –
Безрассветная.

Жизнь унылая,
Безнадёжная.
А мечты-то все
Невозможные.

А была ты жизнь –
Зорька ясная,
А была у нас жизнь
Прекрасная –
Хоть работушка,
Хоть учение.
А теперь
Не жизнь, а мучение.
Нам теперь не жизнь,
А мучение,
А вот им, господам, –
Развлечение.

ТВЁРДОЕ СЛОВО

РАССКАЗ

*Бороться и искать,
Найти и не сдаваться!*

Строка из стихотворения британского поэта лорда Альфреда Теннисона «Улисс» – девиз романа В. Каверина «Два капитана»

*Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб, я червь – я Бог!*

Г. Р. Державин

Кто знает, какой зигзаг совершит развитие на нашей планете на непрямом, к сожалению, пути к неизбежно грядущему Светлому Будущему. Всякое бывало в истории, и всякое может ещё быть...

Виктор быстро шёл по белоствольной безмолвной роще, уже почти превратившейся в тенистый парк, с асфальтированными пешеходными дорожками, со всегда оживлённой детской площадкой с качелями-каруселями и с площадкой для выгула собак. Однако шёл он с другой стороны, запущенной, густо заросшей высоким диким кустарником и такой же травой, живущими как бы особой жизнью. Роща была близка ему светлой, берёзовой, тихой и в чём-то нежной красой, небольшими одуванчиковыми полянами, близка в качестве места многолетних физкультурных разминок и утренних пробежек, контакта босых ног с росистой или снежной живой землёй. Близка своими врачевателями – благодетельными в питании дикорастущими целебными растениями и цветами, более чистым и ароматным воздухом, ибо располагалась существенно вдали от крупных улиц и автомобильных трасс, и целительным звучанием птичьих песнопений. А также многими исписанными листами черновых записей рассказов, очерков, повестей и стихов – его творческих детей, когда отрадной летней по-

рой он сидел на раскладном походном стуле и писал, а в серое ненастье и белокурой зимой, прогуливаясь, рисовал в душе поэтические образы и обдумывал сюжеты и фабулы будущих прозаических произведений...

Высокое яркое солнце бесстрастно взирало на прогуливающихся или спешащих по делам людей, резвящихся беспечных детей и собак. Всё было как всегда. Но Виктор сейчас не прогуливался и не бежал трусцой, а пробирался сквозь цеплявшие за одежду заросли кустарника и травы, мечтая лишь о том, чтобы невидимым и неслышимым побыстрее выбраться из рощи и небольшими узкими, обыкновенно пустующими и молчаливыми, часто пересекающимися друг с другом улочками и переулками выйти за город. Он любил соприкасаться лёгким и мягким взглядом со встречными, посылая им своё сочувствие и доброту, однако теперь, оглядываясь по сторонам, избегал их, как чумы, и настойчиво пробирался вперёд. Что-то случилось с этим обычным и привычным до повседневности ещё год назад грешным миром. Условия жизни, куда ни посмотри, за что ни возьмись, стремительно, лавинообразно ухудшились, усилилось обособление друг от друга даже ближайших соседей, старых друзей и добрых знакомых, коллег по работе и товарищей по интересам, ну если и не друживших, то просто по-человечески доброжелательных

друг к другу. И тут и там всё пришло в полный упадок – раньше были хоть какие-то пусть и остатки прежних благородных жизненных идеалов, манящих надежд на возможность улучшения действительности и разные возможности вообще – ныне и последние исчезли, невесть куда подевались, стала царить бездуховность, порочность и вялая пассивность. Одним словом, произошло невероятное изменение всей души привычного бытия, всей пускай не всегда простой, но по большей части доброжелательной обстановки, дотоле окружавшей его. И одновременно появилось вокруг разлитое море равнодушных к подобным себе и окружающему, вроде бы в мгновение ока позабывших доброе и хорошее, что они постигли ранее и к чему их наставляло прежнее, и готовых жить под самым невероятным суровым принуждением, только чтобы не отказываться от привычных и милых удобств. Нужно сказать, и ранее это происходило, да не так обвально, как в последнее напряжённое и горемычное время. И стало невозможно передвигаться по сделавшемуся бессердечным городу. А ведь ещё совсем недавно он свободно ходил по добродушным улицам или ехал в автобусе по делам, любясь окружающим и взаимодействуя мысленно или, вернее, сердечно с людьми, посылая им теплоту и любовь, желая доброго здоровья и получая ответную волну тепла и добра...

Роца кончилась. Виктор спрятался в густом кустарнике на её окраине, выбирая момент, когда рядом никого не будет, дабы перебежать в один из горящихся переулков напротив. Такие предосторожности необходимы, ибо у него не было того самого «зверя» по имени q-пропуск, представляющего собой не одну специальную бумажную справку (что можно бы и купить), но и вживлённый в тело микрочип, излучающий определённую и конкретную информацию о данном человеке. То для бдительного сосредоточенных считывающих устройств, а бумажка – если таковых, на крайний случай, не окажется. Однако для контроля прохожими делался ни много ни мало знак на лбу в виде особой татуировки. При отсутствии отметины могло последовать фотографирование на смартфон или

айфон и сообщение в полицию, а далее человек заносился в специальную картотеку, от которой уже никуда не деться, и находился в розыске.

Вот и не далее как вчера объявили – с завтрашнего дня будет поголовная и постоянная проверка на улицах, на рабочих местах, во всех учебных и прочих заведениях и по домам с целью выявления людей без q-пропусков. Зомбирован показал: едет автомобиль, гаишник его останавливает и проверяет пассажиров. Вступление в какие-то разговоры не предполагалось – у него в ушах торчали красноречиво говорящие наушники. И когда ни у водителя, ни у пассажиров не оказалось соответствующего разрешения и чуткий прибор не показал сигналов чипа, служивый подозвал верный белый «воронок», стоявший тут же, недалеко от наблюдательного поста. И на глазах у окружающих их людей всех, кто были в машине, увезли, а её самое эвакуировали. И далее ведущий объявил: отказывающихся ввести в организм чип и, соответственно, получить заслуженный пропуск станут выселять из становящихся уже ненужными квартир в один из недавно построенных гостеприимных приютов в не столь отдалённой сельской местности. А что такие «приюты» собой представляют, Виктор прекрасно понимал...

Улучив момент, он пробежал небольшой пустырь и углубился в один из переулков. Никого не было видно, но Виктор стремительно зашагал по проезжей части, почти на глаза надвинув кепку.

Вчера, когда он отказался от предложения – читать закомуфлированного приказа – портала услуг зарегистрироваться для получения q-пропуска, отключили жизненно необходимые услуги: электричество, газ и воду. Не обладая железным здоровьем, без этих «друзей» обитателя городской квартиры недолго и захворать, а медицина ныне не на высоте и ниже возможной планки, то есть взамен здравоохранения – здравозащиты. Как-то с балкона Виктор услышал краткий и весьма показательный, весьма живой диалог, происходивший у стоявшей «на парах» машины скорой помощи: «Так вы же медсестра!» – «А где мы вам врачей и фельдшеров наберёмся, у нас по сто вызовов

в самый скромный день?!» А теперь ему и медсестру, даже и немилосердную, не пришлют или пришлют вместе с бравыми полицейскими и с не менее бравым шприцем с «живчиком»-чипом в заранее приготовленном растворе.

Накануне – ещё было посвободнее – он пробежался по аптекам и, где не слышал отказа чуткого продавца из-за отсутствия q-пропуска, покупал дешёвые, но сердитые лекарства для первой и безотлагательной необходимости и марганцовку с содой. Кстати, многие из них нашёл в ветеринарной аптеке недалеко от дома – таким образом братья мёньшие неожиданно помогли. Пригодились также и домашние запасы специй. К неприхотливому и воздержанному питанию, впрочем, и ко всему в своей богатой на события, нескучной жизни Виктор привык и с этой стороны был спокоен за себя. Да и наличные деньги кое-какие скромные имелись на руках.

Только оставаться в квартире и невозможно из-за неприемлемых бытовых условий, и опасно, так как в любой момент могли прийти. Вот и бдительные соседи под тем или иным, по их мнению, важным предлогом стали заглядывать, видимо, срабатывал всеобщий, животрепещущий где-то в глубине человеческой самости страх, и обещанное, ясно рисующееся в воображении вознаграждение было нелишним. Поэтому и дома он надевал всегда находящуюся под рукой кепку, опуская её козырёк до бровей при стуке в дверь. Когда ещё не отключили электричество, он пытался по интернет-сети найти подобных себе, называемых массовой пропагандой отщепенцами, изгоями. Но безрезультатно – разобщение достигло невыносимых пределов, люди боялись даже близких и родных, не говоря уже о дальних и посторонних. Оправдались самые страшные и фантастические предположения – выходило, что «человек человеку рептилоид». Всё это ощущалось Виктором так, будто Бог отступил от человечества, оставив его на волю сущего дьявола.

После отказа принять чип его уволили со ставшей родной и увлекательной работы, заблокировали скромный счёт в банке, где были небольшие личные накопления, и, соответственно, банковскую карту. Нет, если бы не пропуска и отличительные знаки, он мог бы жить и в своей квартире обыкновенным местным бомжом – живут же бомжи в заброшенных домах под снос. То есть находить себе хоть и небогатое, но ежедневное пропитание на мусорных свалках, ставших уже давно пунктом питания для нищих и бедных пенсионеров, и у больших соседних супермаркетов, где частенько выбрасывают просроченные, как говорится в одном известном произведении, «второй свежести», но не гнилые и более-менее съедобные продукты. Но нужно платить за квартиру, а не платить – значит потерять её. Потому необходимо уходить...

Яков ШАФРАН

Литературный стаж с 1986 года. Автор восьми книг прозы и поэзии. Публикуется во многих литературных журналах и альманахах. Лауреат нескольких литературных премий. Заместитель главного редактора – ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег», член редакционных советов ряда изданий. Член Академии российской литературы, Российского союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли Тульской». Живёт в г. Туле.

Виктор шёл по переулку, глаза слипались – минувшую ночь и утро он провёл даже без краткого сна, только сейчас и думать о безмятежном и благодетельном отдыхе было нельзя. Хорошо бы зайти в какой-нибудь супермаркет, подумалось ему, пока в городе, прикупить что-либо из мясных, рыбных и овощных консервов и по хозяйству там, посуду разовую, набрать рекламок для растопки костра. Да кто пустит, хорошо ещё у дверей не установили бездушных роботов-опознавателей. Однако и сегодня – это не вчера, всё меняется не по дням, а по часам. Попытаться, может, в мусорном баке кое-что найти, решил он, увидев в стороне, на улице, параллельной переулку, по которому шёл, сиротливо стоящий среди частных домов супермаркет. Виктор по-прежнему по проезжей части направился к нему. Подойдя к магазину, он остановился метров за пятьдесят от него и стал раздумывать. День был воскресный, тёплый, солнечный, и людей окрест не видно, наверное, отдыхают на природе либо пассивно, либо активно, трудясь на огородах и дачах. Да и магазин хоть и крупный, а окраинный, почти сельский. «Может, попытать счастья, правда, сомнительного, но вдруг повезёт, вдруг не заметят?» – подумал Виктор и подошёл ко входу. Охранник о чём-то увлечённо разговаривал с кассиршей. Он решил – ну возьмёт нужное, молоденькая кассирша пробьёт, какой интерес ей выдавать его, а охранник на выходящего и не отреагирует. И уверенной, размашистой походкой, быстро отвернув лицо вправо – будто на стеллажи смотрит, – прошёл в магазин. А не тут-то было, наверное, что-то не так в нём.

– Эй, приятель! А ну-ка постой! – услышал Виктор вослед.

Пришлось остановиться. К нему подходил, держа в одной руке наготове сканер, а другой поигрывая дубинкой, двухметровый дюжий верзила в чёрном. Приставив прибор, тоже чёрный, к груди Виктора и не получив желаемого сигнала, он потребовал на всякий случай – мало ли, техника забарахлила – пропуск и снять кепку.

– А, да ты злостный отказник! Пошёл вон отсюда! – закричал охранник, не получив доку-

мента и не видя знака, и стал болезненно тыча крепкой дубинкой в бок, толкать Виктора к столь негостеприимной входной двери. – Пошёл вон, тебе говорят! И скажи большое спасибо, что, на твоё счастье, не сообщил куда следует, а то бы тебя быстренько уpekли...

Выйдя, поблагодарив Бога и основательно выругав себя за такой необдуманный и, главное, совсем ненужный риск – берётся, берётся и на тебе, чуть как кур во щи не попал, – он свернул за угол, и ещё раз, и наткнулся на массивный открытый мусорный контейнер. В нём рылась неприглядного, даже страшного вида женщина, с космами грязных тёмных волос, с чёрными, видимо, от загара и грязи одновременно руками и лицом, от которой и на расстоянии сильно пахло явно давно не мытым телом. Раньше Виктор встречал её, более приглядную, в своём жилом районе, куда она ежевечерне, не обращая внимания на прохожих, приводила целый выводок коз на бесплатную и обильную кормёжку из мусорных ящиков, также собирая пропитание для животных в широкую, нещадно громыхавшую, разбитую грузовую тележку. Козы с тихим довольным меканьем, не дожидаясь кормления, объедали и близрастущие кусты. Потом, когда невесть почему запретили косить траву в берёзовой роще, чем занимался её старик-отец – они, видимо, давно и основательно кормились козьим молоком и на средства с продажи его и молочных продуктов, – коз не стало. Вскоре и отца, видимо, не стало. И она сама уже жила находимым в отбросах и подаваемым ей по воскресеньям и праздникам у местной церкви. Её можно было видеть в продуктовом магазине, где она сдавала в кассу тщательно пересчитанные и разложенные в кульки по достоинству монеты в обмен на бумажные купюры.

Виктор подошёл и, сняв вместительный туристический рюкзак, тоже начал рыться в контейнере, большом и глубоком, а не обычном мусорном бачке, какие стоят у подъездов домов, – снизу доставать не удавалось, не хватало длины рук. Тогда он, оглядевшись по сторонам, схватил валяющуюся рядом узкую доску и, запрыгнув в контейнер, стал, как лопатой,

выгребать нижнее содержимое наверх. Женщина, вначале неодобрительно отнёсшаяся к его появлению, что-то сочувственно промолвила и принялась с рвением наполнять свою тележку. Силы в Викторе хоть отбавляй, но всё же работа была тяжёлой, и он, дождавшись наполнения тележки, положив в рюкзак несколько отобранных банок просроченных мясных и рыбных консервов и зелёного горошка, выпрыгнул из контейнера. И сделал это вовремя, ибо увидел направлявшегося к нему с противоположного угла здания другого охранника, видимо, делающего очередной обход.

«Ну всё, никаких приключений, подобных недавним, больше не надо, и продуктов достаточно – а консервы можно и на костре стерилизовать», – решил он и заторопился прочь. Ну кто бы мог подумать, ещё совсем недавно Виктору и в страшном и дурном сне не могло привидеться, что он станет вот так рыться в отбросах, прятаться, безудержно бежать неизвестно куда... Вот поживает человек, размышляет, сомневается, опять раздумывает и опять сомневается, затем наконец решается на что-то, как-то поступает, оценивает личные дела, делает выводы, изменяется к лучшему и снова размышляет, поступает, оценивает... А тут в человека вживляют чип, и через него уже кто-то внушает ему свои мысли, свои решения, свои действия, и «ты спокоен, спокоен, спокоен...» Он понимал: в мире хватает законченных психопатов, даже в раю способных натворить чёрт знает чего, однако гораздо более есть разумных, таких, кому не нужно, чтобы ими управляли, когда это будет не собственная, пусть и грешная, плоть, не собственная, может быть и пустая, голова, не собственные, порой и ошибочные, поступки и опыт, не личная дееспособность как результат наследственности и влияния окружающей среды. А болезни – застарелые, продолжительные и тяжёлые, и совершенно «молодые», скоротечные и лёгкие, но в любом случае – живая обратная связь человека с каждодневной жизнью, с окружающей средой, с людьми, которые, в общем-то, активно и целенаправленно участвуют в формировании человека? Теперь, при управлении через чип, –

или заболел непонятно чем или от чего, или вылечат на расстоянии, если человек нужен для чего-либо. Резонный вопрос – для чего? Человек может сам быть в силах изменить своё непосредственное окружение и сомнительное поведение, тем или иным способом вылечиться от болезни-мучителя, измениться к лучшему. Чипированный же, он терял свободную волю, а значит, переставал быть человеком...

Виктор быстро шёл по переулку, до него долетали звуки из открытых настежь окон – обитатели домов, как повелось в долгожданный выходной день, смотрели зомбовизор, от чего он уже давно отвык. Ныне это не вызывало в нём невольного глухого раздражения – чем сейчас меньше прохожих на улице, тем ему лучше. И тут он неожиданно оступился – левая нога попала в ямку на абсолютно ровном асфальте дороги, причём так, что подвернулась. Жгучая боль пронзила ступню, и она стала жить будто особо: в ней закололи иголки, вслед за тем Виктор ощутил булавочное покалывание и после него жжение. Он пощупал ступню рукой – она начала чуть заметно припухать. «Ну вот, растянул связки! Ещё не хватало... – подумалось. – Нужно выбраться из города. Там, дальше, в лесу, перевязать, эластичный бинт есть, запасаю». И он, заметно прихрамывая, но решительно продолжил двигаться вперёд, зорко глядя по сторонам и с заметной опаской – на лежащую перед ним коварную мостовую. Полуденное солнце по-прежнему ярко светило в безоблачном, прозрачно-голубом небе, стоял жаркий и душный день. Наконец переулок вывел его на голый песчаный пустырь, за которым уже рос долгожданный густой смешанный лес. Однако пустырь представлял собой определённую непредвиденную трудность – на открытом пустом месте естественно заметить человека, направляющегося в лес с большим нагруженным рюкзаком. Любой человек мог подумать: с грузом – грибами и прочими дарами – обычно, по крайней мере в большинстве случаев, идут, наоборот, из леса. Это может вызвать обоснованное подозрение. И кто-то, особо «ответственный», тем более ежечасно призываемый по зомбовизору, может позвонить, и

через несколько минут здесь появится гравитолётный патруль. Потому, несмотря на боль в ноге – а она сильно болела, и наступать на неё было тяжело, – Виктор решил сделать изрядный крюк, пройти вправо до ближнего края пустыря, переходящего там в лес, и по дуге вернуться к тропе.

В лицо дул тихий и спокойный тёплый ветерок, нёсший откуда-то терпкий, ароматный запах сухого сена. И ему вспомнились давние летние дни, когда он, юный парнишка, месяц жил в деревне у дальних родственников. Как давно, казалось, тысячу лет тому назад сие происходило, и такое стойкое ощущение, будто в другой, параллельной реальности. Пёстрое стадо ленивых коров, пасущихся вдали, золотом колосающиеся, безмолвно-задумчивые, бескрайние колхозные поля, а вблизи на широкой зелёной лужайке – откормленные важные гуси и пёстрые бойкие куры, и редко какая деловитая легковая или грузовая машина проедет, сопровождаемая обязательным неистовым, звонким лаем деревенских собак. Глубокое голубое небо, птицы-певицы заливаются, первозданная свежесть кругом, и дышится удивительно свободно и легко, полной грудью. И славно так на душе, и сердце становится таким любвеобильным, и не хочется никуда торопиться, жил бы и жил в той деревенской тиши без будничной, хлопотливой суеты. А безмятежный и благодатный сон на старом сеновале в дощатом, одиноко стоящем сарае, когда засыпаешь под тихий и ласковый шелест листьев в саду, глядя в открытое слуховое окошко на яркие и молчаливые звёзды в чистом, чернильном ночном небе! А ранним и светлым утром спуститься по скользкой от росы приставной лестнице вниз, окунуться в занимающийся розовый рассвет, напиться его живительной, пьянящей бодростью и почувствовать всю чарующую, несказанную прелесть будущей, раскрывающей свои объятия молодой жизни. А в сенях отведать свежих, звенящих крепостью яблок, сочных, изливающих сладость груш и синих кисло-сладких слив, сорванных накануне заботливой хозяйкой в саду. Всё, что ему надо сейчас, – уйти в тот благодатный патриархальный мир, уйти со всеми недавними

волнующими событиями, смятенными мыслями и чувствами и там всё в равновесии и спокойствии обдумать.

Однако теперь было не до того. Нужно углубиться в ближний лес, перевязать уже достаточно распухшую ступню, передохнуть, подкрепиться и двинуться дальше. Всё-таки близко от домов, даже и окраинных, даже и в лесу, небезопасно находиться. Расслабиться сейчас – значит riskовать индивидуальным сознанием, пусть и не совсем идеальной, но самостоятельной и мыслящей личностью и в целом существованием. Потому Виктор доковылял до леса и не по узкой извилистой тропинке (мало ли кто может встретиться) – благо это не сплошной бурелом, не глухие заросли цепкого кустарника и высокой и спутанной травы, а чистый и светлый лес – пошёл дальше и дальше по нему. Через пару километров он решил расположиться на отдых. Отыскав подходящее тенистое место, эластичным бинтом перевязал ступню и, собрав сухой валежник, на прогалинке, где почти не было растительности, с помощью свёрнутого куска припасённой газеты – приходится беречь бумагу для растопки – и всякой сухой мелочи, валявшейся рядом, развёл костёр. Соорудив над ним горизонтальную перекладину, он повесил походный котелок, из плоской фляги налил воду и, подождав, пока она закипит, насыпал туда несколько небольших горстей гречневых хлопьев и приготовленную смесь сухой петрушки с укропом и морской капустой. Горячая похлёбка с ржаными сухарями и несколько грецких орехов и составили лёгкий полдник Виктора – прошло только два часа, как он вышел из дома. Покончив с нехитрой едой, он тщательно загасил тлеющие багровые угли, закидал потухшее костровище валявшимся рядом валежником, на всякий случай, чтобы не навести на верный живой след – теперь всего можно ожидать, вдруг объявят облаву. Не на него, конечно, а вообще. И, найдя подходящий укромный уголок с густой травой в кустах, прилёг отдохнуть. И дневной сон сразу же объял его...

...Он вроде бы сидит в своей квартире, всё видится чуть зыбким и немного светящимся. Кругом никого. Виктор словно раздвоился – он

и сам этот человек, и наблюдает его со стороны. В голове возникает вкрадчивый тихий голос, и он внимает ему. Закономерности в слышимых бесцветных, но вроде штампованных фразах нет, просто какой-то набор слов, однако само говорение, сам голос зачаровывают. Виктор краем отвлечённого сознания соображает, что через чип осуществляется направленное действие на подсознание, на подкорку – нервные центры под корой головного мозга; что за вроде бы нелепым многословием идут определённые живые образы, внушающие некие каноны инстинктивных действий, произвольных поступков, постоянных привычек в жизни, несвойственных ему ранее. И вот уже ничего для него нет вокруг, нет берущих за живое размышлений о предстоящем, о возвышенном, нередко посещавших обычно. Звучит только располагающий к себе бесстрастный, невыразительный голос. Затем вдруг он пропал, исчез, и Виктор совершенно забыл о слышанном, будто кто-то одним лёгким нажатием невидимой клавиши вычистил то из оперативной памяти. На краткий миг он видит вновь человека извне, сидящим на стуле и заснувшим. Но вот Виктор и тот вновь одно, и он как бы очнулся, и сразу же в отуманенную голову пришла мысль: «Я два дня назад подумал: у меня маленькая, буквально скудная зарплата, хоть иди воровать. И представил образно, где и что я делаю. Я неправ, очень неправ, я виноват, ибо, несмотря на лишь помысленное, по движущей силе крамольной мысли и рождённого ею ответного, не менее крамольного желания вероятность фактического, непосредственного осуществления такого действия крайне велика, а это равнозначно его неумолимому практическому исполнению. Следовательно, я – настоящий бандит, от которого могут стать невинными жертвами и непосредственные соседи, и незнакомые мне посторонние люди, истинный преступник и непререкаемого Закона Божьего. И ради несомненной общественной пользы и нравственности я должен не откладывая заявить в полицию о краже того-то и того-то, там-то и там-то, тогда-то и тогда-то. А для них уже само чистосердечное и покаянное признание

человека и есть достаточное подтверждение прямой виновности, и ничто другое, включая свидетелей происшествия со стороны, не требуется, а значит, не нужны и какие-то уголовные расследования, дело можно оформить, можно предъявить официальное обвинение и передать всё далее в суд. И они будут правы в своём решении. Моя главная и неумолимая социальная обязанность – предать себя предстоящему справедливому и неотвратимому наказанию!»

...Виктор проснулся от громкого кукования – в густой листве рядом растущего дерева громко пророчила кукушка. Не склонный к суевериям, он считать её «ку-ку» не стал, а быстро поднялся, взял заранее собранный рюкзак и, сверившись по маленькому компасу на часовом циферблате, стараясь придерживаться примерно одного, заранее заданного им себе направления, чтобы не ходить кругами, тронулся в предполагавшийся долгим путь. Через некоторое время Виктор почувствовал, что идёт по пологому склону вниз, и увидел сквозь нечастые заросли светящуюся в ослепительных лучах солнца воду. Это, видимо, та самая река, которую он заметил ранее на электронной интернетовской карте, когда искал себе подобных для тогда ещё возможного ухода из дома. По берегу реки предполагалось пройти добрых километров десять. Виктор спустился к воде и сел возле неё, окунув руки. Вода была тёплой, и он, раздевшись, вошёл в неспешную реку, умылся и всем обнажённым телом с головой отдался оживляющему, возбуждающему действию воды. Поплавав вволю, он, блаженствуя и дыша полной грудью, вышел на берег. Желтоватые солнечные отблески резвились в пышной древесной листве, распевали лесные птицы, и после приятного купания значительно усилились душистые ароматы лесных цветов и травы. Умиротворение и безмятежная радость разлились по всему телу, до этого ноющая боль в ноге сейчас почти не чувствовалась, и Виктор пошёл по берегу.

Он уходил всё далее и далее от города, недавно такого надёжного и такого близкого, а теперь грозящего ему лишением себя самого, неминуемой гибелью самобытной личности.

Уходил от города, где на каждом шагу необходимо предъявлять «аусвайс», города, где в случае категорического отказа его иметь отключали воду, электричество, канализацию, связь и интернет, то есть всецело жизнеобеспечение и контакт с внешним миром. От города, где царила социальная сегрегация, где поделили всех на два сорта – достойных и недостойных. От города, бросающего неподчинившихся в спецлагеря – места без должного питания, адекватного лечения и материального обеспечения, без связи, где люди, голодая, болея и нищенствуя, до времени умирают порой в жестоких мучениях. И раньше всех – невинные дети и старики. И это делалось везде, по всей стране. Кто-то не мог вынести, не желая себе такой незавидной судьбы (правда, их были ничтожные, бессильные горстки), они сходились и бросались на кичливые офисные здания власти. Однако, кроме ответного жестокого полицейского насилия по отношению к ним, сие ни к чему не приводило.

Как-то Виктор пришёл к православным в храм, где прежде бывал и беседовал на значимые для него и волнующие духовные темы. Он попал на утреннее праздничное богослужение. И когда после окончания, будучи приглашённым на воследовавшую совместную трапезу, открыто и по-простому завёл речь о спасении – не посмертном, а «сейчасном», в данной жизненной ситуации с q-кодами и прочим, – то в ответ не услышал ничего, а увидел лишь круглые, одновременно непонимающие и виноватые глаза почтенных священнослужителей и затаённый в них глубокий трепещущий страх. А узнав об отсутствии у него q-пропуска (тогда ещё не были введены опознавательные знаки на лице), чуть не сдали в полицию. И только по милости протоиерея не совершили этого. В итоге они сделали вид, будто его здесь нет, что не видят и не слышат его, то есть фактически выгнали прочь. И понял он: Бог молча смотрит на всё и ничего не предпринимает...

Отвлёкшись от воспоминаний, Виктор взглянул на неспешно текущую справа от него реку и засмотрелся на сияющую, чистую и медленно струящуюся воду с затейливыми

отражениями листвы на ней и яркими сверканиями игривых солнечных лучей. «Не в преодолении ли серьёзных трудностей единственный и глубокий смысл земной человеческой жизни? – подумал он. – Нужно жить как катит свои спокойные, безмятежные воды река. Всевозможные озадачивающие трудности неизбежны и постоянны, а преходящие радости житейские и наслаждения земные – редкие гости. Наверное, сильное физическое, душевное и нравственное страдание – неизбежный удел крепких и стойких духом людей. Потому лучше невозмутимо переносить всё выпадающее на твою нелёгкую, только, видимо, законную долю во всех окружающих тебя и рождающих затруднения обстоятельствах, чем испытывать банальный страх, злиться и нехорошо думать». А именно страх держал Виктора в цепких когтистых лапах последние дни, обуял его и обращал смятенное сознание к невесело скачущим мыслям о преждевременной встрече с безносой и с косой в руке старухой смертью. Но устрашаться её неразумно, решил он, ведь она вместе с рождением находится в надёжных руках мудрого Провидения и от человека по большей части не зависит. Живущие в страхе перед смертью влачат неполноценное, никчёмное существование беспомощными людьми.

И всё же тревожные мысли просачивались в сознание Виктора. Да, он идёт, чтобы оказаться как можно дальше от ставшего таким бездушным города. Да, он наслаждается со всех сторон окружающими красотами живописной матушки природы, бездонным небом, каждой клеточкой тела ощущает благодарную радость непосредственного общения с землёй, по которой идёт. Однако нужно где-то остановиться, не вечно же идти. А где? И продукты, взятые им с собой, когда-то кончатся. Виктор оглянулся вокруг, на тихий лес, и понял: страхи опять напрасны и, скорее, нервические – плодородная земля не даст пропасть с голоду. Лето подарит ему нежную сныть, листья крапивы, перистые листья одуванчика и овальные – подорожника, а также другие съедобные травы (он их знал и употреблял ранее), разные съедобные ягоды и грибы, лесные орехи и жёлуди – все плоды обильного леса. И ещё в

страдающем сердце жила затаённая надежда встретить себе подобных одиноких беглецов от прелестей нынешней «цивилизации». И Виктор пошёл быстрее, пытаясь быстрой ходьбой освободиться от всяких явных и неявных опасений. Нога побаливала, перед сном он её разбинтовал, дал отдохнуть, а утром перевязал заново, и теперь чувствовал себя полегче.

Неширокая и извилистая тропа раздвоилась, и Виктор неожиданно, но почему-то уверенно свернул чуть влево и не удивился, так как понял: не сам сейчас решил, куда ему повернуть, а повела его какая-то неведомая, таинственная сила. Сквозь раскидистые ветви лился неяркий и тёплый золотистый свет солнца. Он подумал: «Красиво кругом, сколько всяких изменений на грешной земле, а чарующая красота природы в любом месте и в любое время та же!» Это свидетельствовало: все изменения – наносное, ненужное, в самом корне чуждое Природе. Непоколебимое спокойствие и безмятежность окружали его, глубоко проникая в душу, густо зеленела сочная растительность, и за деревьями мерцала неторопливая река. Окружающее было в тихом и лёгком томлении, и лишь над гладкой водой, будто бы подчиняясь её неспешному течению, подрагивали чувствительные ивовые листья, и иногда вспархивали редкие птицы. Только, несмотря на умиротворение, появилось неясное ощущение того, что всё и внутри Виктора, и вовне ждало чего-то, должного неминуемо проявиться.

Надежда прийти к чему-то новому, конкретному и благотворному, усилилась в нём. Ведь в недавнем прошлом, несмотря на неустанные, но, оказалось, напрасные ожидания, нормальная, разумная жизнь не наладилась, а, напротив, закончилась. Да, нужно идти вперёд, но не оглядываться на прожитое тоже невозможно, ибо оно остаётся даже с сознательным человеком, его нельзя оставить где-то, защищаясь, оградиться от него и напрочь забыть. Тем более происходившее и происходящее теперь. А сейчас там, откуда Виктор пришёл, «они» вламывались к нежелающим чипироваться, хватали их и в наручниках увозили в белых или раскрашенных под цвет неба красавцах автоза-

ках. Каждый до последней спокойной минуты надеялся: именно с ним ничего творящегося с другими, в других, ближних и дальних домах и вообще во всём обезумевшем городе, в его родном доме не произойдёт, пройдёт мимо него, ничего плохого не случится. Однако когда плохое случилось, что-либо делать было уже поздно. Так существовала бóльшая, подавляющая, часть людей, пассивно, в беспокойной атмосфере скачущих мыслей, обрывочных приятных или печальных воспоминаний о прошлом, молчаливых раздумий о сокровенных чувствах и переживаниях, рефлексий, причудливых фантазий и грёз. Виктор не стал дожидаться наступления «поздно» и одобрял своё решение.

Он долго размышлял, зачем «они» всё это творили, каковы их сиюминутные и долговременные цели. И пришёл к единственному, однозначному заключению. Оно возникло в сознании цельной и законченной картиной, которая затем разложилась на составляющие части. Получалось, все в подлунном мире, кроме, конечно, «избранных», должны стать и быть подобными вплоть до одинаковости, лишёнными даже относительной индивидуальной свободы, получаемой от рождения; стать похожими как две капли воды, дабы не наблюдалось и скрытого, затаённого недовольства и внутреннего возмущения, а было сплошное, поголовное безмятежное счастье, с одним только неодолимым влечением – ко всевозможным забавам и чувственным наслаждениям. Необходимо устранить сплошь всё без исключения и всех до одного, что и кто рождает смутную или открытую тревогу и безысходную, беспросветную тоску с унынием. Маленьких, чуть ли не после появления на свет, детей нужно сразу забирать, в том числе и у обеспеченных родителей, в специальные воспитательно-образовательные дома, где сразу чипировать и лепить из них определённым кардинальным образом таких особей, чтобы они в дальнейшем не задумывались, чтобы у них вообще не было никакого добровольного самостоятельного выбора, никаких возможных и невозможных вариантов решения при возникновении в тех или иных конкретных случаях ненужных, лишних вопросов. И пусть

они воображают угодное им, вплоть до общения чуть ли не с самим всемогущим Богом, вплоть до своей полной основательности, личных незыблемых принципов и личных осознанных решений, будто именно то, позволившее им всё правильно сделать и в прошлой жизни, и сейчас, не сворачивая в ту или другую сторону, верно. «Они» делали, дабы благодаря «их» управляющим программам люди перестали размышлять. И, по сути, гипнотические внушения через чип подкреплялись бы различными распространёнными видами возбуждающих средств и музыкальными творениями с определённой ритмикой, а также гаджетами, где вместо содержательных книг – только клипы и комиксы...

Вот опять тяжёлые, скорбные думы заполнили сознание Виктора, и никуда от них не деться. Конечно, глядеть необходимо перед собой, в будущее, в завтра и двигаться вперёд, однако нельзя идти правильно – он ещё раз утвердился, – напроочь отрешившись от находящегося позади тебя, от чего отправился и идёшь. Это даёт возможность добиться непрерывности сознания и взвешенной линии поведения, достаточной самостоятельности, внутренней независимости от окружающих внушений, независимости от повторения давних досадных ошибок и от любых нынешних соблазнов. Когда он принял решение уйти, то занял своё, подобающее ему место в последовательной цепи текущих жизненных событий, насчёт чего он не испытывал никаких сомнений. Виктора не оставляло твёрдое убеждение, что пройдут тёмные годы и зомби, каких сейчас вокруг да около изо всех делают, рано или поздно начнут перемогать «это» бессознательное неменяемое состояние. Вначале отдельные люди, а постепенно и все, глядя на них. Ведь перемогают же работающие над собой залетающие в их усталую голову невесть откуда (но он-то знает откуда, много прочёл по теме) тёмные мысли. Таким образом можно перемочь, подобно телесной болезни, и «чиповские» внушения, ибо человеку по предназначению должно быть самостоящим. И вся «болезнь» исчезнет, будто её и не было.

...Трудный день медленно угасал. Виктор видел, как солнце, несколько часов тому назад ярое и неумолимое, теперь вечернее, неяркое и утомлённое, склонялось над рекой к закату в чистом, без единого облачка небе. Прощальные ласковые лучи, мягко окрашивая, золотили лесную траву и стволы деревьев. В спокойной, немного грустной вечерней тиши только бесчисленные птицы пели ежедневный вдохновенный, благодарственный гимн уходящему на ночь светилу. Но вот лучи заката стали всё более тонуть, оставляя после себя в окружающем лесу лёгкую дымку сумрака. И наконец закат вспыхнул последним робким лучом и погас, и небо над тем местом окрасилось пепельным. А по лесу начала стелиться сумеречная темнота. Виктор вздохнул, расставаясь с напряжённым, насыщенным и важным днём. Что-то ждёт его впереди?

Он решил поужинать, развёл костёр и принялся готовить нехитрую еду. Костёр, тихонько трепеща, потрескивал, и синеватый дым поднимался прямо и ровно в недвижимом вечернем воздухе. Птичье пение после захода солнца смолкло, и лес начинал постепенно замирать, набухать темнотой и засыпать. Окружающее стало сонным, так лечащим взволнованную душу Виктора, и покой сошёл на него, будто в раннем беспечном детстве на коленях у доброй и мудрой бабушки. Безмятежная тишь, зыбкие сумерки, слабое потрескивание костра навевали сон. Он, поев, решил поспать немного, дабы не провести ночь, столь полезную своей темнотой, во сне и чтобы отойти ещё дальше от города. Под густой и развесистой елью он постелил плёнку, нарвал охапки влажной от росы травы, положил на неё под голову рюкзак и, накрывшись курткой, заснул.

...Виктор шёл по освещённому редкими и тусклыми электрическими лампочками подземному туннелю. Вдоль обшарпанных, замызганных стен проходили такого же вида, должно быть, канализационные трубы, потому как под ногами хлюпала зеленоватая отвратительная жижа, и невыносимо тошнотворное зловоние наполняло воздух. И вдруг по этой жиже серой сплошной массой стремительно, с совершенно бешеной скоростью помчались крысы. Ему едва

удалось вскочить на стоящий рядом большой ящик. Крысы пронеслись, можно было идти дальше, но тут он увидел: его медленно и неотвратно окружают человекоподобные двуногие существа с тёмными, донельзя измождёнными, морщинистыми, отёчными и в синяках лицами. Ввалившиеся и казавшиеся усталыми глазами в темноте жутко горели. К нему тянулись иссохшие, грязные и жадные руки с длинными костлявыми пальцами с загнутыми ногтями. Они уже хватили его за одежду, всё сильнее сжимая плотное кольцо, прорваться через которое ни назад, ни вперёд, ни в какую сторону невозможно. И вверху не за что ухватиться, чтобы подтянуться и выскочить из коварной западни, и под ногами никакого спасительного люка нет. А существа туже и туже сжимали кольцо, и каждый старался притянуть его к себе своими ледяными и склизкими руками. Сильная болезненная судорога сотрясла Виктора... и он проснулся.

...Часы показывали почти полночь, в бесстрастном тёмно-синем ночном небе кое-где сквозь ветви ярко сверкали далёкие звёзды и светила растущая оранжевая луна. Вокруг было тихо и спокойно, порождённая сном дрожь улеглась. Он вытер зеленью походный котелок и ложку, закопал несгоревший мусор, тщательно проверил костровище и, собрав вещи, тронулся в путь-дорогу. Через некоторое время Виктор вышел на поросшую низкорослыми кустами и всевозможной растительностью – видно, никто за ней уже давно не ухаживал – широкую просеку, благодаря луне достаточно освещённую. А дальше, за просекой, виднелась глухая еловая чаща, одновременно и пугавшая, и тянувшая к себе. Он вспомнил последний сон – большинство снов, и приятных, и жутких, как и у всякого человека, не запоминались ему, но этот врезался в память. И если верить, будто в субъективной реальности тебя ждёт противоположное снящемуся, то Виктора, вопреки хищному миру – а он сейчас стал таковым, – значимым символом которого была мчащаяся неудержимая лавина туннельных крыс, ждала встреча с группой доброжелательных людей. «Да полно! – подумалось. – Согражда-

не убийственным равнодушием и покорным молчанием позволили укорениться жестокому и подлому злу, невиданному ранее и угрожавшему природной сути человека, угрожавшему жизни всего нынешнего человечества. Откуда тут, в лесу, группа, да ещё доброжелательная?.. Всё же по ночам нужно спать, это от недосыпания...» И теперь одно настойчивое и страстное желание возникло у него – бежать и бежать, дальше и дальше от сущего нескончаемого адского кошмара, найти себе безлюдное, уединённое место на природе и жить в живом единении с ней, лишь изредка общаясь с оставшимися тамошними сельскими жителями, чтобы добыть необходимые продукты питания, и узнавая новости по портативному приёмнику.

Тёмная еловая чаща обступила Виктора. Он шёл, изредка сверяясь с компасом, на восток. Однако проявились древние глубинные, затаённые страхи из подсознания одинокого человека в лесу, и ему то начало мерещиться что-то в корявом старом пне, раскинувшем в стороны свои узловатые сучья, то обычные светлячки стали казаться чьими-то пронизывающими огненными глазами в тёмных кустах. Да и саму ночь, первую вне дома, Виктор ощущал неким таинственным существом, отовсюду подозрительно глядящим на него, следящим за каждым его, даже невольным, движением. Он изрядным усилием воли решительно приказал себе: «Не смей!» – и заставил сознание отвлечься от всех тёмных ночных страхов. Они отступили, однако им пришла замена – неотступная тревожная мысль: вот уйдёт он, может быть, и далеко, спасётся в какой-то лесной глуши и станет жить, но не будет ли жизнь неполноценной – существованием растения? Как быть дальше, чтобы остаться человеком, а не стать двуногим приматом? И где найти того, кто мог бы помочь и научить?

Виктор всё время думал о том. Но вот он выбрался из ещё сонной хвойной чащи и увидел: на востоке, над обширным пустынным лугом, уже просыпающееся небо побледнело, более и более светлел видимый горизонт. И неяркие утренние звёзды одна за другой гасли, а горизонт, вначале засеребренный,

постепенно окрасился в шафранно-жёлтый цвет. Виктор вернулся в лес и нашёл уголок посуше, развёл небольшой ленивый костёр и устроился спать возле него, надев длинный клеёнчатый дождевик от выпавшей обильной росы. Долгий ночной переход утомил его, и Виктор заснул, едва склонив голову на рюкзак.

...И снилось ему, что он снова в мрачном и смрадном подземелье и за ним уже другие существа гонятся, дабы убить. Виктор прячется по всевозможным потаённым углам, какие может найти вокруг, и видит перекошенные хищные лица разъярённых преследователей, рыщущих в поисках его. Чувствуя их рядом, он всю сдерживает лихорадочное дыхание, чтобы те, услышав, не обнаружили. Вдруг Виктор уловил тихий, едва слышимый, однако внятный шёпот: «Пойдём, я помогу тебе». Он вздрогнул и, осмотревшись, увидел притаившегося человека, лица которого нельзя было разглядеть. Он почему-то доверился тому, они прошли сквозь стену – что воспринялось им обычным делом, – оставив гонящихся за ней, и пошли по какому-то слабо освещённому узкому коридору, пока не добрались до бетонной лестницы. Мужчина – он рассмотрел его – показал рукой, мол, нужно идти вверх. Виктор стал подниматься, держась за осклизлые перила. Остановившись на полпути, он посмотрел вниз, но никого там не увидел. А когда, откинув люк, выбрался на улицу, яркая вспышка хлестнула по отвыкшим от света глазам и одновременно раздался оглушительный грохот...

...Это была мощная молния, ударившая в одинокое, теперь горящее дерево, росшее на лугу. Виктор проснулся от её ослепительного света и оглушительного грома. В низком грозовом небе висели тяжёлые, зловещие, почти чёрные, по краям лохматые тучи, молнии посверкивали, и гром погромыхивал уже вдали. Пролился обильный ливень, горевшее дерево погасло. Через некоторое время ливень прекратился, перейдя в лёгкое морошение, однако ещё несколько раз он принимался хлестать снова – и в итоге затих. Виктор был рад предусмотрительно надетому перед сном спасительному дождевику. В освежающем послегрозовом воз-

духе стоял полный штиль, не чувствовалось даже слабого дуновения. Крупные, тяжёлые капли падали с тоскливо поникших мокрых веток, понуро лежала трава. Гроза ушла на запад, туда, откуда он пришёл, и оттуда отдалённо напоминала о себе. Виктор с помощью спирта разжёл костёр, только согреться никак не мог. Глядя на сизоватый пепел, он размышлял об ускользящей сути виденного в недавнем тяжёлом сне и о ждущем его впереди. Вместе с тем в сердце жила щемящая жалость к людям в покинутом им городе.

Загасив огонь и закинув на спину рюкзак, Виктор прошёл луг, лесополосу и за просёлочной дорогой увидел большое открытое пространство, в котором лишь по едва видневшимся межам и пронзительно синим василькам, росшим по ним и по краям этого места, угадывалось бывшее колхозное поле. Но пахло оно уже по-лесному, ибо заросло молодым осинником и в самой серёдке – чахлой сосновой порослью. Он подумал: видимо, где-то не очень далеко должно быть селение. Виктор смотрел вокруг и не знал, куда идти: с одной стороны, хотелось встретиться с сельчанами, а с другой – кто знает, что его там ждёт... И вдруг пришло подспудное ощущение: за ним наблюдают. Недоброе ощущение погнало вперёд, вернее, по полю наугад. Неясное, пугающее чувствовалось всё острее. В зарослях при желании мог укрыться человек. «Нервы, – подумал он. – И немудрено – сколько переживаний за такой короткий срок!» Вслед снова пришла мысль, будто не он выбирает направление, а кто-то или что-то ведёт его.

Виктор почувствовал усталость, и повреждённая нога ещё побаливала. Только как он мог устать, если после продолжительного отдыха продвинулся от силы километра на два? Потому не физическая это усталость, а психологическая, эмоциональная – видимо, от насторожённого ожидания чего-то, от подспудного ощущения постороннего присутствия и от его действия. Виктор остановился, осмотрелся – тихо и спокойно, никого... Однако его не покидало смутное чувство: он пришёл в то самое, надлежащее место, куда и должен был

прийти. И Виктор открыл свою душу, разум и сердце для всего: для бывшего, заброшенного поля, для низко висящего, совсем недавно безрадостного, пасмурного, но уже начавшего немного проясняться неба, для всех окружающих живых, мелодичных звуков и для предстоящего, кто знает какой долготы, пути. И это становилось им, неотъемлемой частью внутреннего существа. Всё более росло глубокое убеждение: нечто должно произойти, что-то исполнится, наверное, не просто такие ощущения. И словно в ответ тёмные тучи раздвинулись и выглянуло долгожданное солнце, и под его лучами стала таять унылая серость, а на ветвях и траве мелкими задорными искорками заблестели капли дождевой влаги. Приятно запахло мокрой землёй, и запели воспрянувшие птицы.

Виктор прошёл оставшуюся часть поля, поднялся на невысокий травянистый пригорок и увидел костёр и человека возле него. Тот, завидя Виктора, повернулся к нему и встал.

«Что за человек? Не сдаст ли?» – были первые беспокойные мысли, пришедшие в голову при виде мужчины немного выше среднего роста, с совершенно седой окладистой бородой, в сдвинутой на затылок тонкой серой вязаной шапке, широкой и длинной бежевого цвета куртке с капюшоном. Мужчина сделал шаг навстречу и улыбнулся.

– Спасаетесь?

– Да. А как вы догадались?

– По глазам, – так же улыбаясь, ответил тот.

Они познакомились, и Владимир, пригласив Виктора сесть у костра, налил ему в вынутую из рюкзака чистую металлическую кружку чай из котелка и сказал, мол, получил информацию об организованной группе людей, скрывающихся в этой глухой лесистой местности, и идёт помочь им и сообщить нечто важное. Спросил, не хочет ли Виктор присоединиться к нему. Он говорил кратко, веско, делая небольшие паузы между лаконичными фразами, слова его были обстоятельны и звучали рассудительно и проникновенно, шли будто из глубины души и сопровождались прямым доброжелательным и вместе с тем сдержанным взглядом синих глаз. Виктор спросил, что за

информация, от кого и каким образом тот получил её и что хочет сообщить членам группы. Владимир, чуть помолчав и подбросив в костёр немного веток, ответил: «Будете совершенствоваться – и вы станете получать. А сообщить хочу, как нам дальше жить. – И спросил: – Пойдёте со мной?» – «Да!» – ответил Виктор.

– Группа находится в данном районе радиусом примерно в пятнадцать-двадцать километров. Точнее мне не дано. Но можно догадаться – они разместятся недалеко от действующего сельского поселения – деревни, села, – где есть сельмаг, чтобы закупать недостающие продукты питания и хозяйственные товары, и у которого имеется какая-то связь с ближайшим райцентром, на всякий случай. Пришлось обследовать уже несколько местностей, однако пока безрезультатно, никаких бесспорных признаков жизни тайной группы не нашёл. Вот иду к следующей деревне, – рассказал Владимир.

Виктор расслабился, глубокая усталость навалилась на него, хотелось лежать и спать, ведь он никогда так много не ходил. Только он понимал: надо, несмотря ни на что, подниматься и идти, дабы слушать и слушать этого человека, ибо тот и словами, созвучными мыслям Виктора, и тем, как говорил, вызывал и сознательное, и безотчётное, но сильное доверие, в том числе и своим видом. А затем услышанное нужно обдумать: может, это искомое им и Владимир – непосредственная, конкретная реализация его недавних сокровенных чаяний об Учителе. Виктор стряхнул с себя усталость, поднялся, и они пошли.

И он не пожалел. Негромкая, уверенная и содержательная речь Владимира ничуть не была похожей на возбуждённый говор телевизионных внушателей, говоривших быстро, даже торопливо и не делавших интервалов между словами и фразами.

Он говорил: вечно живущую Истину нужно искать, и искать её не только в духовных и художественных книгах, в лучших старых фильмах и в давнишних близких друзьях, но и в окружающей, живой во всех видах, благодатной природе, и, главное, в себе самом. Одна Истина может спасти человека и человечество. Нынешняя

так называемая общечеловеческая, современная культура – по большей части не истинная культура, не культ Света, а порой абсолютная, диаметрально и враждебная противоположность. Потому всё должно переплавить, заново отлить в новое активное духовное содержание и влить в новую, соответствующую ему форму. Многие люди, говорил Владимир, верят, будто сегодняшний мир уже не изменить. А ведь он ещё недавно не был таким и не будет в грядущем, великом и дивном, – крошечная, непроглядная, казалось бы, тьма не вечна, лучезарный неземной Свет неминуемо её рассеет. Но Свету должно быть постоянным, нельзя позволить его загасить. А для сего надо в своём сером, будничном сегодня жить так неустанно, точно через десять секунд умрёшь. Постоянно жить на полной и полезной отдаче, ибо задача светлого человека – одухотворять косную, пассивную земную материю, преображать суетный, называемый цивилизованным подлунный мир, и прежде всего вокруг себя любимого.

Виктор, внимательно слушая Владимира, думал: здорово было бы, если бы этот человек каждый день, как сегодня, в течение его жизни беседовал с ним, позволяя впитывать значимое и нужное слово за словом, каплю за каплей, искру за искрой Знание. Чтобы настал наконец знаменательный день, когда сознание Виктора станет другим, и он, соответственно, попрощавшись с собой прежним, станет другим человеком.

Они прошли по пыльной и ухабистой просёлочной дороге, сворачивающей за невысокий пологий холм и спускавшейся в неглубокий заросший овраг, и, увидев на противоположном склоне небольшую деревню, направились к ней. Виктор, ни о чём не спрашивая, молча шёл за тем, кого он признал старшим. Стояла ясная погода, на раскалённом небе не виднелось ни единого облачка, и солнце уже довольно сильно припекало. Вспомнилось о лесной прохладе.

Разыскав сельмаг, Владимир решительно зашагал к нему, видно было, он не первый раз действовал по известной ему, отработанной им схеме. Осведомившись у продавщицы, давно ли завозили товар, и услышав, что неделю тому назад, он вздохнул и, выйдя из магазина, сказал:

– Если интересующие нас люди живут близ этого населённого пункта, то они стараются приходиться, вернее, посылать одного-двоих из своих при завозе товара. И выбор побогаче, и затеряться легче от постороннего, не дай бог, городского пристального и испытующего взгляда. – Но когда в сельмаг зашёл, похоже, с несельским лицом мужчина, Владимир добавил: – Кажется, нам повезло. – И дал Виктору неприметный знак зайти за ним следом.

Мужчина купил с десяток коробков спичек, несколько пачек соли, какой-то крупы и бутылок пять растительного нерафинированного масла. Они вышли вслед за ним на улицу и, подойдя, назвали. Мужчина ничего не ответил и насторожился. Дабы не привлечь лишнего любопытно-настойчивого внимания проходящих мимо сельчан, Владимир предложил отойти всем троим на задний двор. Мужчина неохотно, однако, видимо, не желая по той или иной причине конфликтовать, согласился.

– Мы знаем, вы не сельчанин и живёте в лесу. Мы и сами ушли из обезумевших мест и ищем подобных себе.

Мужчина промолчал и принял смущённый вид, будто не понимает, о чём говорят.

– Вы, наверное, думаете: почему я должен верить? Возможно, они присланы специально разыскивать таких, как мы, чтобы сдать власти. Верно?

Но тот в ответ неопределённо промычал что-то.

– Поверьте, им сейчас не до небольших замкнутых групп беглецов. Им и в ставших бездушными городах хватает непрестанной, ненавистной нам работы... Вы можете нас обыскать, только, уверяю, не найдёте ничего, даже отдалённо похожего на пропуска. Да и опознавательных знаков на лбу нет соответствующих. Вот, смотрите! – Владимир снял шапочку, откинул волосы и, исключая возможность макияжа, сильно потёр лоб. То же сделал и Виктор.

– А каким образом вы нас нашли? – впервые подал голос мужчина.

Владимир рассказал ему о глубокой медитации, о том, что он получил необходимую информацию через неё, район расположения

указан крупный, а где конкретно находится группа на указанной территории, он не знал и стал искать. Во время целенаправленного поиска он встретил Виктора, бежавшего из своего города. До этой, конечно, неслучайной встречи он обошёл несколько окрестных деревень и сёл, понимая: группа по вполне понятным, естественным причинам должна базироваться около населённого пункта с сельмагом. Однако никого не нашёл... В конце Владимир предложил посадить их с Виктором «на карантин» и лишь давать еду, а самим тщательно проверить содержимое их рюкзаков, телефоны, опять же с их содержимым, и всё нужное ещё. Мужчина недвусмысленным, нетерпеливым жестом остановил его и, сказав, мол, он один не имеет возможности принять решения, попросил подождать за ближней околицей и, предварительно проводив их до скрытного места, ушёл.

На разогретой земле не осталось уже и остаточных следов от утреннего дождя. Владимир и Виктор уселись в тени гостеприимного раскидистого дерева, развели костерок и перекусили, как говорится, чем бог послал. Но долго отдыхать не пришлось, появился их знакомый в сопровождении другого человека. Подойдя, тот представился, назвавшись Николаем, и спросил:

– А почему мы должны вам верить?

– Вы можете не верить, это ваше бесспорное право. А я принёс вам Истину, – ответил Владимир.

– В чём же она заключается?

– Мне хотелось бы вначале послушать вас. И прежде скажите: вы пришли сюда сложившейся, готовой группой или она формировалась постепенно, по мере прихода новых людей?

– Сюда мы пришли уже сплочённой группой. Там, откуда мы пришли, она формировалась, вы правы, постепенно, по большей части из незнакомых друг с другом, незнакомых и нам, кто разными, прямыми и окольными, путями искали непосредственного, личного контакта.

– Тогда почему вы не доверяете нам, также вновь пришедшим?

– Вы (я имею в виду лично вас, а не вашего спутника), – сказал Николай, пристально

посмотрев на Виктора, – непростой человек и, скорее всего, можете быть нам или настоящим другом, или коварным врагом.

– Вот как! Впрочем, логично в наш век всеобщего, тотального страха... И, если следовать этой же убийственной логике, главной задачей существующей системы является целенаправленное и беспощадное уничтожение любого инакомыслия, не вдаваясь в мировоззрение. По извечному принципу: против – значит заклятый враг. И коль я агент системы, мне ничего не стоило позвонить им, и, пока человек ходил за вами, здесь уже находился бы летучий спецотряд на гравилётах, и для него, проследив, захватить группу на малом и доступном прострaнстве было бы делом техники. Для чего предполагаемому агенту вовсе не нужно находиться лично в вашем скрытном месте.

– Понятно, Владимир. Ну что ж, пойдёмте, – произнёс Николай, не поднимая глаз.

Они прошли по дороге за деревню и вошли в близрастущий стройный лиственный лес. Виктор автоматически мельком взглянул на компас – сейчас они двигались практически на север по отношению к направлению пройденного им пути. Через некоторое время они оказались на небольшой уютной поляне, на которой ничего, кроме крупного кряжистого пня, не наблюдалось. Николай подошёл к нему, на что-то нажал ногой, и раздался далёкий приглушённый звон колокольчика. Пень откинулся, и взору открылся прямоугольный люк. Николай первый шагнул на ступени отвесной деревянной лестницы и пригласил гостей сделать то же самое. Они спустились, прошли по полутёмному узкому и короткому коридору и вступили в подземный зал, где стояло несколько аккуратных деревянных столиков со скамьями вокруг большого деревянного стола в центре. Вдоль дощатых стен горели лучины в специально подвешенных корытцах, как оказалось, наполненных водой, дающие неяркий и неровный свет. А в ближнем углу располагалась малогабаритная кирпичная русская печь. Несколько проёмов в стенах вели, вероятно, в спальные комнаты.

Отвечая на любопытные деловые вопросы гостей, Николай рассказал о вырытом

достаточно глубоком колодце, в том числе чтобы определить фактический уровень грунтовых вод. Потом выбрали подходящее место повозвышенной, вырыли котлован, из толстых брёвен сделали прочный остов, а из тонких – потолочное перекрытие, укрепив его вертикально поставленными опорными стволами-колоннами. Строение чуть-чуть возвышалось над уровнем земли и было покрыто плотной полиэтиленовой плёнкой, на которую положили нужный слой грунта и дёрн, снятый вдаль. Всё сделано таким образом, что Владимир с Виктором, зайдя на поляну, ничего не заметили – поляна и поляна. Почти на уровне земли они сделали несколько узких окошек, обтянутых тонкой сеткой (а зимой прикрывающихся ещё и прозрачным полиэтиленом). Естественной вентиляцией служила щель вокруг крыши и выход печной трубы (печь топится только по ночам). «Окошки», щель и выход трубы замаскированы мелким хворостом. Стены изнутри и пол они обили кусками досок, горбылями и фанерой.

– Отлично придумано! – похвалил Владимир.

– Летом, когда нет дождя, мы занимаемся беседами и прочими делами наверху, при выставляемом, конечно, наблюдении, собственно, всегда ведущемся, и ночью тоже. Зимой и в непогоду находимся здесь, в подземном помещении. В случае внешней, даже потенциальной опасности печь и лучины сразу же гасятся.

– А какие бы то ни было новости, слушая которые можно, как говорится, и между строк читать?

– Есть портативный приёмник, хорошо ловящий наверху – на дереве, а потом очередной дежурный, слушавший его, конечно, через наушники, рассказывает нам новости, так сказать, проводит политинформацию.

Виктор слушал молча, происходящее ему представлялось дивным сном – недавно шёл по лесу наедине со своими мыслями, а тут и Владимира встретил, не успел с ним один на один пообщаться – и «нарисовался» целый коллектив, немногочисленный, но сплочённый, таких же беглецов. Ну чем не сон?! И, являясь по основной специальности строителем, он восхитился

строением – сделано грамотно и основательно, надёжно. Однако возник вопрос – только ли для спасения они организовали совместное поселение? И Владимир, будто прочитав его мысли, спросил о том вслух.

В ответ Николай пригласил гостей на обеденную трапезу, после чего можно будет и поговорить. Обитатели скромного и уютного подземного жилища – кто-то за столиками читал, кто-то занимался починкой одежды, кто-то отдыхал в боковых комнатах – по сигналу бодрого колокольчика, висевшего у входа, собрались и стали помогать дежурному накрывать на стол. На расстеленной клеёнчатой скатерти появились лесные орехи, жареные и солёные грибы, сырые и тушёные овощи, лесные ягоды, фрукты и сухофрукты, салаты, большая супница с горячим супом, большой чугунок с кашей и прочие «деликатесы» лесной вегетарианской кухни. После принятой у них, как оказывается, психологической настройки на еду началась собственно трапеза, проходившая в полном, но не тягостном, а благоговейном молчании, прерываемая лишь короткими просьбами что-то передать из еды. После окончания её и уборки со стола состоялась неспешная беседа.

Члены сплочённой группы были верными поклонниками родной великой страны, с которой у многих нынешних людей связывались и личные воспоминания, и образные представления по воспоминаниям родителей и дедушек с бабушками, а также по старым, советским книгам и фильмам. И поскольку ничего хорошего – неприглядная сегодняшняя действительность подтвердила – ждать не приходилось, они, организовавшись, пришли сюда. И Владимир подтвердил: по его информации – он ещё раз, уже для всех, поведал, что у него за информационный канал, – таких одиночек и групп по стране достаточно много, то есть они далеко не одни.

Беседуя, каждый с сердечным теплом рассказывал своё о жизни в Той стране. Один заканчивал, следующий подхватывал нить душевной беседы, длящейся и длящейся. Виктор ощутил: помещение будто наполнилось солнечным светом. Казалось, ностальгия не закончит-

ся. Но вот Николай поднял руку, и наступила почтительная тишина.

– Не станем, друзья, утомлять наших гостей. Скажем только, ради чего мы всё помним и повторяем друг другу. Во-первых, для сохранения подробной правдивой информации, во-вторых, для поддержания неповторимой дружеской атмосферы коллективной памяти и, самое главное, в-третьих, для передачи её детям и внукам теперешнего и будущего народа, чтобы когда-нибудь потом, может быть, в далёком грядущем воссоздать ту славную страну, которую мы потеряли.

– Как же вы хотите её воссоздать? Разве дадут вам это сделать те, кто людей фактически превратили в безвольных, послушных приказу извне биороботов без самостоятельного сознания и чуткого сердца? – воскликнул Виктор.

– Мы думаем, в грядущем сложатся непредвиденные обстоятельства чудовищной, непреодолимой силы, которые заставят правящую верхушку изменить, казалось бы, безвыходную ситуацию – изменить многострадальную страну и своё отношение к терпеливому народу. Что за обстоятельства, мы пока не знаем, однако верим, это произойдёт. Не может возмутительное безобразие расчеловечивания длиться вечно. Есть же Бог на свете!

– Мы все знаем хорошую, мудрую русскую поговорку «на Бога надейся, а сам не плошай», – ответил Владимир. – У нашего народа уже имеется уникальный опыт: мы построили отеческий дом, но он не устоял. Да, да, я говорю о благословенной стране, о которой вы печалуетесь и которую любите. И правильно делаете – лучше её в многовековой истории, и нашей, и мировой, не было. Словно у хорошего, крепкого деревянного дома древесные жучки источили все его стены, и кажущийся долговечным дом, не выдержав однажды под напором сильного штормового ветра, рухнул. Оттого нам, друзья, нужно построить такой дом, чтобы он не рухнул даже под напором самого мощного урагана!

– Как?

– Полного возврата в прошлое, о каком вы ностальгируете, один к одному, быть не может,

это противоречит непреложным и справедливым законам естественной планетарной эволюции. Да, будущее за подлинным, новым социализмом, только он явится другим – духовным. Временные «хозяева жизни», из-за кого мы с вами оказались здесь, в лесу, рано или поздно пожрут друг друга, ибо их истинная природа демоническая, и неминуемый бесславный конец их ясен. Все их каждодневные дела в настоящем и прошлом не оставляют и смутных сомнений насчёт сего. Поэтому насущный для нас и немаловажный вопрос лишь в сроках. Вот тогда-то мы и пригодимся. Но какие мы? Мы не должны быть исключительно сожалеющими о якобы безвозвратно утерянном, но прежде всего – знающими, как жить, как строить справедливое общество и по-настоящему высокоразвитую, цивилизованную, передовую страну. И путь, дорогие мои, нелёгок и только один – в гармоничном единении с Природой, в единении со всей Вселенной, в познании её законов и в жизни по ним. Вот тогда шаг за шагом, ступень за ступенью, по необходимой мере постепенной эволюции люди будут качественно возрастать в истинном Знании и духовном совершенствовании, строить самостоящий новый Дом, не подверженный ни тотальному, ни частичному разрушению. И начинать пусть и медленный, однако созидательный процесс нужно уже сейчас, с малого, с себя, и далее нести это другим, тем, кто созрел сознанием для целостного и гармоничного восприятия. Да, путь неблизкий, тернистый и многострадальный, и мы с вами, возможно и скорее всего, не доживём до светлого грядущего нашей родной земли, но другого, лёгкого варианта нет – путь к величественной и, казалось бы, недостижимой вершине крутой горы начинается с её подножия. А если непредвиденные обстоятельства движущей, могучей и непреодолимой силы наступят гораздо раньше, то тогда нам придётся делать параллельно. Ну, надо будет, станем действовать и так! На всё святая воля всемогущего Бога.

Виктор вместе со всеми внимательно слушал говорившего, и в его чуткой душе рождалось новое глубокое чувство: всё происходившее с ним до сих пор и нынешний смелый поход из дома сюда были только необходимой подготовкой к настоя-

щему моменту. Он вспомнил где-то прочитанное: «Неважно, что именно ты делаешь, важно, чтобы всё, к чему ты прикасаешься, становилось лучше, будь то предметы или люди...» Виктор одно время увлекался религией, причём он изучал различные конфессии, пока не понял: конечная цель любой церкви как деятельной системной, структурной организации – безусловное и строгое подчинение человека этой организации или сильному человеку, олицетворяющему её, и воспитание у человека устойчивой привычки, даже ненасытной потребности постоянно просить у Бога особенной милости к себе и чего-то для себя. Прощение, прощение – слёзные прошения, дай да подай по смыслу. Будто у Бога нет других неотложных, насущных дел, кроме удовлетворения бесконечных личных просьб миллиардов людей. Но теперь, слушая Владимира, он понял: сила в самом человеке, и в нём, Викторе, тоже есть Бог. Ведь недаром сказано в Священном Писании и было напомнено Христом: «Вы – боги!» Только Бога в себе надо открыть и уметь услышать. И в полном, ничем не колеблемом спокойствии своего ума, в гармоничном равновесии души ежедневно не покладая рук трудиться, притом непрерывно учась на приобретённом прошлом опыте, на опыте теперешней жизни, на опыте других личностей и, главное, учась даваемому свыше Сокровенному Знанию, чтобы, совершенствуясь самому, нести Высшую Мораль и Священную Истину.

– Настоящим управляет грядущее, – продолжал Владимир. – И наша благословенная и многострадальная страна, и вся любимая планета, Мать-Земля наша, подобно легендарной птице Феникс, непременно возродятся. А сейчас мы будем учиться сами и, встречая таких же одиноких – других беглецов от того мира, – передавать им наши обширные знания и полезные умения. Это станет происходить необязательно лишь в данном потаённом поселении, а во многих ему подобных, где будут желающие слушать и совершенствоваться. Впрочем, тогда мы сможем помочь другим, когда знания глубоко проникнут в нас самих, станут, как говорится, на-

шей живой плотью и кровью... Кстати, а почему среди вас одни мужчины? – спросил Владимир после недолгой паузы.

– Нужно было разведать и не только место, подходящее во всех смыслах, найти, но и обустроить. А женщины по большей части связаны семьёй или озабочены прежде всего её созданием. Поэтому, будто на войне, понадобились мужчины-воины. Однако мы уже думали над тем, чтобы в будущем, набравшись достаточно практического опыта, став, таким образом, хорошими инструкторами, разойтись и начать организовывать похожие общежития, и для семейных в том числе, и для создания семей из единомышленников, – поведал Николай.

– Вы очень правильно мыслите, – поддержал Владимир. – Именно через создание таких многосемейных очагов и воспитание детей в правильном духе и возможно грядущее! – добавил он.

Виктор вспомнил о Тайной вечере Христа. Он, широко открыв глаза, жадно слушал Учителя. И другие люди, кто был здесь, ещё находясь на зыбкой грани гипнотического сна своей прошлой жизни и недавнего внезапного пробуждения от него, слушали слова Владимира.

Николай встал и, обращаясь к Учителю, сказал:

– Мы не смирились с этим миром, навязанным нам, а решили бороться. Мы ушли от него и стали искать. И мы нашли Учителя в вашем лице, и теперь мы никогда не сдадимся кромешной, удушающей тьме, непроницаемому леденящему мраку. Избранный нами ныне эволюционный путь только один – к Свету, и ежедневный неустанный и великий наш труд только один – труд для его постоянного созидания. И закономерным результатом станет создание новой Страны, которой не будут страшны никакие сильные и свирепые ураганы и смерчи! Правильно я говорю? – обратился он уже к своим товарищам.

И в ответ последовало многоголосое «Да!», там было и твёрдое слово Виктора.

Сентябрь 2021 г. – 2022 г.

Яков ШАФРАН

НАГРАДА ДЛЯ ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ»

7 ноября в КВЦ «Патриот» состоялось подведение итогов сельскохозяйственного года России на Российской агропродовольственной выставке «Золотая осень 2022».

В рамках мероприятия прошло награждение организаций различных форм собственности за достижения в области сельского хозяйства. Литературно-исторический журнал «Александръ» (издание выходит в городе Мичуринске Тамбовской области при содействии Союза писателей России) был удостоен серебряной медалью в конкурсе «За эффективное

информационно-консультационное обеспечение АПК» за популяризацию аграрной науки и прославление Человека труда.

Ещё пять медалей (три золотые и две серебряные) получил рабочий секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор Анатолий Труба – за эффективное информационно-консультационное обеспечение агропромышленного комплекса и успешное внедрение инноваций в сельском хозяйстве.

Александр Сергеев

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru